

ISSN 1993-3959

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР

ИМ

2/2025

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР

Российский междисциплинарный журнал социально-гуманитарных наук

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Реестровая запись 30 июля 2020 г. ПИ № ФС 77-78825

*Журнал включен ВАК РФ в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора
наук (ред. 22.10.2021) по историческим наукам, по научным специальностям:*

5.6.1 — Отечественная история, 5.6.2 — Всеобщая история

2025

Издается 4 раза в год

№ 2

Основен в 2001 г.

Проблемным советом РФ «Интеллигенция. Культура. Власть»

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

Редакционная коллегия:

доктор исторических наук, доцент **В. Л. Черноперов** (*главный редактор*)

доктор исторических наук, профессор **С. М. Усманов**

(*заместитель главного редактора*)

кандидат исторических наук, доцент **И. А. Буданова**

(*ответственный секретарь*)

доктор исторических наук, профессор **Г. А. Будник**

доктор исторических наук, доцент **В. В. Комиссаров**

доктор исторических наук, профессор **И. К. Лапшина**

кандидат исторических наук **А. К. Калинин**

кандидат исторических наук, доцент **Н. Г. Юркин**

Международная редакционная коллегия:

доктор исторических наук, профессор **Г. В. Корзенко**,

Институт истории Национальной академии наук Беларуси (Минск)

главный редактор «Русского альманаха» **З. Паункович**, Сербия (Белград)

доктор исторических наук, профессор **Р. Юрковский**,

Варминско-Мазурский университет, Польша (Ольштын)

Точка зрения авторов публикаций может не совпадать с мнением редакционной коллегии.

Перепечатка без разрешения редакции журнала «Интеллигенция и мир» не допускается.

Электронная копия журнала размещена на сайтах

www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru, journal.ivanovo.ac.ru, www.cceol.com

INTELLIGENTSIA AND THE WORLD

Russian Interdisciplinary Journal of Humanities

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media
(Registry entry III № ФС 77-78825 on 30.07.2020)

*The journal is peer-reviewed and recommended by the Supreme Attestation Commission
of the Russian Federation to publish main results of Doctors
and Candidates of Sciences dissertations (issued on 22.10.2021)
on historical sciences, on scientific specialties:
5.6.1 — National history, 5.6.2 — General history*

2025

4 issues a year

№ 2

Founded in 2001

by the Council “Intelligentsia. Culture. Power” of the Russian Federation

Founded by Ivanovo State University

Editorial Board:

Assoc. Prof. **Vasiliy Chernoperov**, Dr. of Sc. (History) (*Editor-in-Chief*)
Prof. **Sergey Usmanov**, Dr. of Sc. (History) (*Deputy Editor-in-Chief*)
Assoc. Prof. **Irina Budanova**, Cand. of Sc. (History) (*Secretary of the Board*)
Prof. **Galina Budnik**, Dr. of Sc. (History)
Assoc. Prof. **Vladimir Komissarov**, Dr. of Sc. (History)
Prof. **Irina Lapshina**, Dr. of Sc. (History)
Alexander Kalinin, Cand. of Sc. (History)
Assoc. Prof. **Nikolay Yurkin**, Cand. of Sc. (History)

International Editorial Board:

Prof. **Georgy Korzenko**, Dr. of Sc. (History),
Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus (Minsk)
Zorislav Paunkovic, Editor-in-Chief of the “Russian almanac”, Serbia (Belgrade)
Prof. **Roman Jurkowski**, Dr. of Sc. (History),
University of Warmia and Mazury, Poland (Olsztyn)

The authors' views may differ from the viewpoint of the Editorial Board.
No reprints without the Editorial Board permission allowed.

The e-copy of the issue can be accessed at
www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru, journal.ivanovo.ac.ru, www.cceol.com

Subscription index
in the “Press of RF” catalogue
41533

© Ivanovo State University, 2025

Редакционный совет:

С. В. Артамошин	Брянский государственный университет им. акад. И. Г. Петровского
Ю. М. Воронов	Ивановский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
О. В. Золотарев	Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина
А. А. Корнилов	Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского
И. В. Кондаков	Российский государственный гуманитарный университет (Москва)
Г. Н. Кочешков	Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского
И. В. Купцова	Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
В. А. Мансуров	Институт социологии РАН (Москва)
С. Н. Полторак	Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича
Д. И. Полювянный	Ивановский государственный университет
В. А. Порозов	Пермский государственный гуманитарно- педагогический университет
Е. М. Раскатова	Ивановский государственный университет
А. В. Репников	Всероссийский научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела (Москва)
И. В. Сибиряков	Южно-Уральский государственный университет (Челябинск)
Ф. Х. Соколова	Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова (Архангельск)
А. А. Соловьев	Костромской государственный университет

Editorial Board:

S. V. Artamoshin	Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education “Bryansk State Academician I. G. Petrovski University”
Yu. M. Voronov	Ivanovo Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
O. V. Zolotarev	Pitirim Sorokin Syktyvkar State University
A. A. Kornilov	National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
I. V. Kondakov	Russian State Humanitarian University (Moscow)
G. N. Kocheshkov	Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky
I. V. Kuptsova	Lomonosov Moscow State University
V. A. Mansurov	Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences
S. N. Poltorak	Bonch-Bruевич St. Petersburg State University of Telecommunications
D. I. Polyvyanny	Ivanovo State University
V. A. Porozov	Perm State Humanitarian Pedagogical University
E. M. Raskatova	Ivanovo State University
A. V. Repnikov	All-Russian Scientific and Research Institute for Records and Archives Management (Moscow)
I. V. Sibiryakov	South Ural State University (Chelyabinsk)
F. Kh. Sokolova	Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk)
A. A. Soloviev	Kostroma State University

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

- Гусева М. А.* Образ университетского «ученого мужа»
(в трудах средневековых богословов, документах
университетов XII—XIV веков) 9

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

- Терехов О. Э., Терехова О. Н.* Историк на переломе эпох:
памяти И. Ю. Николаевой 23

ДЕБЮТ

- Добрачев П. Е.* Жизненные траектории репрессированных
интеллигентов в условиях сибирской административной
сылки 1920-х гг. 46
- Жила Ю. В.* Становление исторического образования в
Симбирско-Ульяновском крае в первой половине XX века 67
- Хрулев С. П.* Аго фон Мальцан: становление дипломата
и основные этапы деятельности на советском направлении 86

ДИСКУССИЯ

- Порозов В. А.* Термин «интеллигенция / интеллектуалы»
в российском интеллигентоведческом контексте 112

ИЗ АРХИВНЫХ ФОНДОВ

- Точенов С. В.* Переписка главного режиссера Ивановского молодежного народного театра Р. М. Гринберг и коллектива театра с представителями творческой элиты московской интеллигенции (Продолжение. Начало: «Интеллигенция и мир». 2024. № 1. С. 156—171; № 2. С. 165—189; № 4. С. 153—170; 2025. № 1. С. 148—168) 149

ТВОРЧЕСТВО УЧЕНЫХ

- Новиков В. В., Казачкова М. Г.* Полет мысли и искры чувств. Заметки о профессоре Аркадии Семеновиче Лившице и его творчестве 168

ПО СЛЕДАМ ПРОЧИТАННОГО

- Жульков М. В.* Достижения СССР в научно-популярном представлении. Рец. на кн.: Комиссаров В. В. Отечественная интеллигенция и научная популяризация в 1945—1985 гг. Иваново: Верхневолжский государственный агробиотехнологический университет, 2024. 216 с. 183
- Информация для авторов* 197

CONTENTS

FROM THE HISTORY OF THE INTELLIGENTSIA

- Guseva M. A.* The image of a university “learned man”
(in the works of medieval theologians, documents
of universities of the XII—XIV centuries) 9

PERSONALITY IN THE DISCOURSE OF INTELLIGENTSIA STUDIES

- Terekhov O. E., Terekhova O. N.* Historian at the turning point
of eras: in memory of I. Yu. Nikolaeva 23

DEBUT

- Dobrachev P. E.* The life trajectories of the repressed intellectuals in
the conditions of the Siberian administrative exile of the 1920s 46
- Zhila Yu. V.* Formation of historical education in the Simbirsk-
Ulyanovsk region in the first half of the XX century 67
- Khrulev S. P.* Ago von Maltsan: the formation of a diplomat and
the main stages of activity in the Soviet direction 86

DISCUSSION

- Porozov V. A.* The term “intelligentsia/intellectuals”: in the context
of Russian intelligentsia studies 112

FROM ARCHIVAL FUNDS

- Tochenov S. V.** Correspondence between the chief director of the Ivanovo Youth People's Theatre R. M. Grinberg and the theatre staff with representatives of the Moscow intelligentsia creative elite (Continuation. Beginning: "Intelligentsia and the World". 2024, no. 1: 156—171; no. 2: 165—189; no. 4: 153—170; 2025. no. 1: 148—168) **149**

CREATIVE WORK OF SCIENTISTS

- Novikov V. V., Kazachkova M. G.** Flight of Thought and Sparkles of Feelings. Notes on Professor Arkadiy Semenovich Lifchits and his Work **168**

READING AND DISCUSSION

- Zhulkov M. V.** Achievements of the USSR in the popular scientific representation. Review on the book: Komissarov, V. V. (2024) Domestic intelligentsia and scientific popularization in 1945—1985, Verkhnevolzhskii gosudarstvennyi agrobiotekhnologicheskii universitet, Ivanovo, Russia **183**
- Information for authors* **197**

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

FROM THE HISTORY OF THE INTELLIGENTSIA

Интеллигенция и мир. 2025. № 2. С. 9—22.

Intelligentsia and the World. 2025. No. 2. P. 9—22.

Научная статья

УДК 94:378.4(4)"11/13"

EDN <https://elibrary.ru/ycclt>

DOI: 10.46725/IW.2025.2.1

Научная специальность ВАК
5.6.2. Всеобщая история

ОБРАЗ УНИВЕРСИТЕТСКОГО «УЧЕНОГО МУЖА» (В ТРУДАХ СРЕДНЕВЕКОВЫХ БОГОСЛОВОВ, ДОКУМЕНТАХ УНИВЕРСИТЕТОВ XII—XIV ВЕКОВ)

Марина Александровна Гусева

Верхневолжский государственный агробиотехнологический
университет, Иваново, Россия, gmar@inbox.ru, SPIN-код: 6287-2348,
<https://orcid.org/0009-0005-65680152>

Аннотация. Университеты значительно повлияли на жизнь средневековой Европы. Зародившись как локальные центры учености, они стали привлекать к себе людей из разных стран и регионов. Их общей чертой стало стремление к знанию, ориентация на доводы разума, а не веры. В итоге сформировался особый образ «ученых мужей», которые как преподавали в университетах, так и обучались в них.

Это должны были быть люди, знающие свой предмет или желающие его изучать. Пропагандировался идеал скромности, аскезы, монашеского общежития, здорового образа жизни. Необходимо было совершать длительные прогулки, используя утяжеленную трость, делать физические упражнения. Поощрялась передача пищи и одежды бедным школярам. Запрещались азартные игры и шумные собрания.

© Гусева М. А., 2025

Со своей стороны, университетские власти и церковь стремились контролировать, регламентировать их образ жизни, поведение как вне учебного сообщества, так и на лекциях, диспутах. Одежда «ученого мужа» должна была отражать его принадлежность к факультету, ученую степень. Украшения и излишества на одежде не приветствовались. Существовал определенный ценз на тексты лекций, материалы для диспутов, которые магистры могли передать переписчикам для тиражирования. Они проходили строгий контроль со стороны университетских властей, церкви. Действовали и свои требования к регламенту проведения лекций, прохождению диспутов. Любые расхождения с церковными догмами следовало опровергать, дополнительно разбирать. Вместе с тем именно в университетской среде зародились идеи, которые заложили основу для классической науки.

Ключевые слова: средневековые школяры и магистры, «ученый муж», лекции, образ жизни, требования

Для цитирования: Гусева М. А. Образ университетского «ученого мужа» (в трудах средневековых богословов, документах университетов XII—XIV веков) // Интеллигенция и мир. 2025. № 2. С. 9—22.

Original article

THE IMAGE OF A UNIVERSITY “LEARNED MAN” (IN THE WORKS OF MEDIEVAL THEOLOGIAN, DOCUMENTS OF UNIVERSITIES OF THE XII—XIV CENTURIES)

Marina A. Guseva

Verkhnevolzhsk State University of Agronomy and Biotechnology,
Ivanovo, Russia, gmar@inbox.ru, SPIN-код: 6287-2348,
<https://orcid.org/0009-0005-65680152>

Abstract. Universities significantly influenced the life of medieval Europe. Having originated as local centers of learning, they began to attract people from different countries and regions. Their common feature was the desire for knowledge, an orientation towards the arguments of reason rather than faith. As a result, a special image of “learned man” was formed, who both taught at universities and studied in them. These should be people who know their subject or want to study it. The ideal of modesty, austerity, monastic community, and a healthy lifestyle was promoted. It was necessary to take long walks, using a weighted cane to do physical exercises. The transfer of food and

clothing to poor students was encouraged. Gambling and noisy gatherings were prohibited. For their part, the university authorities and the church sought to control and regulate their lifestyle, behavior both outside the academic community and at lectures and debates. The clothes of the “learned man” were supposed to reflect his affiliation to the faculty, academic degree. Jewelry and frills on clothes were not welcome. There was a certain qualification for the texts of lectures, materials for debates, which the masters could transfer to the scribes for replication. They were strictly monitored by the university authorities and the church. There were also their own requirements for the rules of lectures and the passage of debates. Any discrepancies with church dogmas should be refuted and further analyzed. At the same time, it is in this environment that ideas are emerging that laid the foundation for classical science.

Keywords: medieval scholars and masters, “learned man”, lectures, way of life, demands

For citation: Guseva, M. A. (2025), ‘The image of a university “learned man” (in the works of medieval theologians, documents of universities of the XII—XIV centuries)’, *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 2: 9—22 (in Russ.).

Введение

Актуальность. Средневековые университеты оказали большое влияние на историю и культуру своей эпохи. Они создали особый образ «ученого мужа», который был хорошо образован в разных сферах, стремился к познанию и рациональному объяснению мира, а также пропагандировал идеалы аскезы.

Нам представляется интересным рассмотреть отдельные аспекты данного образа, в частности, установить требования к «ученому мужу» эпохи Средневековья со стороны университетов и богословов. Временные рамки работы ограничены XII—XIV веками — периодом зарождения университетов, появлением светского образования. Отдельно заметим, что под «ученым мужем» в данной работе мы подразумеваем любого представителя университета, как обучающегося в нем, так и преподающего. Также нам представляется возможным рассматривать данный разряд людей в качестве основы для формирования протоинтеллигенции, которая впоследствии внесла значимый вклад в интеллектуальную жизнь Европы [Гусева, 2024a].

Историографический обзор. В зарубежной медиевистике различные аспекты существования средневековых университетов получили довольно широкое освещение [Евсеев, 2016, 2024]. В частности, основные вехи в становлении университетов Европы исследовали А. Коббан [Cobban, 2004] и Х. Рашделл [Rashdall, 2010]. В указанных работах приведен ряд сведений, характеризующих повседневный быт представителей «ученого сообщества», их нравы. Так, в книге А. Коббана мы находим данные о досуге и развлечениях студентов Оксфорда и Кембриджа, их взаимоотношениях с окружающей городской средой.

В отечественной историографии тема университетской жизни исследуемой эпохи изучена еще недостаточно полно [Гусева, 2024b]. В частности, отношения города и университета на примере Франции рассмотрены в статье П. Ю. Уварова [Уваров, 2000]. Сборник научных трудов «Традиции образования и воспитания в Европе XI—XVII веков» сообщает нам об особенностях процесса получения образования в разных регионах и странах, в том числе университетах, средневековых школах. Отметим, что данная работа содержит оригинальные переводы ранее не публиковавшихся документов «ученых сообществ», их представителей [Традиции..., 1995]. А. И. Полякова изучила требования к лекторскому мастерству средневековых преподавателей [Полякова, 2015]. Интересные сведения о повседневной жизни школяров Оксфорда и Кембриджа XIV—XV веков представлены в работе В. А. Евсеева [Евсеев, 2016]. В частности, автор рассматривает требования университетских властей к внешнему виду и проведению досуга своих подопечных, их частной жизни.

Постановка вопроса. Вместе с тем образ университетского «ученого мужа» Средневековья как в отечественной, так и в зарубежной медиевистике остается еще недостаточно изученным. Особенно это касается преподавателей университетов. Думается, что данная работа отчасти позволит заполнить указанный пробел.

Исторические источники. Основными источниками для наших изысканий послужили сборники документов, в которых представлены выдержки из трудов средневековых богословов, муниципальных хроник, статуты и постановления университетов.

Прежде всего, это «Антология педагогической мысли христианского Средневековья» под общей редакцией В. Г. Безрогова,

О. И. Варьяш [Антология..., 1994]. В нашей работе использован второй том издания, охватывающий период с XI по XV века. Он включает в себя следующие разделы: «Единство и многообразие: средневековые педагогические идеалы», «Учительный долг: магистр в школе и университете» — и др.

Большой спектр информации по изучаемой проблеме представлен в «Документах по истории университетов Европы XII—XV вв.» [Документы..., 1973]. Редактором издания выступила Г. И. Липатникова. Источники скомпонованы по разделам, которые отражают их разную направленность. Это «Возникновение первых университетов», «Университетский быт», «Учебный процесс» — и др.

«Анналы» Кембриджа свидетельствуют об отдельных аспектах университетской жизни в Англии [Annals..., 1842]. В частности, они рассказывают нам об отношениях города и местного «ученого сообщества», росте привилегий последнего. В нашей работе задействован первый том этого издания.

Труд Пьера Абеляра «История моих бедствий» также содержит некоторые сведения о жизни европейских университетов, школяров [Абеляр, 2011].

Сборник «Традиции образования и воспитания в Европе XI—XVII веков» включает в себя выдержки из университетских статуты и постановлений, городских анналов, трудов богословов. Последние отражают тенденции в педагогической мысли, господствовавшие в изучаемый период [Традиции..., 1995].

Думается, что все вышеуказанные источники являются вполне репрезентативными в отражении темы наших изысканий.

Методология и методы исследования

В качестве методологической основы исследования были использованы сравнительно-исторический, обобщающий, проблемно-хронологический методы изучения исторических закономерностей через их конкретные проявления. Применялся также историко-антропологический подход, который позволяет выявить мотивы деятельности человека изучаемого периода.

Основная часть

Еще в V веке Марциан Капелла провозгласил принцип «семи свободных искусств», который стал основой для последующего

формирования общей системы обучения в Средние века. В Европе начали появляться особые «центры учености», притягивающие к себе людей, жаждущих знаний, рационального объяснения действительности. С XII века обучение в них подразумевало уже возможность для слушателей приходить и приезжать из разных стран и регионов. Постепенно данные школы переросли в университеты. В частности, П. Абеляр писал: «...едва только я узнавал о процветании где-либо искусства диалектики ... как я переезжал, для участия в диспутах, из одной провинции в другую...» [Абеляр, 2011: 8].

Традиционно средневековые университеты включали в себя четыре факультета или сообщества: «семи свободных искусств», или подготовительный, а также юридический, богословский и медицинский. Возглавлял факультет декан, избиравшийся на общем собрании магистров сообщества.

Каждый факультет занимал отдельное помещение. Однако изначально университеты не имели своих домов, арендовали их у горожан, местных жителей. Нередко на одном этаже дома школяры усердно занимались, а на другом находилось «место разврата», где «распутные женщины ссорились между собой» [Антология..., 1994: 105]. Непростые отношения складывались у школяров и с окружающей городской средой [Гусева, 2024b: 60—66].

Постепенно ситуация менялась. Университеты приобретали собственные помещения, землю, в частности, получая их от благодетелей в дар. Особенно ярко данный процесс прослеживается по документам XIV века. Например, в «Анналах» Кембриджа мы находим ряд упоминаний о земельных участках и завещаниях денежных средств, кои были переданы на организацию университетских колледжей [Annals..., 1842: 72, 79, 142, 143]. Городские документы сообщают о смерти в 1325 году Джона де Эли, епископа Норвичского, который завещал университету Кембриджа 100 марок. А несколько ранее, в 1321 году, говорится об основании домов для школяров Кембриджского университета на средства благодетелей [Ibid.: 78, 81].

В европейских городах возникают целые университетские кварталы. Так, в XIV веке дофин Карл разрешил перекрыть ряд улиц в центре Парижа воротами, чтобы оградить школяров от дурного влияния «врагов науки» [Документы..., 1973: 64]. В Кембридже в XIII—XIV веках на муниципальной территории образовались

несколько университетских колледжей: Питерхаус, Клэр, Пемброк, Гонвилл и Кэйюси, Тринити Холл, Корпус-Кристи. А жители города неоднократно жаловались на беспокойный нрав своих соседей-школяров и церковный перезвон, который призывал их на занятия [Annals..., 1842: 53, 54, 119—125].

Университеты привлекали к себе людей разной национальности и традиций. Существовали некоторые стереотипы в восприятии выходцев из определенных стран. В Парижском университете англичан ассоциировали с пьяницами и шутами, французов — с неженками, немцев — с грубиянами, и т. д. [Антология..., 1994: 105]. Задачей же университетского руководства было соединить столь разных людей в единое ученическое братство.

Провозглашался принцип братского общежития, идеал аскезы. Согласно анонимному автору XIV века, в доме, где проживали школяры, должны присутствовать лица четырех типов. Это школяры, педагоги, магистры, аккузаторы. Магистры выступали в качестве заботливых отцов «своего семейства», аккузаторы сообщали о проступках школяров. Педагоги были наставниками в интеллектуальном труде. Формировался дух семейственности, общности интересов, нацеленности на получение знаний [Там же: 107].

Традиционно прием пищи осуществлялся на общих трапезах. Исключение составлял период болезни школяра или получения увечья с открытым кровотечением. Оставшаяся нетронутой пища передавалась распорядителю, который распределял ее среди бедного клира. Запрещались любые шумные собрания перед домом, где проходили занятия, а также азартные игры [Документы..., 1973: 19, 36, 61, 66]. П. Абельяр призывал вместо изысканных кушаний питаться полевыми растениями и сухим хлебом, вместо мягких постелей довольствоваться ложем из сена и соломы [Абельяр, 2011: 12]. Поощрялась помощь бедным и сиротам. Им можно было передать не только еду, но и одежду.

Большое внимание университетские власти уделяли здоровью и времяпрепровождению школяров. Учебные помещения регулярно проветривались. Заметим, что часто пол комнат, где проходили занятия, застилали соломой. Школяры сидели на полу. Это требовало определенной периодичности в смене подстилки, дабы соблюсти гигиену, избежать распространения инфекционных болезней. На факультете «свободных искусств» Парижского

университета требовали от учащегося слушать своего наставника сидя на полу, чтобы избежать гордыни [Документы..., 1973: 207, 212].

Школяры должны были совершать длительные вечерние прогулки, играть в мяч, самостоятельно заниматься физическими упражнениями. Так, в источниках мы находим рекомендацию школярам иметь утяжеленную трость или палку для развития своих физических данных [Там же: 13, 53].

Пропагандировался монашеский образ жизни. В частности, говорилось о желаемом безбрачии учащихся, магистров. «Законная спутница ... магистра — сама философия, которая по велению Бога является учительницей всех добродетелей...», — писал автор XIV века [Антология..., 1994: 217]. П. Абеляр указывал: «Кто, наконец, устремленный к святым или философским медитациям, смог бы выдержать писк детей, кормилиц ...?». Ведь «некогда известные философы, очень равнодушно относясь к миру ... запрещали себе наслаждения, чтобы успокоиться в объятиях одной только философии» [Абеляр, 2011: 20—21].

Также осуждалось любое стремление к богатству, стяжательство. В документах медицинской школы в Монпелье говорилось о запрете для выпускников любых помыслов о будущем богатстве и процветании. Магистры должны иметь не более одной черной мантии, которая спускается до пят и полностью прикрывает ноги [Документы..., 1973: 13, 19].

Как мы видим, средневековые университеты заботились о внешнем виде своих учащихся, преподавателей. Это позволяло отличить их от горожан, установить ученый статус, принадлежность к факультету. Так, статуты Парижского университета сообщали, что «студент, претендующий на степень бакалавра, приходит на публичный акт ... находясь в своей обычной одежде. После этого педель велит ему подняться, облачиться в одежду бакалавра и сесть между бакалаврами...» [Там же: 55]. Магистру искусств во время лекций или диспутов нельзя носить митру и укороченное верхнее платье [Там же: 19, 36, 61].

Существовали и отличия в цветовой гамме одеяний преподавателей, школяров. В Париже черная мантия соответствовала философам, так как именно данный цвет включал в себя все цветовые оттенки. Верхняя часть берета (*testella*) показывала вместимость ума. Кисточка (*flos*) означала красоту нравов. Медики носили

темно-коричневые одежды, юристы — огненно-красные, что знаменовало горение ума, жажду знаний [Антология..., 1994: 214—215]. Нередко подобные правила нарушались. Так, в Кембридже в начале XIV века местные жители жаловались на слишком вызывающее одеяние студентов и длинные волосы, которые были завиты и напудрены. На их пальцах красовались дорогие кольца, а на поясах — кинжалы [Annals..., 1842: 95].

Университеты стремились регламентировать и процесс преподавания дисциплин, чтение лекций школярам. Лекции должны были соответствовать пяти качествам: доступности и ясности, краткости, пользе для ума, приятности, зрелости (нечто среднее между быстротой и медлительностью речи). Бедность и худосочие оратора также воспринимались как препятствие для удержания внимания слушателей. Лектору следовало воздерживаться от обидных и скандальных слов, произносить свои речи без гордыни. Так, богослов XIII века писал, что сначала следовало изложить кратко содержание трактуемой главы, затем отчетливо ее зачитать, сопровождая комментариями к тексту. Далее шли разъяснения к имеющимся или обнаруженным противоречиям [Документы..., 1973: 46, 52].

Таким образом, чтение лекций требовало от магистра, преподавателя хорошего ораторского мастерства, тонкости ума, сдержанности, умения «держат аудиторию». Если на лекциях было шумно, то наказанию подвергались студенты. Их могли на год исключить из университета [Полякова, 2015: 186]. Лектор должен произносить текст так, чтобы школяр не мог делать каких-либо записей или пометок.

Каждый из курсов лекций завершался в определенный период, который университет регламентировал самостоятельно. Так, в Париже было принято «Топику» Боэция (без четвертой книги) оканчивать к дню Благовещения. «Этика» Аристотеля рассматривалась в течение 12 недель. Не разрешалось читать более двух ординарных лекций (обязательных, утром) или превращать их в экстраординарные (необязательные, после полудня.).

Магистрам запрещалось одновременно проводить несколько лекций параллельно. Нельзя было рассматривать на занятии более одной главы из Библии. Лекции не читали в период почитания

Апостолов и Евангелистов, в ближайшие дни после Рождества, Пасхи или Пятидесятницы [Документы..., 1973: 47—48].

Форма проведения диспутов также регламентировалась «ученым сообществом». Если диспут проводился новым магистром или доктором, то он должен был проходить один раз в неделю, дабы преподаватель успел хорошо подготовиться. Никто не мог быть допущен к учению, если он не являлся человеком, ведущим достойный образ жизни и осведомленным в своей науке [Традиции..., 1995: 108—110].

Существовал возрастной ценз для проведения занятий. Так, в парижских школах имелаась практика, при которой только достигший 35-летнего возраста мог обучать теологии. Лекции по «свободным искусствам» читал 21-летний и старше, изучивший в течение по крайней мере шести лет курс основных книг [Документы..., 1973: 18—19].

В свою очередь, в обучении успешному школяру следовало преодолеть ряд помех: одни — со стороны жизни (это 7 смертных грехов), другие — со стороны науки (нерадивость, неблагоразумие, судьба). Под «судьбой» подразумевались бедность, болезни, отсутствие должного наставника и книг.

Школяр должен был слушать учителя охотно и старательно, собирать (кратко) услышанное в памяти, посещать лекции постоянно, без больших перерывов. Важными считались прилежание, воля. «Ведь подобно тому, как слабые и бездеятельные быстро выбрасывают камень, так и бестолковые, и глупые — мудрость, и не могут в ней преуспеть...», — писал Винсент из Бове в XIII веке [Антология..., 1994: 120, 122].

При этом церковь и университетское сообщество следили за благонадежностью ученых выводов школяров, магистров. Любые теологические споры необходимо было разрешать в пользу веры, а не философии. Трудные места трактуемых книг, которые затрагивали основы веры, требовалось дополнительно разбирать и опровергать. Запрещалось обсуждение таких тем, как Троица, воплощение и т. п. За нарушение вышеназванных рекомендаций следовало исключение из «ученого сообщества» [Документы..., 1973: 47, 49, 58].

Контролировали университетские власти и тексты лекций, информацию к «репетиции», диспутам, которые передавались учащимся (в Средние века в университетах получила практика распространения

подобных материалов через переписчиков и книготорговцев [Традиции..., 1995: 105—107]. Все они проходили строгий контроль со стороны канцлера, известных магистров и богословов.

Заключение

Таким образом, мы видим, что понятие «ученый муж», как школяр, так и магистр, доктор, с точки зрения представителя эпохи Средневековья означало человека, который стремится к знаниям и способен самостоятельно мыслить, полемизировать. Он должен вести здоровый образ жизни, носить скромное одеяние, отражавшее его положение или ученую степень. Пропагандировались идеалы общности, умеренности, скромности и аскезы. Существовали совместные трапезы, остатки еды передавались бедному клиру. Статуты университетов запрещали любые шумные собрания и азартные игры.

Университеты стремились регламентировать не только внешний вид школяра или магистра, их поведение, но и ход занятий, сроки преподавания определенных курсов, передаваемые переписчикам тексты лекций, материалы для диспутов. Любые изыскания «ученых мужей» не должны противоречить догмам церкви.

Вместе с тем можно утверждать, что именно среди школяров и университетских магистров эпохи Средневековья зародилась особая плеяда людей, которая смогла своими идеями заложить основы для формирования классических наук, ориентированных на рациональное познание действительности.

Список источников

Абеляр П. История моих бедствий. М.: ИФРАН, 2011. 125 с.

Антология педагогической мысли христианского Средневековья: пособие для учащихся педагогических колледжей и студентов вузов: в 2 т. / сост., общ. ред. В. Г. Безрогова, О. И. Варьяш. М.: Аспект Пресс, 1994. Т. 2. 352 с.

Гусева М. А. Средневековые студенты (как опыт исторического развития интеллигенции) // Интеллигенция и интеллектуалы в пространстве университетской традиции: материалы XXXIV науч.-теорет. конф., посвящ. 50-летию Ивановского государственного университета / отв. ред. В. Л. Черноперов. Иваново, 19—20 сент. 2024 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2024а. С. 48—53.

- Гусева М. А. Средневековые школяры (к вопросу об отношениях с городской и университетской средой) // Вестник Костромского государственного университета. 2024b. Т. 30. № 2. С. 60—65.
- Документы по истории университетов Европы XI—XV вв. / сост. Г. И. Липатникова. Воронеж: [Воронеж. пед. ин-т], 1973. 157 с.
- Евсеев В. А. Некоторые аспекты регулирования частной жизни студентов Оксфорда и Кембриджа в XIV—XV вв. // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2016. Вып. 4. С. 5—14.
- Евсеев В. А. Борьба университетской и городской корпораций: столкновения школяров и горожан (на примере Оксфорда и Кембриджа XIII—XIV вв.) // Интеллигенция и мир. 2024. № 1. С. 37—58.
- Полякова А. И. Средневековая традиция лекционного преподавания в европейских университетах // Педагогический журнал. 2015. № 6. С. 184—192. URL: <http://www.publishing-vak.ru/file/archive-pedagogy-2015-6/12-polyakova.pdf> (дата обращения: 02.12.2024).
- Традиции образования и воспитания в Европе XI—XVII веков: сб. ст. и материалов / отв. ред. Н. В. Ревякина. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1995. 206 с.
- Уваров П. Ю. Парижский университет: европейский универсализм, местные интересы и идея представительства // Город в средневековой цивилизации Западной Европы / отв. ред. А. А. Сванидзе. Т. 4. Extra muros: город, общество, государство. М.: Наука. 2000. С. 51—65.
- Annals of Cambridge / ed. by C. Cooper in 4 vols. Vol. I. Cambridge: Printed by WARWIK and CO, 1842. 422 p.
- Cobban A. B. The English university life in the Middle Ages. Cambridge: Scholar press, 2004. 281 p.
- Rashdall H. The Universities of Europe in the middle ages. Cambridge: Cambridge university press, 2010. 562 p.

References

- Abélard, P. (2011), *Istoriia moikh bedstvii* [The story of my disasters], IFRAN, Moscow, Russia.
- Bezrogov, V. G. and Varyash, O. I. (comps) (1994), *Antologiiia pedagogicheskoi mysli khristianskogo Srednevekov'ia: posobie dlia uchashchikhsia pedagogicheskikh kolledzhei i studentov vuzov: v 2-kh tomakh* [Anthology of pedagogical thought of the Christian Middle Ages: a manual for students of teacher training colleges and university students: in 2 volumes], vol. 2, Aspekt Press, Moscow, Russia.
- Cobban, A. B. (2004), *The English university life in the Middle Ages*, Scholar press, Cambridge, UK.
- Cooper, C. (ed.) (1842), *Annals of Cambridge*, vol. I, Printed by WARWIK and CO, Cambridge, UK.

- Evseev, V. A. (2016), 'Some aspects of regulation of the private life of Oxford and Cambridge students in the XIV—XV centuries', *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta, Seriya "Gumanitarnye nauki"* [Bulletin of the Ivanovo State University, Series: Humanities], no. 4: 5—14.
- Evseev, V. A. (2024), 'The struggle of university and city corporations: clashes of schoolchildren and townspeople (on the example of Oxford and Cambridge of the XIII—XIV centuries)', *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 1: 37—58.
- Guseva, M. A. (2024a), 'Medieval students (as an experience of the historical development of the intelligentsia)', in Chernoperov, V. L. (ed.), *Intelligentsiia i intellektualy v prostranstve universitetskoi traditsii: materialy XXXIV nauchno-teoreticheskoi konferentsii, posviashchennoi 50-letiiu Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Intelligentsia and intellectuals in the space of university tradition: proceedings of the XXXIV scientific and theoretical conference dedicated to the 50th anniversary of Ivanovo State University], Ivanovo, Russia, 19—20 September 2024, Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo: 48—53.
- Guseva, M. A. (2024b), 'Medieval students (on the issue of relations with the urban and university environment)', *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma state university], vol. 30, no. 2: 60—65.
- Lipatnikova, G. I. (comps) (1973), *Dokumenty po istorii universitetov Evropy XI—XV vekov* [Documents on the history of European universities in the 11—15 centuries], Voronezhskii pedagogicheskii institut, Voronezh, Russia.
- Polyakova, A. I. (2015), 'The medieval tradition of lecture teaching in European universities', *Pedagogicheskii zhurnal* [Pedagogical Journal], no. 6: 184—192, available at: <http://www.publishing-vak.ru/file/archive-pedagogy-2015-6/12-polyakova.pdf> (Accessed 2 December 2024).
- Rashdall, H. (2010), *The Universities of Europe in the Middle Ages*, Cambridge university press, Cambridge, UK.
- Revyakina, N. V. (ed.) (1995), *Traditsii obrazovaniia i vospitaniia v Evrope XI—XVII vekov: sbornik statei i materialov* [Traditions of education and upbringing in Europe of the XI—XVII centuries: collection of articles and materials], Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo, Russia.
- Uvarov, P. Yu. (2000), 'University of Paris: European universalism, local interests and the idea of representation', in Svanidze, A. A. (ed.), *Gorod v srednevekovoi tsivilizatsii Zapadnoi Evropy. Extra muros: gorod, obshchestvo, gosudarstvo* [City in the medieval civilization of Western Europe. Extra muros: city, society, state], vol. 4, Nauka, Moscow, Russia: 51—65.

Статья поступила в редакцию 21.11.2024; одобрена после рецензирования 20.12.2024; принята к публикации 25.12.2024.

The article was submitted 21.11.2024; approved after reviewing 20.12.2024; accepted for publication 25.12.2024.

Информация об авторе / Information about the author

М. А. Гусева — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры агрономии и землеустройства, Верхневолжский государственный агробиотехнологический университет, Иваново, Россия.

M. A. Guseva — Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Associate Professor of The Department of Agronomy and Land Management, Verkhnevolzhsk State University of Agronomy and Biothechnology, Ivanovo, Russia.

**ЛИЧНОСТЬ
В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ
ДИСКУРСЕ**

**PERSONALITY IN THE DISCOURSE
OF INTELLIGENTSIA STUDIES**

Интеллигенция и мир. 2025. № 2. С. 23—45.

Intelligentsia and the World. 2025. No. 2. P. 23—45.

Научная статья

УДК 930.1(091)

EDN <https://elibrary.ru/yuwodk>

DOI: 10.46725/IW.2025.2.2

Научная специальность ВАК

5.6.5. Историография, источниковедение, методы
исторического исследования

**ИСТОРИК НА ПЕРЕЛОМЕ ЭПОХ:
ПАМЯТИ И. Ю. НИКОЛАЕВОЙ**

Олег Эдуардович Терехов

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия,
terehov1968@mail.ru, SPIN-код: 4618-4387,
<https://orcid.org/0000-0002-8833-6515>

Оксана Николаевна Терехова

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия,
oksan1970@mail.ru, SPIN-код: 7100-2047,
<https://orcid.org/0000-0003-2736-6435>

Аннотация. Статья посвящена памяти доктора исторических наук, профессора Томского государственного университета Ирины Юрьевны Николаевой. Авторы рассматривают творческий путь Николаевой на разных этапах ее научной деятельности и выявляют ее вклад

в современную российскую историческую науку, прежде всего, в методологию исторического познания. Авторы ставили перед собой задачу выявить эволюцию исторических взглядов И. Ю. Николаевой.

Методологической основой работы стал принцип историзма, позволяющий рассмотреть становление и эволюцию исторических взглядов Николаевой в общем контексте развития отечественной исторической науки в конце XX — начале XXI в. За основу методики исследования взят сравнительно-исторический метод как наиболее объективно отражающий во времени различные этапы научного поиска Николаевой. Источниками для написания статьи стали труды Николаевой, отзывы и рецензии на ее работы, труды представителей томской историографической школы.

Авторы отмечают большое влияние томской историографической школы и ее интеллектуального лидера Б. Г. Могильницкого на формирование исторических взглядов Николаевой. Она принадлежит к числу видных представителей школы. Начав — на излете существования советской исторической науки — с изучения проблемы социальной революции в американской психоистории, Николаева в период становления российской исторической науки в конце XX в. активно включилась в поиск новой методологии исторического исследования. Ее научные интересы сфокусировались на возможностях междисциплинарного синтеза в русле новейших достижений ряда направлений современной исторической науки: психоистории, исторической антропологии, истории ментальности, интеллектуальной истории. Концепция полидисциплинарного методологического исторического синтеза, разработанная и апробированная Николаевой в своих трудах и работах ее учеников, вызвала широкий интерес коллег-историков и представителей смежных гуманитарных дисциплин.

Ключевые слова: Ирина Юрьевна Николаева, томская историографическая школа, полидисциплинарный методологический исторический синтез

Для цитирования: Терехов О. Э., Терехова О. Н. Историк на переломе эпох: памяти И. Ю. Николаевой // Интеллигенция и мир. 2025. № 2. С. 23—45.

Original article

HISTORIAN AT THE TURNING POINT OF ERAS: IN MEMORY OF I. YU. NIKOLAEVA

Oleg E. Terekhov

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia, terehov1968@mail.ru,
SPIN-код: 4618-4387, <https://orcid.org/0000-0002-8833-6515>

Oksana N. Terekhova

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia, oksanan1970@mail.ru,
SPIN-код: 7100-2047, <https://orcid.org/0000-0003-2736-6435>

Abstract. The article is dedicated to the memory of Doctor of History, Professor of Tomsk State University Irina Yuryevna Nikolaeva. The paper examines her career at different stages of her research work and identifies her contribution to modern Russian historical science, primarily to the methodology of historical research. The authors set the task of identifying the evolution of I. Yu. Nikolaeva's historical views.

The work methodology is based on the principle of historicism, which makes it possible to consider the formation and evolution of I. Yu. Nikolaeva's historical views in the general context of the development of Russian historical science during the late XX — early XXI century. The comparative historical method is chosen as the basis for this research as the most objective way of reflecting various stages of Nikolaeva's research work over time. The sources for writing the article include works by I. Yu. Nikolaeva, reviews of her works, and the works of the Tomsk historiographic school members. The authors note the great influence of the Tomsk historiographic school and its mastermind B. G. Mogilnitsky on the formation of I. Yu. Nikolaeva's historical views. Nikolaeva is one of the prominent representatives of the school. She started her researcher career at the end of the Soviet historical science with the study of social revolution in American psychohistory. During the formation of Russian historical science at the end of the XX century, Prof. Nikolaeva actively joined the search for a new methodology of historical research. Her scientific interests focused on the possibilities of interdisciplinary synthesis in line with the latest achievements in a number of areas of modern historical science: psychohistory, historical anthropology, history of mentality, and intellectual history. The concept of multidisciplinary methodological historical synthesis developed and tested by Prof. Nikolaeva in her works and the works of her students aroused wide interest among historians and representatives of related humanities.

Keywords: Irina Yuryevna Nikolaeva, Tomsk historiographic school, multidisciplinary methodological historical synthesis

For citation: Terekhov, O. E. and Terekhova, O. N. (2025), 'Historian at the turning point of eras: in memory of I. Yu. Nikolaeva', *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 2: 23—45 (in Russ.).

Введение

Актуальность. 13 января 2025 г. исполнилось бы 70 лет со дня рождения известного томского историка, одного из ведущих представителей томской историографической школы, доктора

исторических наук, профессора Национального исследовательского Томского государственного университета Ирины Юрьевны Николаевой (1955—2015). Ирина Юрьевна всегда развивала и поддерживала обширные научные связи, и ее внезапная и безвременная кончина в 2015 г. стала потрясением для учеников и коллег.

Со студенческих лет областью научных интересов И. Ю. Николаевой стали историография и методология истории. Именно интерес к методологическим проблемам исторической науки привел ее в конечном итоге к формированию оригинальной теоретико-методологической концепции, в которой она осуществила методологический синтез и верификацию в истории на основе современных концепций бессознательного. За десятилетия, прошедшее со дня ее кончины, стало ясно, что интеллектуальное наследие И. Ю. Николаевой не потеряло свою научную ценность и актуальность.

Постановка вопроса. Целью данной работы является анализ интеллектуального наследия И. Ю. Николаевой на различных этапах ее научной деятельности, начиная с раннего (1980-е годы) и до середины 2010-х гг. В качестве задач можно выделить следующие: показать становление И. Ю. Николаевой как представителя томской историографической школы, рассмотреть основные методологические и историографические проблемы, которые находились в центре ее научного внимания, дать оценку ее научному наследию в целом. При этом авторы отнюдь не претендуют на подробное освещение научного творчества Ирины Юрьевны, которое достаточно обширно и требует специального исследования. Главная задача данной статьи — выявить основные тенденции эволюции ее исторических взглядов в ракурсе современной отечественной исторической науки.

Краткий историографический обзор. Теоретико-методологические новации И. Ю. Николаевой в современной отечественной историографии были рассмотрены в известном труде Б. Г. Могильницкого по исторической мысли XX в., написанном на основе его лекционного курса, который он много лет читал студентам-историкам Томского государственного университета [Могильницкий, 2008]. Он отмечал, что И. Ю. Николаева является автором оригинальной междисциплинарной концепции исторического синтеза [Там же: 403]. Новизна этой теоретико-методологической концепции заключалась, по мнению Могильницкого, в структурной гармонизации ее междисциплинарных

компонентов, их взаимодополняемости, в основе которой находились современные теории бессознательного П. Бурдье, Э. Эриксона и ряда др., так как сфера бессознательного предоставляла обширные исследовательские возможности для исторического междисциплинарного синтеза [Там же: 404]. «Сфера бессознательного при этом понимается как не осознаваемая, но четко упорядоченная историческим стилем жизни общества матрица социально-психологических установок сознания и поведения людей, формирующаяся историческим опытом различных социальных слоев, поколений и отдельных личностей», — констатирует Могильницкий [Там же: 404—405]. Он также поддержал вывод Л. П. Репиной в ее рецензии на монографию Николаевой [Репина, 2007] о том, что Ирина Юрьевна разработала перспективное направление в теории и практике исторического познания, которое в своем многостороннем теоретико-методологическом контексте позволяет охватить различный круг исследовательских проблем [Там же: 405]. В дальнейшем, рассматривая концепцию И. Ю. Николаевой, Могильницкий отмечал две ее характерные черты: она основана не просто на междисциплинарном анализе, а на полидисциплинарной (многодисциплинарной) технологии исторического исследования, что подчеркивает ее вторую особенность — попытку синтеза макро- и микроистории [Его же, 2009: 19].

Помимо вышеуказанной рецензии Л. П. Репиной и детального анализа Б. Г. Могильницкого, монография И. Ю. Николаевой, изданная на основе ее докторской диссертации [Николаева, 2005], получила еще ряд откликов. С. С. Минц утверждает, что проблема создания методологического синтеза в исторической науке всегда была тесно связана с проблемами психологической трактовки исторических явлений и событий [Минц, 2009: 285]. Минц подчеркивает давнюю традицию развития исторической психологии в отечественной исторической и гуманитарной мысли. Работа Николаевой, по ее мнению, свидетельствует о возвращении этой традиции после определенного временного перерыва, причем возвращении на новом теоретико-методологическом уровне и в контексте «методологического коллапса, который испытывает современная отечественная историческая наука...» [Там же]. Положительным моментом концепции полидисциплинарного исторического синтеза, предложенной И. Ю. Николаевой, стала ориентация на построение моделей среднего уровня, чего, как

полагает автор рецензии, не хватает в исторической науке [Там же: 288]. Николаева, исходя из социокультурного подхода к историческому процессу, сумела, на взгляд Минц, выявить познавательный потенциал теории бессознательного и использовать его для создания методологии, существенно расширяющей представления о ментальной истории.

Известный специалист по истории исторической мысли, тоже воспитанник томской историографической школы, С. П. Рамазанов рассматривает концепцию И. Ю. Николаевой в рамках своей главной научной проблемы — кризиса исторической науки. С этой точки зрения монография Николаевой является важным исследованием, в котором обосновываются новые теоретические критерии «синтеза разнодисциплинарных концепций и методов на принципиально новых основаниях» [Рамазанов, 2009: 164]. Рамазанов отмечает универсальный характер используемых и синтезируемых Николаевой концепций, которые взаимодополняют друг друга и поэтому позволяют верифицировать полученные результаты на конкретных исторических примерах.

Справедливости ради надо сказать, что теоретико-методологические искания И. Ю. Николаевой вызвали не только положительную оценку, но и критику со стороны коллег. В наиболее острой форме это проявилось в статье Г. С. Криницкой [Криницкая, 2011]. Научное направление, в рамках которого работала Николаева, автор относит к постмодернистскому в современной отечественной исторической науке. Дискурсивные практики отечественного исторического постмодернизма отнюдь не направлены на поиск научной истины, а заменяют ее заранее заданными смыслами. Вводя в историческую науку сомнительный с научной точки зрения психоаналитический и иной материал, постмодернистские методологические практики объявляют мифологемами любые рациональные основы объяснения исторического процесса [Там же: 123]. Криницкая полемически говорит о том, что при данном теоретико-методологическом подходе вместо исторической науки, в ее совокупной целостности как науки об обществе и его институтах, мы получаем новое издание теории рефлексологии знаменитого психиатра В. М. Бехтерева. И, ссылаясь на автореферат докторской диссертации Николаевой, констатирует: «Исторический процесс в постмодернистском синтезе превращается в игру

слепых, бессознательных, темных сил и становится следствием “меняющегося алгоритма сексуального поведения вождя”» [Там же: 123].

В контексте оценок научного наследия Ирины Юрьевны также следует упомянуть отклики на ее безвременную кончину. Так, например, в альманахе «Диалог со временем» отмечалось, что работы Николаевой хорошо известны научной общественности, а ее методологическая концепция, основанная на синтезе новейших достижений социологии, истории, психологии и связанная с различных сторон с проблемой бессознательного, вызвала широкую дискуссию в современной отечественной исторической науке [Памяти Ирины Юрьевны Николаевой 1955—2015, 2015: 6]. В некрологе, опубликованном в «Новой и новейшей истории», особенно подчеркивалось, что с кончиной И. Ю. Николаевой «томская историографическая школа понесла невосполнимую утрату» [И. Ю. Николаева, 2015: 214].

Методология и методы исследования

Методологической основой настоящей работы стал принцип историзма, позволяющий рассмотреть становление и эволюцию исторических взглядов И. Ю. Николаевой в общем контексте развития отечественной исторической науки в конце XX — начале XXI вв. За основу методики исследования взят сравнительно-исторический метод как наиболее объективно отражающий во времени различные этапы научного поиска Николаевой. Источниками для написания статьи стали труды Николаевой, отзывы и рецензии на ее работы, труды представителей томской историографической школы.

Основная часть

Ирина Юрьевна Николаева (13 января 1955 — 9 июля 2015) родилась в Якутске. В 1977 г. окончила исторический факультет Томского университета, с которым в дальнейшем была связана вся ее профессиональная деятельность. Увлечшись в студенческие годы философией истории Шпенглера (ему была посвящена дипломная работа), Николаева в аспирантуре проявила научный интерес к новейшим направлениям западной исторической мысли, в частности американской психоистории [Профессора Томского университета, 2012: 208]. Проблеме трактовки социальной революции в американской психоистории была посвящена

кандидатская диссертация Николаевой, которую она защитила в 1984 г. в диссертационном совете ТГУ по специальности 07.00.09 Историография и источниковедение [Николаева, 1984].

Формирование Николаевой как ученого происходило в рамках томской историографической школы. 1970—1980-е гг. стали годами интеллектуального расцвета школы в советский период ее развития. Феномен томской историографической школы, вобравшей в себя как минимум три поколения историков, и не только Томского университета, и сыгравшей значительную роль в развитии историографии и методологии истории в отечественной исторической науке, еще ждет своего скрупулезного исследователя. На данный момент лишь некоторые аспекты становления и развития школы нашли свое отражение в ряде работ ее представителей [Могильницкий, 1999; Его же, 2003; Рамазанов, Кирсанова, 2019]. Ряд сюжетов, связанных со становлением и эволюцией школы, освещены в монографии Д. В. Хаминова [Хаминов, 2011]. О значимости вклада школы в отечественную историческую науку говорит тот факт, что в 2007 г. томскую историографическую школу в лице Б. Г. Могильницкого, И. Ю. Николаевой, С. П. Рамазанова выдвигали на Государственную премию РФ в области науки и техники [Рамазанов, Кирсанова, 2019: 188].

Следует отметить, что под томской историографической школой мы подразумеваем, прежде всего, группу исследователей, которые в 1970—1990-е гг. составляли ее интеллектуальное ядро, работали в университетах СССР и Российской Федерации и занимались изучением в историографическом и методологическом контексте теоретико-методологических вопросов отечественной и западной исторической науки под руководством А. И. Данилова в 1960-х гг. и Б. Г. Могильницкого. Но научное наследие томской историографической школы не ограничивается только вышеуказанной проблематикой. В ее рамках существовал ряд историографических течений, которые разрабатывали более узкую историографическую тематику. Достаточно, например, вспомнить историографию германского национал-социализма, представленную Н. С. Черкасовым, Ю. В. Галактионовым, Л. Н. Корневой.

Говоря о влиянии на становление научных взглядов И. Ю. Николаевой традиций томской историографической школы, следует в первую очередь отметить в этом процессе роль

интеллектуального лидера школы Б. Г. Могильницкого (1929—2014), который был научным руководителем кандидатской диссертации Николаевой и ее научным консультантом при написании докторской. И. Ю. Николаева неоднократно обращалась к личности и научному наследию своего учителя [Хмылев, Николаева, 1999; Николаева, 2009а; Ее же, 2014]. Многолетние профессиональные и дружеские отношения связывали Ирину Юрьевну с главным научным сотрудником Института всеобщей истории РАН, основателем Общества интеллектуальной истории, видным отечественным специалистом по историографии Л. П. Репиной, также оказавшей определенное влияние на выбор Николаевой своей главной исследовательской проблематики. Научные интересы Николаевой фокусировались на современных методологических подходах и направлениях в исторической науке и были весьма обширны: американская «психоистория», концепции бессознательного в психологии и истории, историческая антропология, гендерная история, интеллектуальная история, теория модернизации. Именно на такой теоретико-методологической и историографической основе она разработала свою технологию полидисциплинарного синтеза, которую апробировала на материале европейской и отечественной истории средневековья и Нового времени.

Основные положения кандидатской диссертации И. Ю. Николаевой нашли отражение в монографии 1985 г. [Могильницкий, Николаева, Гульбин, 1985]. Изданная на заре перестройки, несмотря на марксистский идеологический и методологический заряд, книга содержит добросовестный и тщательный анализ концепций американских психоисториков. Необходимо отметить, что подобный подход к критике «буржуазной» исторической мысли был вообще характерен для томской историографической школы. Высокий научный профессионализм всегда был фирменным стилем школы и ценился среди коллег. Данная традиция заложена основоположником школы А. И. Даниловым и продолжена Б. Г. Могильницким и его многочисленными учениками, среди которых Ирина Юрьевна занимает почетное место.

Касаясь трактовок феномена революции в американской психоистории, И. Ю. Николаева отмечает, что проблема изучения революций является одним из главных сюжетов в западной гуманитарной мысли [Там же: 115—116]. Николаева также отмечает

общественно-политическую актуальность этой тематики — на фоне молодежного протеста — для западной гуманитарной мысли 1960—1980-х гг. Поскольку революция рассматривалась в буржуазной науке как иррациональный, стихийный, непознаваемый процесс, то, по мнению И. Ю. Николаевой, данная проблематика стала благодатной почвой для апробации психоисторией своих методов и принципов. Применение концепции бессознательного рассматривалось психоисториками как альтернатива марксистскому анализу социальных революций [Там же: 117].

Николаева выделяет характерные черты такого подхода («психоисторической революциологии», по ее слову): субъективный психологизм и антимарксизм [Там же: 121]. «Психоисторики»-фрейдисты определяли статус революций как «исключительно деструктивных явлений, свидетельствующих о болезненном состоянии общества» [Там же: 122]. Революции, как и войны, с точки зрения американских психоисториков, свидетельствуют о том, что общество обладает потенциалом разрушения и насилия. Любая социальная революция деструктивна. Вызывает критику Николаевой и попытка «буржуазных психоисториков» разделить революции на спонтанные и планируемые. Такая типология, по мнению автора, несостоятельна, так как отвергает основной посыл социальной революции — ее закономерный характер. То же самое относится и к трактовке психоисториками причин революций: главной причиной считалась деятельность исторических личностей с определенным психическим складом ума [Там же: 126]. В данном контексте любую революцию можно объяснить психопатологическими чертами политика вкупе с психологическими аномалиями его детства. Как пример подобного психоисторического подхода И. Ю. Николаева приводит объяснение причин Великой Французской революции, которая якобы являлась следствием воспаленного ума Робеспьера, начитавшегося Руссо [Там же: 128]. Используя психоанализ, американские историки-фрейдисты пытались доказать, что в революционных действиях личности проявляются выражения ее психосексуальных склонностей, перенесенных на общественный объект. Согласно Николаевой, реакционный подтекст подобных рассуждений очевиден: через очернение деятельности революционеров дискредитировать саму идею социальной революции [Там же: 134]. Как

историк-марксист И. Ю. Николаева не приемлет психоисторическую трактовку революций, противопоставляя ей социально-классовую концепцию происхождения революции.

Книга по американской психоистории, как уже было сказано выше, вышла в первый год перестройки. Затем, в конце 1980-х — начале 1990-х гг., последовали события, которые, по словам известного отечественного историка-германиста Л. Н. Корневой (тоже, кстати, видного представителя томской историографической школы), стали настоящим потрясением для отечественной исторической науки [Корнева, Терехов, 1985: 155]. Кризис методологии исторического материализма, социально-классового подхода к изучению истории привел к переоценке теоретико-методологических основ отечественной исторической науки. Впоследствии И. Ю. Николаева будет все же достаточно высоко оценивать научный потенциал советской исторической науки, сумевшей, по ее мнению, в узких тисках марксистской догматики сохранить высокий уровень аналитики, способность к обобщению, дискурсивность и диалогичность академического мышления [Историческая наука и историческое сознание, 2000: 172—175].

В поисках выхода из методологического кризиса маятник научных интересов качнулся в другую сторону. Вместо критики и обличения «буржуазной» исторической науки отечественные историки обратились к интеллектуальному диалогу с ней, пытаются найти ответы на те проблемы, которые у них вызвали концептуальные трудности. И в первую очередь, конечно, речь шла об обновлении теоретико-методологического инструментария исторического познания. Томская историографическая школа, тщательно и профессионально изучавшая еще с советских времен научную парадигму западной исторической мысли, оказалась способной быстро перестроить свои интеллектуальные позиции. Начинается новый, постсоветский, этап ее развития, и И. Ю. Николаева, безусловно, становится его самым ярким представителем.

В статье 1990 г., посвященной роли и значению интеллектуальной истории в американской историографии, Николаева, констатируя кризис немарксистской историографии США, тем не менее отмечает продуктивность поиска американскими историками новых методов исторического познания [Николаева, 1990: 60]. В ряду новых направлений в американской историографии

Николаева выделяет интеллектуальную историю, которая сформировалась в западной исторической науке еще в первой половине XX века и к его завершению имела широкую исследовательскую традицию. Она высоко оценивает исследовательский потенциал интеллектуальной истории, так как ее предметом «являются различные уровни и формы общественного сознания» [Там же: 61]. Это, по мнению Николаевой, позволяет нам говорить о ней как некой интегральной дисциплине, охватывающей все области исторического сознания. Важнейшим признаком интеллектуальной истории стала ее гуманитарная направленность, что в целом соответствует антропологическому повороту в современной историографии [Там же: 70—71]. Интеллектуальная история по праву является одним из лидеров данного поворота.

Именно антропологический поворот в исторической науке последней трети XX столетия оказался в центре внимания историков томской историографической школы в первой половине 1990-х гг. Результатом этого стала известная монография 1994 г. «К новому пониманию человека в истории», в создании которой Николаева приняла деятельное участие [К новому пониманию человека в истории, 1994]. В соавторстве с В. М. Мучником она стала автором первой и второй глав монографии.

В начале своего труда авторы четко обозначили главную цель исследования — показать развитие новейших тенденций современной западной историко-теоретической и историографической мысли в связи с гуманизацией исторического знания, что привело в конце XX века к формированию нового образа человека в истории [Там же: 3]. Авторы высоко оценили вклад западной мысли в становление этого образа в течение всего столетия. Говоря о предпосылках «поворота» к человеку в западной исторической мысли 1970—1990-х гг., И. Ю. Николаева указывает на его основную предпосылку — «стремление преодолеть односторонний сциентизм в интерпретации дел человеческих, сохранив вместе с тем, по возможности, наработанное предшествующей традицией теоретико-методологическое наследие» [Там же: 5]. Это стало возможным после того, как различные направления «новой исторической науки» в 1950—1960-х гг. перестали отвечать требованиям времени. Данный процесс она сравнивает по значимости с эпохой перехода от историзма эпохи Просвещения

к классическому историзму XIX в. Главной, характерной чертой «поворота» является антропологизация исторического знания, его насыщение человеческим измерением на основе междисциплинарного синтеза [Там же]. Новый подход к истории подразумевает кардинальное изменение взглядов на онтологию и гносеологию исторического процесса, стремление ученого-историка не просто собрать и систематизировать факты, а создать живую ткань истории, в которой сам историк выступает как активный и познающий субъект [Там же: 5—6]. Николаева соглашается с идеей западных исследователей, определяющих историографическую ситуацию последней трети прошлого столетия как ситуацию постмодерна, хотя и отмечает ее некоторую драматичность для исторической науки [Там же: 23]. Однако тенденция «культурантропологизации» исторического образа человека в постмодернизме вызывает у нее положительную оценку [Там же: 24—25]. В этом контексте особенно привлекают Николаеву новейшие концепции бессознательного, направленные, по ее мнению, на выявление социокультурных и социоисторических характеристик человека в истории. Приведем цитату из рассматриваемой нами работы, которая предвосхитила программу будущих теоретико-методологических научных исканий Николаевой: «Такая ориентация в трактовке бессознательного таит в себе серьезные возможности для работы в русле одной из центральных онтологических проблем историзма — проблемы взаимодействия, взаимосоотнесенности исторического бытия и сознания» [Там же: 27].

Начиная со второй половины 1990-х гг. научная деятельность Ирины Юрьевны сосредоточивается на разработке и апробации собственной, оригинальной методики исторического исследования, созданной на основе современных концепций бессознательного и получившей в авторском варианте наименование «полидисциплинарный синтез и верификация полученных данных». Устойчивый интерес Николаевой к проблеме бессознательного в истории был обусловлен методологическими возможностями, которые позволяли рассматривать «человека в истории» в социокультурном ракурсе. Бессознательное понималось как «неосознаваемая, но четко упорядоченная историческим стилем жизни общества социально-психологическая матрица установок в поведении людей, формирующаяся контекстом исторического

опыта поколений, социальных слоев и отдельных личностей» [Историческая наука и историческое сознание, 2000: 176]. Иными словами, от трактовки теоретико-методологических смыслов исторической науки и исторического познания Николаева приступила к их конструированию. Результатом этого стали монография [Николаева, 2005] и докторская диссертация [Ее же, 2006].

Во Введении И. Ю. Николаева много пишет о современном кризисе основ исторического познания и делает вывод необходимости его преодоления, которое возможно только на пути интеграции и междисциплинарной конвергенции истории, других наук и различных методологических направлений в самой исторической науке [Ее же, 2005: 16]. И. Ю. Николаева отмечает, что этот процесс уже идет, и соглашается с термином Б. Г. Могильницкого, который определил его как историографическую революцию. Не претендуя на исчерпывающее исследование, Николаева позиционирует свою методологию полидисциплинарного синтеза и верификации полученных при ее помощи данных в качестве методики, позволяющей соединить возможности макро- и микроистории, в частности, в области истории ментальности. Характеризуя концепцию Николаевой, Могильницкий в свое время отмечал, что она дает перспективу «строго научного анализа ментальности в режиме верификации полученных знаний» [Могильницкий, 2008: 405].

Говоря о необходимости конструирования методологии полидисциплинарного синтеза, Николаева отталкивается от ситуации, сложившейся в историографии 1970—1990-х гг., когда множественность и разнонаправленность теоретико-методологических концепций привела к тому, что, по словам Дж. Иггера, вместо одной парадигмы исторического исследования получилось множество научных стратегий [Николаева, 2005: 25]. Это в конечном итоге сказалось на качестве интеллектуального продукта исторической науки и способствовало фиаско различных методологических концепций исторического познания, так как они, по словам Николаевой, не обеспечили возможности анализа личности в истории «как сложной психологической и интеллектуальной структуры, опосредованной и опосредующей всю систему социокультурных горизонтальных и вертикальных связей» [Там же: 28]. Именно личность как сложная многоуровневая структура, с точки зрения Николаевой, должна стать базисным компонентом

междисциплинарной методологии, который выведет исследователя к пониманию логики исторической причинности. В свою очередь, в анализе человека «как базисного компонента сложных структурных систем» [Там же: 29] Николаеву привлекает возможность считывания сознания и поведения в различных исторических структурах и обстоятельствах. Основой подобного считывания может стать бессознательное. Именно бессознательное, по мысли Николаевой, стало объектом пересечения различных теорий и концепций человека: габитуса, идентичности, социального характера и т. д., а также различных наук – психологии, социологии, культурологии. Однако в центр данного полидисциплинарного синтеза Николаева ставит историю: только в таком случае предлагаемая модель будет работать, и никак иначе. По ее убеждению, значимость бессознательного заключается в том, что оно, в коллективном или индивидуальном варианте, является основой целостного бытия человека [Там же: 31], Фиксация бессознательного происходит во множестве случаев жизненного опыта и является ключом к пониманию историко-психологических истоков формирования ценностных установок и жизненного опыта человека в истории. Таким образом, мы, по мнению Николаевой, можем уловить момент перехода бессознательного в некое рациональное состояние, которое уже вполне поддается объяснению и верификации полученных результатов в реконструкции образов мышления, «через анализ ритуала, символики и т. п. вещей, позволивших продвинуться в изучении “культуры” в широком смысле слова» [Там же: 35—36]. Если говорить о теоретико-методологической концепции, предложенной Николаевой, более обобщенно, нельзя не согласиться с уже процитированным высказыванием Могильницкого: в ее основе находится проблема исследования менталитета в его разнообразных проявлениях.

Для апробации своей методики полидисциплинарного синтеза и верификации И. Ю. Николаева выбрала ряд известных исторических сюжетов. Рассматривая проблему харизмы Меровингов в свете методологии исследования бессознательного, Николаева приходит к выводу о том, что эта харизма имела много составляющих: от традиции обожествления этого рода до чисто повседневной необходимости франков в наличии государственной власти [Там же: 86—87]. Причем на различных этапах

истории франков харизма Меровингов, по мнению ученого, изменялась, приобретая разные ментальные позиции. Николаева определяла такой тип харизмы как «мерцающую харизму». Она базировалась на бессознательных и рациональных установках [Там же: 127].

Центральным сюжетом докторской диссертации, на котором Ирина Юрьевна «обкатывает» свою полидисциплинарную методологию, стала проблема модернизации в России, рассмотренная в ракурсе социально-психологического и гендерного дискурса (Могильницкий, например, относит труды Николаевой к направлению гендерной истории). Не вдаваясь в подробности ряда сходных сюжетов, взятых Николаевой за образец, остановимся на ее характеристике социально-психологических аспектов модернизационных процессов в России в эпоху раннего Нового времени.

В центре внимания И. Ю. Николаевой социально-психологическая деформация личности в условиях ранней модернизации в России XVI столетия. В данном контексте особое внимание она уделяет личности Ивана Грозного как наиболее репрезентативной фигуре того времени, вобравшей в себя все противоречия своей эпохи. Но при этом Николаева убеждена, что процессы, протекавшие в России в раннее Новое время, нельзя рассматривать вне контекста общеевропейских процессов данного исторического периода. В частности, эпоху Ивана Грозного и опричнину она сравнивает с формированием раннеабсолютистской монархии во Франции времен Людовика XI [Там же: 144]. По мнению автора, социально-психологическая деформация личности Ивана Грозного и вытекающая из этого опричнина привела к срыву «первой русской модернизации» [Там же: 145], что, в свою очередь, привело к социальному хаосу и возрождению архаических образов и установок в сознании и поведении людей и деформации накопленного исторического и культурного опыта.

За основу трактовки проблемы модернизации раннего Нового времени Николаева берет концепцию «Перехода» В. М. Ракова [Раков, 1999], насыщая ее психологическим анализом. Невозможность русского общества XVI столетия вырваться из круга архаических традиций Николаева объясняет сочетанием архетипического сознания и индивидуально-психологической и социальной специфики времени, ярким воплощением которого и стал сам Иван Грозный. Здесь и ранняя потеря родителей, и борьба дворцовых

группировок за влияние на молодого царя, и непочтительное отношение к малолетнему государю при дворе, и избыточное самлюбие зрелого и самостоятельного человека и правителя. Всё это трансформировалось в авторитарный психосоциальный тип не только царя и его окружения, но в целом всей элиты. Таким образом, деформация идентичности Ивана Грозного наложилась на объективные трудности процесса модернизации (Перехода) и формирования раннеабсолютистской монархии, что закончилось для русского государства и цивилизации катастрофой, последствия которой еще долго преодолевало русское общество.

После защиты докторской диссертации И. Ю. Николаева продолжала совершенствовать свою концепцию полидисциплинарного синтеза. Результатом этой работы стали многочисленные статьи и второе издание докторской монографии, расширенное и дополненное [Николаева, 2010]. На рубеже 2000—2010-х гг. новым сюжетом в научных исканиях Ирины Юрьевны постепенно становится теория модернизации и возможности ее применения к эпохе раннего Нового времени. Николаева отмечала дефицит макроисторических теорий, который становится серьезной методологической проблемой современности [Ее же, 2009b: 113]. Подчеркивая достижения советской медиевистики, Николаева, рассматривая переход от феодализма к капитализму в раннее Новое время, предлагает синтезировать марксистскую методологию с новейшими достижениями исторической науки, в частности с «антропологическим поворотом» в современной историографии, который позволил создать социокультурную модель западноевропейской цивилизации и описать специфику модернизационных процессов [Там же: 114]. Идеи Николаевой о социокультурной составляющей европейской модернизации раннего Нового времени получили развитие в работах ее учеников [Вершинин, 2011].

Заключение

Жизнь и научная деятельность Ирины Юрьевны были целиком связаны с городом Томском и Томским государственным университетом, в котором она прошла путь от студента исторического факультета до доктора исторических наук, профессора широко известной кафедры методологии истории под руководством Б. Г. Могильницкого — главного интеллектуального

центра томской историографической школы. Начав на излете существования советской исторической науки с изучения проблемы социальной революции в американской психоистории, она в период становления российской исторической науки в конце XX активно включилась в поиск новой методологии исторического исследования. Концепция полидисциплинарного методологического исторического синтеза, разработанная Николаевой в русле новейших достижений интеллектуальной истории, вызвала широкий интерес коллег-историков и не только. Эта концепция прошла научную апробацию в многочисленных трудах самой Николаевой и диссертациях и статьях ее учеников, которые продолжают научные традиции Ирины Юрьевны.

Список источников

- Вершинин А. С.* Роман Г. Я. К. Гриммельсгаузен «Симплициссимус» в фокусе полидисциплинарного анализа специфики процессов перехода в Германии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2011. 25 с.
- Историческая наука и историческое сознание: сб. ст. / Б. Г. Могильницкий, И. Ю. Николаева, С. Г. Ким, В. М. Мучник, Н. В. Карначук. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. 234 с.
- Ирина Юрьевна Николаева // Новая и новейшая история. 2015. № 6. С. 214.
- К новому пониманию человека в истории: очерки развития современной западной исторической мысли / под ред. Б. Г. Могильницкого. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. 226 с.
- Корнева Л. Н., Терехов О. Э.* Юрий Владимирович Галактионов. Ученый, организатор, учитель // Европейские исследования в России (1992—2017) / под общ. ред. О. В. Буториной. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2017. С. 153—160.
- Криницкая Г. С.* Еще раз о «новом» синтезе в исторической науке // Вестник Томского университета. История. 2011. № 3 (15). С. 123—128.
- Минц С. С.* Рецензия: Николаева И. Ю. Проблема методологического синтеза и верификации в истории в свете современных концепций бессознательного. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. 302 с. // Вестник РГГУ. 2009. № 1. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. С. 285—289.
- Могильницкий Б. Г., Николаева И. Ю., Гульбин Г. К.* Американская буржуазная «психоистория»: (Критический очерк). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1985. 272 с.

- Могильницкий Б. Г.* Из истории становления исторического образования в ТГУ: А. И. Данилов — создатель томской историографической школы // Вестник Томского университета. 1999. № 268. С. 126—133.
- Могильницкий Б. Г.* Становление томской историографической школы // Томск Советский: материалы городской науч.-практич. конф. Томского регионального отделения Общероссийского общественного объединения «Российские ученые социалистической ориентации», Томск, 6 нояб. 2002 г. / под ред. Н. А. Хлыстовой. Томск: Изд-во Института оптики атмосферы СО РАН, 2003. С. 172—183.
- Могильницкий Б. Г.* История исторической мысли: Курс лекций. Вып. 3. Историографическая революция. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008. 554 с.
- Могильницкий Б. Г.* Макро- и микроподходы в историческом исследовании (историографический ракурс) // Вестник Томского государственного университета. История. 2009. № 2 (6). С. 14—21.
- Николаева И. Ю.* Проблема социальной революции в современной американской буржуазной «психоистории»: дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1984. 192 с.
- Николаева И. Ю.* Проблема интеллектуальной истории в современной американской историографии // Методологические и историографические вопросы исторической науки: сб. ст. / отв. ред. Б. Г. Могильницкий. Вып. 19. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1990. С. 60—81.
- Николаева И. Ю.* Проблема методологического синтеза и верификации в истории в свете современных концепций бессознательного. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. 302 с.
- Николаева И. Ю.* Проблема методологического синтеза и верификации в истории в свете современных концепций бессознательного: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2006. 53 с.
- Николаева И. Ю.* Судьба ученого и учителя на перекрестке микро- и макроистории // Вестник Томского государственного университета. История. 2009а. № 2 (6). С. 7—13.
- Николаева И. Ю.* Большое видится на расстоянии: теоретическая база концепта «Перехода» // Средние века. 2009б. Т. 70, № 1—2. С. 113—116.
- Николаева И. Ю.* Полидисциплинарный синтез и верификация в истории. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. 410 с.
- Николаева И. Ю.* Борис Георгиевич Могильницкий: жизнь и судьба // Диалог со временем. 2014. № 47. С. 5—14.
- Николаева Ирина Юрьевна* // Профессора Томского университета: биограф. словарь (2003—2012) / авт.-сост. С. Ф. Фоминых, С. А. Некрылов, М. В. Грибовский и др. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2013. Т. 6: 2003—2012. С. 207—211.

- Памяти Ирины Юрьевны Николаевой 1955—2015 // Диалог со временем. 2015. № 52. С. 5—7.
- Раков В. М. «Европейское чудо» (рождение новой Европы в XVI—XVIII вв.): учеб. пособие. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 1999. 254 с.
- Рамазанов С. П. На пути преодоления кризиса исторической науки // Вестник Волгоградского государственного университета. 2009. № 2 (16). Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. С. 164—165.
- Рамазанов С. П., Кирсанова Е. С. Историографическая школа в томском университете и ее лидеры // Историческое прошлое и образы истории: материалы IV Междунар. науч. конф., посвящ. 110-летию Саратовского университета, Саратов, 17 мая 2019 г. / под ред. В. Н. Данилова, Л. Н. Черновой. Саратов: Саратов. гос. ун-т, 2019. С. 184—190.
- Ретина Л. П. Рецензия: Николаева И. Ю. Проблема методологического синтеза и верификации в истории в свете современных концепций бессознательного. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2005. 302 с. // Новая и новейшая история. 2007. № 5. С. 224—227.
- Хаминов Д. В. Историческое образование и наука в Томском университете в конце XIX — начале XXI в. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. 270 с.
- Хмылев Л. Н., Николаева И. Ю. Учитель, который учит букве, а укрепляет дух // Вестник Томского государственного университета. 1999. № 268. С. 178—184.

References

- Fominykh, S. F., Nekrylov, S. A. and Gribovsky, M. V. (comps) (2013), 'Nikolaeva Irina Yurievna', in *Professora Tomskogo universiteta: biograficheskii slovar' (2003—2012)* [Professors of Tomsk University: biographical dictionary (2003—2012)], vol. 6, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, Tomsk, Russia: 207—211.
- 'In memory of Irina Yuryevna Nikolaeva 1955—2015' (2015), *Dialog so vremenem* [Dialogue with time], no. 52: 5—7.
- 'Irina Yurievna Nikolaeva' (2015), *Novaia i noveishaia istoriia* [Modern and Contemporary History], no. 6: 214.
- Khaminov, D. V. (2011), *Istoricheskoe obrazovanie i nauka v Tomskom universitete v kontse XIX — nachale XXI vekov* [Historical education and science at Tomsk University at the end of the XIX — beginning of the XXI centuries], Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, Tomsk, Russia.
- Khmylev, L. N. and Nikolaeva, I. Yu. (1999), 'A teacher who teaches the letter and strengthens the spirit', *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], no. 268: 178—184.

- Korneva, L. N. and Terekhov, O. E. (2017), 'Yuri Vladimirovich Galaktionov. Scientist, organizer, teacher', in Butorina, O. V. (ed.), *Evropeiskie issledovaniia v Rossii (1992—2017)* [European Studies in Russia (1992—2017)], Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, Tomsk, Russia: 153—160.
- Krinitskaya, G. S. (2011), 'Once again about the "new" synthesis in historical science', *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, Istorii* [Bulletin of Tomsk State University, History], no. 3 (15): 123—128.
- Mints, S. S. (2009), 'Nikolaeva, I. Yu. (2005), 'The problem of methodological synthesis and verification in history in the light of modern concepts of the unconscious, Publishing house Tomsk University, Tomsk, Russia', *Vestnik RGGU, seriia: Literaturovedenie, Iazykoznanie, Kul'turologiia* [Bulletin of the Russian State University for the Humanities, series: Literary Studies, Linguistics, Cultural studies], no. 1: 285—289.
- Mogilnitsky, B. G. (ed.) (1994), *K novomu ponimaniiu cheloveka v istorii: ocherki razvitiia sovremennoi zapadnoi istoricheskoi mysli* [Towards a new understanding of man in history: essays on the development of modern Western historical thought], Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, Tomsk, Russia.
- Mogilnitsky, B. G. (1999), 'From the history of the formation of historical education at TSU: A. I. Danilov — the creator of the Tomsk historiographic school', *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], no. 268: 126—133.
- Mogilnitsky, B. G. (2003), 'Formation of the Tomsk historiographic school', in Khlystova, N. A. (ed.), *Tomsk Sovetskii: materialy gorodskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii Tomskogo regional'nogo otdeleniia Obshcherossiiskogo obshchestvennogo ob"edineniia "Rossiiskie uchenye sotsialisticheskoi orientatsii"* [Tomsk Soviet: materials of the city scientific-practical conference of the Tomsk regional branch of the All-Russian public association "Russian scientists of socialist orientation"], Tomsk, Russia, 6 November 2002, Izdatel'stvo Instituta optiki atmosfery SO RAN, Tomsk: 172—183.
- Mogilnitsky, B. G. (2008), *Istorii istoricheskoi mysli: Kurs lektsii* [History of Historical Thought: Course of Lectures], iss. 3, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, Tomsk, Russia.
- Mogilnitsky, B. G. (2009), 'Macro- and micro-approaches in historical research (historiographical perspective)', *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, Istorii* [Bulletin of Tomsk State University, History], no. 2 (6): 14—21.
- Mogilnitsky, B. G., Nikolaeva, I. Yu. and Gulbin, G. K. (1985), *Amerikanskaia burzhuaznaia "psikhoistoriia": (Kriticheskii ocherk)* [American bourgeois "psychohistory": (Critical essay)], Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, Tomsk, Russia.

- Mogilnitsky, B. G., Nikolaeva, I. Yu., Kim, S. G., Muchnik, V. M. and Karnachuk, N. V. (2000), *Istoricheskaia nauka i istoricheskoe soznanie: sbornik statei* [Historical science and historical consciousness: collection of articles], Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, Tomsk, Russia.
- Nikolaeva, I. Yu. (1984), *Problema sotsial'noi revoliutsii v sovremennoi amerikanskoi burzhuaznoi "psikhoistorii"* [The problem of social revolution in modern American bourgeois "psychohistory"], Abstract of Ph D. Sc. (History) dissertation, Tomsk State University, Tomsk, Russia.
- Nikolaeva, I. Yu. (1990), 'The problem of intellectual history in modern American historiography', in Mogilnitsky, B. G. (ed.), *Metodologicheskie i istoriograficheskie voprosy istoricheskoi nauki: sbornik statei* [Methodological and historiographical issues of historical science: collection articles], iss. 19, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, Tomsk, Russia: 60—81.
- Nikolaeva, I. Yu. (2005), *Problema metodologicheskogo sinteza i verifikatsii v istorii v svete sovremennykh kontseptsii bessoznatel'nogo* [The problem of methodological synthesis and verification in history in the light of modern concepts of the unconscious], Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, Tomsk, Russia.
- Nikolaeva, I. Yu. (2006), *Problema metodologicheskogo sinteza i verifikatsii v istorii v svete sovremennykh kontseptsii bessoznatel'nogo* [The problem of methodological synthesis and verification in history in the light of modern concepts of the unconscious], Abstract of D. Sc. (History) dissertation, Tomsk State University, Tomsk, Russia.
- Nikolaeva, I. Yu. (2009a), 'The fate of a scientist and teacher at the crossroads of micro- and macrohistory', *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, Istoriia* [Bulletin of Tomsk University, History], no. 2 (6): 7—13.
- Nikolaeva, I. Yu. (2009b), 'Big things are seen from a distance: the theoretical basis of the "Transition" concept', *Srednie veka* [Middle Ages], vol. 70, no. 1—2: 113—116.
- Nikolaeva, I. Yu. (2010), *Polidistsiplinarnyi sintez i verifikatsiia v istorii* [Multidisciplinary synthesis and verification in history], Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, Tomsk, Russia.
- Nikolaeva, I. Yu. (2014), 'Boris Georgievich Mogilnitsky: life and fate', *Dialog so vremenem* [Dialogue with time], no. 7: 5—14.
- Rakov, V. M. (1999), *"Evropeiskoe chudo" (rozhdenie novoi Evropy v XVI—XVIII vekov): uchebnoe posobie* ["European Miracle" (the birth of a new Europe in the XVI—XVIII centuries): textbook], Izdatel'stvo Permskogo universiteta, Perm', Russia.
- Ramazanov, S. P. (2009), 'On the way to overcoming the crisis of historical science', *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriia, Regionovedenie, Mezhdunarodnye otnosheniia* [Bulletin of Volgograd State University, series 4: History, Regional Studies, International relations], no. 2 (16): 164—165.

- Ramazanov, S. P. and Kirsanova, E. S. (2019), 'Historiographic school at Tomsk University and its leaders', in Danilova, V. N. and Chernova, L. N. (eds), *Istoricheskoe proshloe i obrazy istorii: materialy IV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 110-letiiu Saratovskogo universiteta* [Historical past and images of history: materials of the IV International Scientific Conference dedicated to the 110th anniversary of Saratov University], Saratov, Russia, 17 May 2019, Saratovskii gosudarstvennyi universitet, Saratov: 184—190.
- Repina, L. P. (2007), 'Review: Nikolaeva, I. Yu. (2005), The problem of methodological synthesis and verification in history in the light of modern concepts of the unconscious, Publishing house Tomsk University, Tomsk, Russia', *Novaia i noveishaia istoriia* [Modern and Contemporary History], no. 5: 224—227.
- Vershinin, A. S. (2011), *Roman G. Ia. K. Grimmel'stgauzena «Simpltissimus» v fokuse polidistsiplinarnogo analiza spetsifiki protsessov perekhoda v Germanii* [G. Y. K. Grimmelsthausen's novel "Simpltissimus" in the focus of a multidisciplinary analysis of the specifics of transition processes in Germany], Abstract of Ph. D. (History) dissertation, Tomsk State University, Tomsk, Russia.

Статья поступила в редакцию 30.10.2024; одобрена после рецензирования 21.11.2024; принята к публикации 27.11.2024.

The article was submitted 30.10.2024; approved after reviewing 21.11.2024; accepted for publication 27.11.2024.

Информация об авторах / Information about the authors

О. Э. Терехов — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия.

О. Е. Terekhov — Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Professor, Department of World History and International Relations, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.

О. Н. Терехова — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений, Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия.

О. N. Terekhova — Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Associate Professor, Department of World History and International Relations, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.

ДЕБЮТ

DEBUTE

Интеллигенция и мир. 2025. № 2. С. 46—66.

Intelligentsia and the World. 2025. No. 2. P. 46—66.

Научная статья

УДК 94:316(47+57)''1920/30''

EDN <https://elibrary.ru/zluoxc>

DOI: 10.46725/IW.2025.2.3

Научная специальность ВАК

5.6.1. Отечественная история

ЖИЗНЕННЫЕ ТРАЕКТОРИИ РЕПРЕССИРОВАННЫХ ИНТЕЛЛИГЕНТОВ В УСЛОВИЯХ СИБИРСКОЙ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ССЫЛКИ 1920-Х ГГ.

Павел Евгеньевич Добрачев

Новосибирский государственный университет, Новосибирск,

Россия, p.dobrachev@g.nsu.ru, SPIN-код 2518-0698,

<https://orcid.org/0009-0005-0803-914X>

Аннотация. В статье рассматриваются жизненные траектории шести представителей интеллигенции, сосланных в 1920-е гг. в Сибирь в административном порядке. Изучение адаптаций интеллигенции к «агрессивной внешней среде» позволяет выявить стратегии ее поведения в бифуркационных средах. Поднимается вопрос о типических чертах, характерных для подвергнутых внесудебным репрессиям специалистов, стремившихся к сохранению своей идентичности. В работе на макроуровне используется теория «силовых полей» А. Людке, на микроуровне — социология адаптаций Л. В. Корель, при обработке эмпирического материала применяется биографический метод. В ходе исследования выявлены неизвестные ранее факты биографии лиц, осужденных в ходе известного политического процесса («Шахтинский процесс» 1928 г.) и сфабрикованного региональным ОГПУ т. н. «Западносибирского белогвардейского заговора» 1933 г. Сделан вывод о приоритете конформистских стратегий поведения репрессированной интеллигенции, выявлены

© Добрачев П. Е., 2025

обусловившие их причины. Установлено, что данные стратегии впоследствии уже не являлись защитным механизмом в период «Большого террора».

Ключевые слова: Интеллигенция, Сибирь, биографический метод, высылка и ссылка, адаптация, «Шахтинский процесс», социалисты, конформизм, социальная история, маргинальность, 1920-е годы, жизненные траектории, биография

Для цитирования: Добрачев П. Е. Жизненные траектории репрессированных интеллигентов в условиях сибирской административной ссылки 1920-х гг. // Интеллигенция и мир. 2025. № 2. С. 46—66.

Original article

THE LIFE TRAJECTORIES OF THE REPRESSED INTELLECTUALS IN THE CONDITIONS OF THE SIBERIAN ADMINISTRATIVE EXILE OF THE 1920s

Pavel E. Dobrachev

Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia, p.dobrachev@g.nsu.ru,
SPIN-код 2518-0698, <https://orcid.org/0009-0005-0803-914X>

Abstract. The article examines the life trajectories of six intellectuals who were administratively exiled to Siberia in the 1920s. The study of the intelligentsia's adaptations to the “aggressive external environment” makes it possible to identify strategies for their behavior in bifurcation environments. The question is raised about the typical features characteristic of specialists subjected to extrajudicial repression who sought to preserve their identity. The work uses the theory of “force fields” by A. Ludtke at the macro level, the sociology of adaptations by L. Korel at the micro level, and the biographical method is used in processing empirical material. The study revealed previously unknown facts of the biography of persons convicted during the famous political process (the “Shakhty trial” of 1928) and the so-called “West Siberian White Guard conspiracy” fabricated by the regional OGPU in 1933. The conclusion was made about the priority of conformist strategies of behavior of the repressed intelligentsia and the reasons for them were established.

Keywords: Intelligentsia, Siberia, biographical method, expulsion and exile, adaptation, “Shakhty process”, socialists, conformism, social history, marginality, 1920s, life trajectories, biography

For citation: Dobrachev, P. E. (2025), ‘The life trajectories of the repressed intellectuals in the conditions of the Siberian administrative exile of the 1920s’, *Intelligentsia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 2: 46—66 (in Russ.).

Введение

Актуальность. Репрессивная политика в Советском государстве зачастую изучается с помощью количественных междисциплинарных методов, оперирующих цифрами и массовыми данными. При таком подходе социальная сторона репрессий редуцируется — за цифрами и упоминаемыми фамилиями теряются зачастую уникальные биографии, требующие более подробно изучения. Погружение в жизнь отдельных индивидов позволяет реконструировать вехи претерпевания репрессированной интеллигенцией дисциплинарной власти со стороны государства: биографию до ссылки в Сибирь, вынужденную смену деятельности в условиях репрессии и степень влияния власти на повседневную жизнь. Кроме того, тема высылки и ссылки в 1920-е гг. по-прежнему остается относительно неразработанной, особенно с точки зрения изучения адаптаций групп и категорий репрессированных во внесудебном, административном, порядке.

Постановка вопроса. Цель публикации состоит в выявлении жизненных траекторий представителей интеллигенции, отбывавших сибирскую ссылку, воссозданную большевистским режимом после окончания Гражданской войны. Внимание акцентировано на реконструкции жизненных путей выбранных персон в трех состояниях: а) предшествовавших репрессий; б) сопутствовавших пребыванию в ссылке в 1920-е гг.; в) завершавших ссылку репрессий 1930-х гг. Биографический анализ выступает эмпирической основой для выявления адаптационных практик ссыльной интеллигенции в условиях несвободы и установления типических черт в изученных жизненных траекториях репрессированных.

Историография. Активное изучение темы началось в рамках «архивной революции» 1990-х гг. Большой вклад в изучение высылки и ссылки 1920-х гг. внес С. А. Красильников [Красильников, 1994]. Автор впервые в историографии коснулся данной темы и высказал обоснованное предположение, что данный репрессивный институт стал «жестче» по сравнению с дореволюционным, но в то же время был относительно «гуманен» по сравнению с дальнейшими массовыми репрессивными операциями большевиков, сопровождавшимися массовыми высылками (коллективизация, национальные операции и др.), т. е. выступил своеобразным «переходным» периодом. Не обошел исследователь и

повседневной стороны вопроса: он выявил основные категории ссыльных, разногласия между политическими группировками внутри ссылки (эсеры и меньшевики, троцкисты и остальные социалисты — и др.). Другим историком, внесшим большой вклад в изучение темы высылки и ссылки 1920-х гг., является В. И. Пинкин [Пинкин, 2002]. В своей диссертации он коснулся темы культурной деятельности интеллигентов в ссылке, однако их биографии не выступали объектом исследования, являясь, скорее, дополнением к работе. Следует отметить биографический труд Я. А. Яковлева, посвященный известному социалисту-революционеру Д. Д. Донскому [Дмитрий Дмитриевич Донской, 2000].

Корпус источников. Базовыми источниками выступает делопроизводственная документация различных учреждений, прямо или косвенно задействованных в обеспечении ссыльного режима. Значительную часть из них составляют заявления интеллигентов в комиссии райкомов г. Новосибирска о восстановлении в избирательных правах¹. Данные документы представляют собой *личные дела «лишенцев»*, подававших в органы власти заявления, автобиографии, трудовые книжки и т. п. для демонстрации своей «лояльности». Безусловно, данные источники тенденциозны и не отличаются искренностью, однако они позволяют с разной степенью подробности реконструировать биографии изучаемой группы до первой половины 1930-х гг., а в отдельных случаях и для более поздних периодов. Автобиографии являются в определенной степени источником личного происхождения, но поскольку они проходят обработку со стороны государственных ведомств («ассистирование» со стороны власти), то те данные, которые могли бы служить объяснением поведения объекта исследования, выхолащиваются и подменяются информацией о стаже и трудовых заслугах [Флиге, 2005].

Вторую группу источников данного типа составляют *ведомственные личные дела интеллигентов*, позволяющие судить об их трудовой деятельности в условиях ссылки. Другой вид источников,

¹ Практика лишения избирательных прав была юридически закреплена декретом ВЦИК «Об административной высылке» от 10 августа 1922 г. В соответствии с ним репресслируемый лишался активных и пассивных избирательных прав на время наказания.

который позволяет судить о функционировании высылки и ссылки в регионе, — *докладные записки и сводки* охранительных ведомств (НКВД РСФСР, ОГПУ, прокуратуры) о положении ссыльных.

Наконец, самый важный, но в то же время и крайне редкий вид источников, позволяющий судить о ментальности интеллигенции в условиях репрессий, — *источники личного происхождения* — также используется в работе. Речь идет о семейной переписке, принадлежавшей отбывавшему фактически бессрочную ссылку в Нарымском крае Д. Д. Донскому (известному члену ЦК партии социалистов-революционеров) и опубликованной Я. А. Яковлевым в указанном выше документальном издании [Дмитрий Дмитриевич Донской, 2000].

Методология и методы исследования

В качестве методологии на макроуровне используются положения основоположника истории повседневности — немецкого историка А. Людке, в частности его концепция «силовых полей» — систем, проникающих в жизнь индивидов и конструирующих ее. В их числе находятся власть (государство) и миграции [Людтке, 2010]. На микроуровне мы оперируем положениями «социологии адаптаций» и типами социального действия М. Вебера. В ряду методов, помимо конкретно-исторических (историко-сравнительный, историко-генетический методы), применяется и междисциплинарный (биографический) [Рождественская, 2012].

Основная часть

Предварительные замечания

Институт административной высылки и ссылки был возрожден большевиками вскоре после окончания Гражданской войны: первоначально он использовался против участников «антоновщины», затем объект его применения был расширен до «контрреволюционеров» и «уголовников». Данная репрессия характеризовалась внесудебным характером: процесс судопроизводства не начинался, решения принимались чрезвычайными органами — Комиссиями при НКВД, а затем — Особыми совещаниями ОГПУ. Вынесение решения о внесудебной высылке и ссылке не требовало присутствия ответчика, зачастую не подразумевалось даже наличие факта преступления: лицо могло быть выслано «по подозрению», как бы в превентивном порядке [Пинкин, 2002: 29—62].

Петлюровец, переживший Сталина

Андросов Петр Максимович (1897 — после 1958), крестьянин по происхождению, родился в с. Дальнике Одесской губернии². До 1914 г. он учился. С 1915 по 1917 гг. участвовал в Первой Мировой войне в качестве мобилизованного на Карпатском фронте, дослужился до офицерских чинов. Далее Гражданская война вносит некоторые неясности в его биографию. В нашем распоряжении есть *два документа*, раскрывающих его судьбу в период с 1917 по 1921 гг.: анкета самого Андросова как «лишенца», датируемая 1932 г.³, и краткая справка из следственного дела по «Белогвардейскому заговору»⁴. Согласно анкете, он не служил в Белой армии: был мобилизован Петлюрой в 1917 г., но освобожден от службы как учащийся. С 1917 г. по 1919 г. «учился». В 1919 г. добровольно вступил в ряды Красной армии — «сражался против Деникина и поляков на Украине». В 1920 г. попал в польский плен и вернулся в 1921 г.⁵

Второй источник характеризует судьбу Андросова в данный период совсем под другим углом: «б/б офицер⁶ ... в 1918 году окончил Николаевскую военную школу плавания, в 1920 году окончил Киевские арткурсы и был назначен ком[андиром]белого дивизиона, служил в армии Гетмана в 17 Александрийском полку в г. Николаеве в чине поручика, в 1920 году служил добровольцем в армии Петлюры в чине поручика, до 1921 г. находился в Польше...»⁷. Возникает явное противоречие. Конечно, необходимо учитывать тенденциозность обоих источников: в первом случае Андросов, будучи автором анкеты, демонстративно высказывает лояльность большевистскому режиму для прагматической цели —

² В следственном деле об участниках «Западносибирского белогвардейского заговора», сфальсифицированного дела, указано, что Андросов родился в 1898 г., в то время как личное дело «лишенца» и открытые базы данных указывают 1897 г. рождения.

³ Государственный архив Новосибирской области. Ф. Р-1346. Оп. 2. Д. 4. Л. 4—4 об. (далее: ГАНО).

⁴ Архив Управления ФСБ по Новосибирской области. Д. 7285. Т. 20. Л. 244 (далее: АУ ФСБ РФ НСО).

⁵ ГАНО. Ф. Р-1346. Оп. 2. Д. 4. Л. 4—4 об.

⁶ «Б/б» — бывший белый.

⁷ АУ ФСБ РФ НСО. Д. 7285. Т. 20. Л. 244.

возврата избирательных прав. В данной ситуации замолчать некоторые подробности своей биографии представляется вполне обоснованным и отвечающим его цели. Но нельзя не учитывать и полностью сфабрикованный сибирскими чекистами характер «Белогвардейского дела», при котором «белые пятна» биографии могли служить доказательством вины обвиняемого. Вероятнее всего, Андросов действительно служил в рядах белых, поскольку он также числился в составе б/б офицеров на учете ГПУ Украины⁸.

Неизвестно, как Андросов вернулся в Россию и где проживал до 1928 г., но есть информация, что он состоял на службе инструктором по физической культуре в различных советских учреждениях. В 1928 г. «по подозрению» в ст. 58 УК РСФСР он был административно выслан ОСО ОГПУ⁹ в Новосибирск на 3 года с последующим «минусом 72»¹⁰. Попав в Новосибирск, он, «имея высшее образование по водному спорту», работал преподавателем плавания в школе пловцов Сибкрайсовпрофа. На следующий год он был принят на работу в «Динамо» в качестве инструктора и начальника водной станции, где проработал вплоть до своего ареста в 1933 г. в рамках уже названного «белогвардейского дела». Постановлением Коллегии ОГПУ от 5 августа 1933 г. Андросов был приговорен к 10 лет ИТЛ по обвинению в статьях 58-2, 58-6, 58-11 УК. Но в определенном смысле Петр Максимович Андросов смог избежать пика репрессивной политики второй половины 30-х годов, поскольку уже находился

⁸ Книга учета лиц, состоявших на особом учете бывших белых офицеров в органах ГПУ Украины: в 4 т. / предисл. Я. Ю. Тинченко. Т. I: А (Абаз) — Г (Гягузов). Харьков: САГА, 2011. URL: <https://forum.vgd.ru/3299/117089/0.htm?ysclid=mlf6y28li2977610103> (дата обращения: 25.09.2024).

⁹ ОСО ОГПУ (Особое Совещание ОГПУ) — внесудебный орган, состоявший из 3 членов коллегии ОГПУ, созданный 28 марта 1924 г. Главный орган, выносящий решения об административной высылке и ссылке и заключении в концлагерь. Существовали союзные Особые Совещания, использовавшиеся для осуществления внесудебных репрессий против бандитов, рецидивистов, туенядцев.

¹⁰ «Минус» — система ограничений для свободного посещения определенных территорий. Например, «минус 6» означал запрет на проживание в 6 крупнейших городах СССР — и т. д.

в лагере¹¹. Он отсидел весь срок и был осужден в 1942 г. по ст. 58-10 на повторные 10 лет лагерей в системе Норильлага НКВД¹².

Андросов был освобожден в 1952 г., а с 1954 г. жил и работал в Норильске¹³. Последние сведения о его судьбе относятся к 1958 г.: Главная Военная Прокуратура в рамках надзорного производства собирала информацию о выживших участниках «Белогвардейского дела», и в их числе оказался Андросов. Список выживших сопровождался указанием адресов проживания на момент проверки.

Жизненная траектория Андросова поражает географическим размахом его пребывания (Одесская губерния — Польша — Новосибирск — Норильск) в рамках вынужденных перемещений, или, по терминологии А. Людке, «силового поля» миграций. Постоянные перемещения в пространстве требовали адаптации к внешней среде. При этом, хоть у нас и нет сведений о лагерном пребывании Андросова, составившем практически 20 лет, период его жизни в Новосибирске в качестве преподавателя-инструктора можно интерпретировать как продуктивный: П. М. Андросов премировался за ударный труд и, что более важно, не вступал в конфронтацию с режимом, а пытался «влиться» в него, что выражалось в попытке возврата избирательных прав. Другая важная черта: биография Андросова примечательна тем, насколько прошлая траектория жизни (участие в белом движении) определила всю его дальнейшую судьбу. Он был административно выслан в Сибирь, затем, уже как «бывший», стал «лишенцем», оказался «под прицелом» «охранительных» органов. По выражению

¹¹ Из 225 «активных участников контрреволюционной белогвардейской организации» часть была расстреляна в 1933 г. (28 чел.), остальные получили сроки в лагерях или высланы в пределах Западно-Сибирского края. Часть осужденных была отправлена на Соловки (ок. 80 чел.), остальные — остались на «материке». Большая часть тех, кто был осужден на сроки, погибли в годы «Большого террора». URL: <https://bsk.nios.ru/enciklodediya/belogvardeyskiy-zagovor?ysclid=mbthx18u73928115347> (дата обращения: 24.09.2024).

¹² Андросов Петр Максимович (1897). URL: [https://ru.openlist.wiki/Андросов_Петр_Максимович_\(1897\)](https://ru.openlist.wiki/Андросов_Петр_Максимович_(1897)) (дата обращения: 24.09.2024).

¹³ АУ ФСБ РФ НСО. Д. 7285. Т. 7. Л. 63.

В. Паперного, поиск и разработка подробностей прошлого, устремленность не в будущее, а в прошедшее является одной из определяющих черт «Культуры Два». Именно по этой причине репрессивный аппарат обращает особое внимание на прошлое¹⁴ [Паперный, 2022].

Сотрудник Сибплана

Николай Яковлевич Брянцев (1889—1937) — лицо известное среди исследователей, занимающихся Сибирью 1920-х гг., прежде всего, благодаря своей профессиональной работе как специалиста в сфере планирования и деятельности по изучению Сибири. Он родился в 1889 г. в Варшаве в семье служащих. В партиях не состоял. В 1914 г. окончил Императорский Политехнический институт в Варшаве по специальности «горный инженер». В Первой Мировой войне не участвовал, во время Гражданской войны занимал снабженческие должности в Красной армии. С 1921 по 1923 гг. Н. Я. Брянцев состоял на службе в советских учреждениях: председателем горного комитета Юга России, начальником горной промышленности Украинской ССР, экономистом-референтом НКВД¹⁵. Затем, уже на волне НЭПа, в 1923 г. Брянцев стал учредителем акционерного общества «Мосдомтоп», оказывающего строительно-жилищные и снабженческие (обеспечение топливом) услуги. В апреле 1924 г. члены правления общества в результате обвинения по ст. 188 УК были подвергнуты административной высылке в Сибирь¹⁶. Уже в 1923 г. ОГПУ получило право административной высылки в отдаленные места «накипи НЭПа» — лиц, занимающихся спекуляцией, «черных биржевиков» — одним словом, тех, кто имел возможность вести независимое от государства существование [Пинкин, 2002: 50]. Попад в Нарымский край, Брянцев практически сразу был переведен, по согласованию

¹⁴ Под «Культурой Два» Паперный понимает в контексте Советской России период, примерно соответствующий диктатуре Сталина. Хотя эта концепция является культурологической, автор делает справедливые замечания о постоянно возрастающем влиянии прошлого на жизнь общества в сталинской России.

¹⁵ ГАНУ. Ф. Р-12. Оп. 2л. Д. 91. Л. 27 об.

¹⁶ Инженеры Зуев, Брянцев и Скоробогатов по обвинению в мошенничестве были высланы в Нарымский край сроком на три года и последующим «минусом 6». Там же. Л. 11—11 об.

с ОГПУ, в Новониколаевск для работы в Сибплане¹⁷. Он был зачислен на должность сотрудника в ноябре 1924 г. по 14-му разряду 17-разрядной тарифной сетки, со спецставкой 120 руб. в месяц. Важно отметить, что 14-й разряд тарифной сетки присуждался ИТР, относящимся к высшему административно-техническому персоналу. В течение 2-й половины 1920-х годов Брянцев был активистом «Общества изучения Сибири» и регулярно публиковался в местных газетах и журналах¹⁸. Инженер участвовал в работе Первого сибирского краевого научно-исследовательского съезда 1926 г., где выступал с докладом «Перспективы развития Кузнецкого каменноугольного бассейна». В 1929 г. ОГПУ обвинило Брянцева в «шпионаже в поддержку Польши», однако обвинение оказалось настолько бездоказательным, что в 1930 г. он был восстановлен в избирательных правах, продолжил научные изыскания и проектные работы, связанные с топливно-энергетической и химической промышленностью Сибири.

17 марта 1933 г. Брянцев был обвинен в участии в «Белогвардейском заговоре». Он проходил по одному внесудебному процессу вместе с П. М. Андросовым и тоже был приговорен к 10 годам ИТЛ, но Брянцева этапировали на Соловецкий архипелаг. Находясь в Соловецком лагере, Брянцев работал в химической лаборатории вместе с П. А. Флоренским, исследовал водоросли на побережье Белого моря, занимался йодной проблемой¹⁹. Брянцев был вывезен в составе первого «соловецкого этапа»

¹⁷ Сибплан (Сибирская плановая комиссия) — учреждение, созданное в общей системе плановых органов Союза для управления национализированной экономикой Сибири. Наряду с Брянцевым, в Сибплан был переведен инженер П. Д. Зуев. И. Г. Скоробогатов, высланный вместе с ними по делу «Мосдомтоп», был переведен в Мариинск для работы в Сибпромбюро.

¹⁸ Пребывает вечно: Письма П. А. Флоренского, Р. Н. Литвинова, Н. Я. Брянцева и А. Ф. Вангенгейма из Соловецкого лагеря особого назначения: в 4 т. Т. 1. М., 2011. С. 46.

¹⁹ «Йодная проблема» была связана с тем, что при получении йода из водорослей на Соловецких островах происходили огромные потери сырья. Брянцев активно разрабатывал новые методы для оптимизации процесса добычи йода и брома // Там же. С. 195—197.

в октябре 1937 г. в урочище Сандормох и расстрелян 27.10.1937 по решению «особой тройки» УНКВД Ленинградской области. Позднее жене Брянцева была направлена записка о том, что ее муж якобы скончался в лагере в 1945 г. Такая практика фальсификации обстоятельств смерти активно применялась чекистами. Начиная с 1956 г. его жена активно боролась за его реабилитацию и пересмотр «Дела Болдырева» («Белогвардейского дела» — *П. Д.*). Лишь в результате, как минимум, двухлетней переписки с прокуратурой Брянцев был посмертно реабилитирован²⁰.

На примере Н. Я. Брянцева мы можем проследить многовариантность биографии интеллигенции в годы ужесточения большевистского режима. Если в случае Андросова прослеживалась хоть какая-то связь с антибольшевистским движением, что служило основанием для дальнейших репрессий, то обвинения, выдвинутые против Брянцева, кажутся абсолютно мифическими. Обвинения в связях с Польшей обосновывались исключительно тем, что он родился, жил и обучался в Варшаве. Это касается и обвинения по «Белогвардейскому делу», основанного лишь на том, что Брянцев работал в Сибплане с лидером «организации» — бывшим генералом В. Г. Болдыревым. Что особенно характерно для биографии Брянцева — это постоянная научно-культурная деятельность: пик его исследовательской работы пришелся на годы вынужденной несвободы — нахождения в сибирской ссылке и последующего заключения на Соловках.

«Шахтинцы»

Обычно «Шахтинское дело» 1928 г. связывается с поворотом большевистской власти в сторону усиления репрессивной политики. Более того, этот процесс явился переломным моментом в отношениях технической интеллигенции и государства. Низовые формы дискриминации интеллигенции, вызванные разделением труда, существовали и в 1920-е гг.: рабочие часто конфликтовали со спецами, но «спецеество», клеймение специалистов «формоносцами» и пр. запускается с подачи государства именно в данный период²¹ [Ким, 2016: 50]. Речь пойдет о конкретных участни-

²⁰ АУ ФСБ РФ НСО. Д. 7285. Т. 7. Л. 74—75 об.

²¹ Отношение рабочих к буржуазным специалистам вплоть до «Шахтинского дела» редко выходило за рамки социально-экономических

ках Шахтинского процесса, обвиненных в участии в «к.-р. группировке», которые были в административном порядке высланы в Сибирь. Их личные дела, что было неожиданностью, оказались в фондах «лишенцев», хранящихся в Госархиве Новосибирской области.

Бредихин Александр Николаевич (1894—?). Родился в г. Азове. Из мещан. Служил в белой армии чертежником в Новочеркасске. Образование высшее — Донской политехнический институт, инженерная специальность. До репрессии в 1928 г. занимал ряд руководящих должностей во Власовском рудоуправлении треста «Донуголь». Был арестован по «Шахтинскому делу» и административно выслан в Новосибирск. В Сибири работал в «Сибугле», в 1929 г. был переведен в Томск в составе группы из нескольких человек, образовавших сибфилиал «Гипрошахт». Работал в «Шахтстрое», затем в проектно-исполнительном секторе — проектно-исполнительном «Кузбассугля»²².

Секазан Эммануил Ильич (1888—?). Рожден в г. Караиме. Служащий. В 1922—23 гг. состоял членом горсовета г. Шахты. До репрессии трудился инженером треста «Донуголь». В 1928 г. в связи с «Шахтинским делом» был во внесудебном порядке выслан в Новосибирск. В Новосибирске работал в «Сибугле», затем в СКСНХ (Сибкрайсовнархозе) — ЗССНХ. Во время работы в сибирском совнархозе Секазан направлялся в командировки по обследованию рудников Кузбасса: в 1929 г. он был направлен для обследования Кемеровского, Ленинского и Прокопьевского рудников. Его отчет содержит информацию о техническом состоянии рудоуправлений и обеспеченности материалами²³. После 1932 г. состоял на службе в качестве старшего инженера горно-химического сектора в Управлении Уполномоченного Наркома Тяжелой Промышленности по Запсибкраю. В 1933 г. был премирован за ударную работу по ликвидации последствий прорыва

повседневных конфликтов, связанных с уровнем зарплат или льгот. О «спедедстве» см.: [Пыстина Л. И., Шер О. В., 2013: 54—109].

²² ГАНО. Ф. Р-1344. Оп. 2. Д. 215.

²³ Там же. Ф. Р-22. Оп. 1. Д. 1472. Л. 1—18 об.

Киселевского рудника «Кузбассугля»²⁴. Дальнейшая его судьба не прослежена.

Определенного размышления заслуживает тот факт, что высланные во внесудебном порядке оба участника «Шахтинского дела» — одного из крупнейших политических процессов в истории СССР — продолжали профессионально работать в ведущих организациях промышленности Сибири, имея успехи в трудовой деятельности. Таким образом, мы видим, что, несмотря на «антиспецовскую» индоктринацию общества, реальная нехватка трудовых ресурсов вынуждала использовать даже участников крупных политических процессов.

Наличие высокого культурно-образовательного уровня интеллигентов формировало *присадаптацию* — набор определенных признаков, составлявших потенциал для приспособления [Корель, 2005: 249]. В феврале 1927 г. прокурор Тарского округа Фрей как бы ненароком сообщил краевому прокурору: «Можно, пожалуй, не возражать против высылки лиц со специальным образованием: врачей, акушеров, ветеринаров, агрономов, инженеров, бухгалтеров, радистов» [Ссылка в 1920-е годы, 1997: 227]. Интеллигенция как особая социальная группа имела высокий образовательный уровень и поэтому пользовалась спросом на трудовом рынке. Ценные трудовые ресурсы в лице ссыльных интеллигентов вполне осознанно и прагматично использовались в советских учреждениях Новосибирска вплоть до начала 1930-х гг.

Социалисты

Особую группу административно высланных в Сибирь составляли репрессированные социалисты²⁵. Летом 1922 г. большевики запустили масштабные акции по высылке своих бывших «соратников» по революционной деятельности. Итогом громкого судебного процесса социалистов-революционеров стали массовые

²⁴ Там же. Ф. Р-1344. Оп. 2. Д. 1366.

²⁵ Социалисты составляли значительное число от всех политссыльных, попадавших в Сибирь в 1920-е гг. Наиболее активно в Сибирь направляли социал-демократов, в то время как эсеры являлись меньшинством — местные партийные чиновники боялись влияния последних и призывали чекистов прекратить высылать эсеров на территорию Сибкрая. С 1924 г. высылка эсеров в Сибирь была прекращена.

заклучения и ссылки. Среди известных эсеров, попавших в Сибирскую ссылку, следует назвать Дмитрия Дмитриевича Донского²⁶ (1881—1936) — члена ЦК ПСР, одного из основных фигурантов на суде над эсерами. Дмитрий Дмитриевич родился в Подольской губернии в семье врача. Образование высшее медицинское — окончил Мюнхенский университет. С 1905 г. состоял в ПСР. С 1917 г. вошел в ЦК партии эсеров. На судебном процессе первоначально был приговорен к расстрелу, но затем наказание заменили на ссылку в Нарымский край. С 1924 г. находился в ссылке в с. Парабель, занимаясь медицинской деятельностью в должности главврача районной больницы, вплоть до своего самоубийства в 1936 г. из-за ожидания неминуемого ареста. В 1937 г. в сфабрикованном чекистами деле о мифическом «Сиббюро ПСР» роль руководителя организации приписана Донскому [Дмитрий Дмитриевич Донской, 2000].

Будучи высланным «антисоветчиком», имеющим критическое отношение к большевикам, или же высланным по «криминальной» статье, интеллигент зачастую избирал ту стратегию поведения, которая минимизировала бы риски. Проиллюстрировать подобную стратегию может пребывание Д. Д. Донского в ссылке. Попав в Нарымский край в 1924 г., он еще предполагал, что ПСР возможно возродить. Д. Донской, будучи опытным революционером, обладал способностью реально оценивать продуктивность подпольной партработы. Наблюдая постепенное укрепление правящего режима, Донской все яснее осознавал невозможность продолжения политической борьбы с большевиками. Так, если в середине 1920-х гг. он активно взаимодействовал с политссыльными Нарымского края, представляя собой наиболее авторитетное лицо в данном регионе в среде ссыльных социалистов, участвовал в товарищеских судах над теми из них, кто сотрудничал с чекистами, — то к концу 1920-х гг. Донской уже отрицал свои связи с политссылкой, а в семейной переписке демонстративно

²⁶ Мы очерчиваем лишь вкратце судьбу Д. Д. Донского — этой выдающейся личности посвящены работы биографической направленности. Нас интересуют те моменты, которые позволили бы судить о процессе адаптации Донского. О нём см.: [Дмитрий Дмитриевич Донской, 2000; Уразов, 1996; 252—265].

выказывал лояльность большевикам [Там же: 53—68]. Такое изменение в поведении, в терминологии М. Вебера, мы можем назвать целерациональным. Донской прибегал к мимикрии своих антибольшевистских взглядов под комплиментарные, желая минимизировать риски. Подобные конформистские стратегии для самосохранения использовали практически все политссылные, понимая, что большевистская власть в стране уже утвердилась.

Ильин Ростислав Сергеевич (1891—1937). Родился в Москве. Служащий из крестьян Московской губернии. Образование высшее — естественнонаучное отделение физико-математического факультета Московского университета. В 1920—1921 гг. привлекался ВЧК за принадлежность к ПСР, но был отпущен. Затем участвовал в ряде почвоведческих экспедиций, вел научную работу в данной сфере. В 1925 г. повторно обвинен в принадлежности к ПСР и отправлен в челябинский политизолятор на 3 года. В 1927 г. досрочно освобожден и отправлен этапом в ссылку в Нарымский край. В Сибири работал научным сотрудником на Васюганской агрометеостанции, участвовал в организации ряда почвоведческих и геологических экспедиций в бассейне Оби²⁷. Одним из первых ученых дал научное обоснование наличия нефтеносности Западно-сибирского региона. Преподавал в Томском университете. В 1937 г. расстрелян за принадлежность к мифической «Японо-эсеровской диверсионно-штурмовой террористической организации»²⁸.

Заключение

Благодаря реконструкции указанных выше биографий ряда представителей репрессированной интеллигенции, мы можем определить типические черты их жизнедеятельности в условиях не-свободы. Во-первых, установлено преобладание конформистских стратегий их поведения. Среди рассмотренных биографий преобладали, по классификации, предложенной в дискуссиях начала 1920-х гг. о судьбах интеллигенции известным правоведом М. Рейснером,

²⁷ ГАНО. Ф. Р-209. Оп. 2. Д. 175.

²⁸ Ильин Ростислав Сергеевич, 1891—1937, почвовед-агроном. URL: <https://vgulage.name/authors/ilin-rostislav-sergeevich/> (дата обращения: 25.05.2024).

*реализаторы (приспособители) культуры*²⁹. В реализаторах уже априорно заложен конформизм, выраженный в жесткой привязке к потребностям общества (адаптация к обществу — распространение культуры в обществе, а не создание новых ценностей) [Красильников, 1998: 81—85].

Во-вторых, конформизм т. н. старой интеллигенции в раннесоветском обществе обусловлен существовавшими и постоянно ужесточавшимися режимными ограничениями. В данном случае под этим подразумеваются различного рода дискриминации: лишение избирательных прав (с последующими ограничениями); постоянное пристальное внимание чекистских ведомств к тем, кто имеет «потенциально опасное» прошлое; перлюстрация корреспонденции политссыльных; система «минусов» и пр. — одним словом, то, что Людтке охарактеризовал «силовым полем» власти. Интеллигенция в данный период в целом не могла претендовать на роль «властителей дум» из-за идеократической природы Советского государства, в котором доминирующей силой выступала ВКП(б).

В то же время вопрос о том, почему интеллигенция использовала конформизм — по причине «природной» или в связи с режимными ограничениями — остается открытым. Советская Россия имела, по выражению М. Дэвид-Фокса, интеллигентски-этатистскую форму модерности, выражавшуюся в том, что российская интеллигенция традиционно уповала на сильное, всё контролирующее государство, которое должно было разрешить все насущные проблемы общества [Дэвид-Фокс, 2020: 106—116]. По всей видимости, конформизм интеллигенции постреволюционной эпохи стал вынужденной ценой за идеалы этатистски-ориентированных интеллигентов начала XX в.

Отдельный вопрос: «мимикрировали» ли рассмотренные выше репрессированные специалисты — или же они сознательно

²⁹ Большевицкий правовед М. Рейснер выделял две группы интеллигенции по функциональному признаку: творцов (творческая интеллигенция) и приспособителей (те, кто осуществляют распространение культуры, т. е. массовые «отряды» интеллигенции — врачи, преподаватели, спецы и т. д.) культуры. Более подробно изложение его взглядов см.: [Рейснер, 1922: 93—105].

поддержали большевиков? Это неизвестно. Источники личного происхождения позволили бы судить об этом, однако они в рассмотренных нами случаях единичны. Кроме того, семейная переписка Донского подвергалась перлюстрации, и на ее основании судить об искренности написанного им проблематично. В какой мере «шахтинцы» или же Брянцев были искренни при внешнем проявлении лояльности большевикам в процессе своих ходатайств о возврате избирательных прав — судить с уверенностью нельзя. *Скорее всего, во взаимоотношениях с институтами власти они действовали в рамках существовавших норм, установленных для них.*

Требует дальнейших исследований оценка направлений и условий реализации ссыльными социокультурной деятельности в Сибири. Интеллигенты из традиционно более развитых районов Европейской России в результате вынужденных репрессий реализовывали свой интеллектуальный багаж в установленных для них властью условиях. Тем не менее очевидно, что, несмотря на достаточно жесткий режим контроля над ними со стороны «охранительных» органов, потребности местной власти в условиях дефицита специалистов приводили к прагматическому применению их труда в различных сферах. Профессионализм ссыльных специалистов, высоко оцененный не только современниками, но последующими поколениями, становился, помимо намерений власти, фактором очевидного позитивного влияния на социальную и культурную ситуацию в регионе. В частности, врачебная подвизническая деятельность Д. Д. Донского сохраняется в памяти нескольких поколений жителей Нарымского края, о чем свидетельствуют приведенные выше современные публикации о нем. Геологи, рассматривающие историю изучения проблемы нефтеносности Западной Сибири, включают в число «первопроходцев», в частности, Р. С. Ильина [Николаев, 1977: 51—52].

Можно выделить два вектора адаптации ссыльной интеллигенции к внешней среде — *политический и социально-экономический*.

1. Политическая адаптация: а) конформизм, б) активизм.
2. Социально-экономическая адаптация: а) профессиональная самореализация, б) изоляционизм.

В подавляющем большинстве случаев интеллигенция в сибирской ссылке избирала конформистскую стратегию политической

адаптации, но встречались и исключения, такие как протесты ссыльных большевиков-оппозиционеров во время кампании выборов в советы 1928—1929 гг. [Добрачев, 2024] или активность радикальных ссыльных социалистов (эсеров и анархистов), периодически встречающаяся в сводках ОГПУ по уездам / округам Сибкрая³⁰ [Измозик, 2024: 28—31].

В векторе социально-экономической адаптации можно так же выделить подавляющую стратегию — профессиональную самореализацию. Изоляционизм был характерен лишь для колоний политических ссыльных в отдаленных районах Сибири (Нарыме, Туруханске).

Список источников

- Дмитрий Дмитриевич Донской / сост., авт. введ., лит. обраб., коммент. Я. А. Яковлева; под. ред. Э. И. Черняка. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2000. 380 с.
- Добрачев П. Е.* Опальные вельможи: протест ссыльных большевиков-оппозиционеров во время переыборной кампании 1928—1929 годов в Сибири // Исторический курьер. 2024. № 1 (33). С. 166—175.
- Дэвид-Фокс М.* Пересекая границы: модернизм, идеология и культура в России и Советском Союзе. М.: НЛЮ, 2020. 464 с.
- Измозик В.* Глаза и уши режима: государственный политический контроль в Советской России, 1917—1928. М.: НЛЮ, 2024. 536 с.
- Ким В. И.* Феномен «спецедействия» в раннем советском обществе (по письмам в редакцию «Рабочей газеты» 1922—1928 гг.) // Вестник РУДН. Серия: История России. 2016. № 1. С. 48—54.
- Корель Л. В.* Социология адаптаций: вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск: Наука, 2005. 424 с.

³⁰ Подобный источник требует критического отношения. Как отмечает В. Измозик, зачастую составители сводок отстаивали ведомственные интересы, тем самым преувеличивая влияние «эсерствующих, кулацких, антисоветских» и пр. сил. Если мы обратимся к сводкам ОГПУ округов Сибирского края, где фигурирует активность эсеров, конкретики мы не увидим. Приведем пример. В информационном отчете Нарымского укома с октября по январь 1925 г. сигнализировалось, что «на политическое состояние уезда слишком влияет работа и агитация со стороны административно-ссыльных, главным образом, политических, меньшевиков и эсеров ... они ведут работу по срыву всех мероприятий соввласти, культурно-просветительной работы, пытаются разложить партийную и комсомольскую организацию» (ГАНО Ф. П-1. Оп. 1. Д. 99. Л. 118 об.).

- Красильников С. А.* Высылка и ссылка интеллигенции как элемент советской карательной политики (1920 — начало 1930-х гг.) // Дискриминация интеллигенции в послереволюционной Сибири (1920—1930-е гг.): сб. науч. тр. / под ред. С. А. Красильникова, Л. И. Пыстиной. Новосибирск: АООТ НОЗ ПТСиС, 1994. С. 24—60.
- Красильников С. А.* Феномен и природа конформизма российской интеллигенции в XX веке // Известия Уральского государственного университета. 1998. № 8. С. 81—85.
- Людтке А.* История повседневности в Германии: Новые подходы к изучению труда, войны и власти / под ред. С. В. Журавлева, пер. с нем. и англ. К. А. Левинсона и др. М.: РОССПЭН, 2010. 271 с.
- Николаев В. А.* Роль Академии наук в изучении нефтегазоносности Западно-Сибирской равнины // Академия наук и Сибирь, 1917—1957 гг.: 60-летию Великой Октябрьской соц. революции посвящается / под ред. А. П. Окладникова. Новосибирск: Наука. 1977. С. 49—63.
- Паперный В. З.* Культура Два. М.: НЛО, 2022. 416 с.
- Пинкин В. И.* Ссылка и высылка в Сибирь в 1920-е гг.: дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2002. 274 с.
- Пыстина Л. И., Шер О. В.* Мобилизации специалистов (конец 1920-х — начало 1930-х гг.) // Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920-х — 1930-е гг.) / под ред. С. А. Красильникова. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2013. С. 54—109.
- Рейснер М. А.* Интеллигенция как предмет изучения в плане научной работы // Печать и революция. 1922. № 1. С. 93—105.
- Рождественская Е. Ю.* Биографический метод в социологии. М.: Издательский дом ВШЭ, 2012. 381 с.
- Ссылка в 1920-е годы: публикация С. А. Красильникова // Минувшее: Исторический альманах. СПб.: Atheneum, Феникс, 1997. С. 175—239.
- Уразов С. П.* Инициалы Д. Д. Д. // Земля парабельская: сб. науч.-популяр. очерков / отв. ред. Я. А. Яковлев. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1996. С. 252—265.
- Флиге И. А.* Гулаг как создатель биографического источника. Биографии Гулага: норма и маргинальность // Право на имя: биография как парадигма исторического процесса: Вторые чтения памяти Вениамина Иофе: сб. докладов, Санкт-Петербург, 16—18 апр. 2004 г. / ред. И. А. Флиге. СПб.: НИЦ «Мемориал» (Минюстом РФ внесен в реестр иноагентов); Норд-вест, 2005. С. 79—99.

References

- Alloy, V. E. V. (ed.) (1997), 'Exile in the 1920s', in *Minuvshee: Istoricheskii al'manakh* [The Past: Historical Almanac], Athenium, Phoenix, St. Petersburg, Russia: 214—227.

- Chernyak, E. I. (ed.) (2000), *Dmitrii Dmitrievich Donskoi* [Dmitry Dmitrievich Donskoy], Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, Tomsk, Russia.
- Devid-Foks, M. (2020), *Pereseikaia granitsy: modernost', ideologii i kul'tura v Rossii i Sovetskom Soiuze* [Crossing Borders: Modernity, Ideology and Culture in Russia and the Soviet Union], NLO, Moscow, Russia.
- Dobrachev, P. E. (2024), 'Disgraced nobles: protest of exiled Bolshevik oppositionists during the re-election campaign of 1928—1929 in Siberia', *Istoricheskii kur'er* [Historical Courier], no. 1 (33): 166—175.
- Flige, I. A. (2005), 'Gulag as the creator of a biographical source. Biographies of the Gulag: norm and marginality', in Flige, I. A. (ed.), *Pravo na imia: biografiia kak paradigma istoricheskogo protsessa: Vtorye chteniia pamiati Veniamina Iofe: sbornik dokladov* [Right to a Name: Biography as a Paradigm of the Historical Process: Second Readings in Memory of Veniamin Iofe: collection of reports], Sankt-Petersburg, Russia 16—18 April 2004, NITs «Memorial» ((included in the register of foreign agents by the Russian Ministry of Justice), Nord-vest, Saint Petersburg, Russia: 79—99.
- Izmozik, V. (2024), *Glaza i ushi rezhima: gosudarstvennyi politicheskii kontrol' v Sovetskoj Rossii, 1917—1928* [The eyes and ears of the regime: state political control in Soviet Russia, 1917—1928], NLO, Moscow, Russia.
- Kim, V. I. (2016), 'The phenomenon of "special food" in early Soviet society (according to letters to the editors of Rabochaya Gazeta, 1922—1928)', *Vestnik RUDN, seriia: Istorii Rossii* [RUDN journal of Russian history], no. 1: 48—54.
- Korel, L. V. (2005), *Sotsiologiiia adaptatsii: voprosy teorii, metodologii i metodiki* [Sociology of adaptations: issues of theory, methodology and technique], Nauka, Novosibirsk, Russia.
- Krasilnikov, S. A. (1994), 'Expulsion and exile of the intelligentsia as an element of Soviet punitive policy (1920 — early 1930s)', in Krasilnikov, S. A. and Pystina, L. I. (eds), *Diskriminatsiia intelligentsii v poslerevoliutsionnoi Sibiri (1920—1930-e gody): sbornik nauchnykh trudov* [Discrimination against the intelligentsia in post-revolutionary Siberia (1920—1930s): a collection of scientific works], AOOT NOZ PTSiS, Novosibirsk, Russia: 24—60.
- Krasilnikov, S. A. (1998), 'The phenomenon and nature of conformism of the Russian intelligentsia in the XX century', *Izvestiia Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Ural State University Journal], no. 8: 81—85.
- Ludtke, A. (2010), *Istoriiia povsednevnosti v Germanii: Noyye podkhody k izucheniiu truda, voyny i vlasti*, in Zhuravlev, S. V. (ed.), Translated by Levinson, K. A. and others, ROSSPEN, Moscow, Russia.
- Nikolaev, V. A. (1977), 'The role of the Academy of Sciences in studying the oil and gas potential of the West Siberian Plain', in Okladnikova, A. P. (ed.), *Akademiia nauk i Sibir', 1917—1957 gody: 60-letiiu*

- Velikoi Oktiabr'skoi sotsialisticheskoi revoliutsii posviashchaetsia* [Academy of Sciences and Siberia, 1917—1957: dedicated to the 60th anniversary of the Great October Socialist Revolution], Nauka, Moscow, Russia: 49—63.
- Paperny, V. Z. (2022), *Kul'tura Dva* [Culture Two], NLO, Moscow, Russia.
- Pinkin, V. I. (2002), *Ssylka i vysylka v Sibir' v 1920-e gody* [Exile and deportation to Siberia in the 1920s], D. Sc. (History) Thesis, Novosibirskii gosudarstvennyi universitet, Novosibirsk, Russia.
- Pystina, L. I. and Sher, O. V. (2013), 'Mobilization of specialists (late 1920s — early 1930s)', in Krasil'nikov, S. A. (ed.), *Sotsial'naiia mobilizatsiia v stalinskom obshchestve (konets 1920-kh — 1930-e gody)* [Social mobilization in Stalinist society (late 1920s — 1930s)], Novosibirskii gosudarstvennyi universitet, Novosibirsk, Russia: 54—109.
- Reisner, M. A. (1922), 'The intelligentsia as a subject of study in terms of scientific work', *Pechat' i revoliutsiia* [Printing and Revolution], no. 1: 93—105.
- Rozhdestvenskaya, E. Yu. (2012), *Biograficheskii metod v sotsiologii* [Biographical method in sociology], Izdatel'skii dom VShE, Moscow, Russia.
- Tinchenko, Ya. Yu. (preface) (2011), *Kniga ucheta lits, sostoiavshikh na osobom uchete byvshikh belykh ofitserov v organakh GPU Ukrainy: v 4 tomakh* [The book of registration of persons who were on the special register of former white officers in the organs of the GPU of Ukraine: in 4 volumes], vol. I: A (Abaz) — G (Gyaguzov), SAGA, Kharkov, Ukraine, available at: <https://forum.vgd.ru/3299/117089/0.htm?ysclid=mlf6y28li2977610103> (Accessed 25 September 2024).
- Urazov, S. P. (1996), 'Initials D. D. D.' in Yakovlev, Ya. A. (ed.) *Zemlia parabel'skaia: sbornik nauchno-populiarnykh ocherkov* [Land of Parabel: collection of popular science essays] / ed. Ya. A. Yakovlev, Publishing house of Tomsk University, Tomsk, Russia: 252—265.

Статья поступила в редакцию 14.10.2024; одобрена после рецензирования 13.11.2024; принята к публикации 27.11.2024.

The article was submitted 14.10.2024; approved after reviewing 13.11.2024; accepted for publication 27.11.2024.

Информация об авторе / Information about the author

П. Е. Добрачев — магистрант, Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия.

P. E. Dobrachev — Master's Degree student, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia.

Интеллигенция и мир. 2025. № 2. С. 67—85.

Intelligentsia and the World. 2025. No. 2. P. 67—85.

Научная статья

УДК 94:386.4(470.42)

EDN <https://elibrary.ru/xiuiifc>

DOI: 10.46725/IW.2025.2.4

Научная специальность ВАК

5.6.1. Отечественная история

СТАНОВЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СИМБИРСКО-УЛЬЯНОВСКОМ КРАЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

Юлия Владимировна Жила

Ульяновский государственный педагогический университет
им. И. Н. Ульянова, Ульяновск, Россия, juliya060220@gmail.com,
SPIN-код: 6558-3431, <https://orcid.org/0009-0009-4018-854X>

Аннотация. Статья посвящена подготовке преподавателей истории в Симбирско-Ульяновском крае в первой половине XX века. В данной работе рассматривается подготовка учителей в Ульяновском государственном педагогическом институте (УГПИ), отражены аспекты процесса обучения студентов; представлена учебная и научная деятельность преподавателей и студентов вуза. В статье впервые в научный оборот вводятся новые неопубликованные источники из Государственного архива Ульяновской области.

В настоящее время, в условиях модернизации экономики России, преодоления ее технологического отставания, значимость высшего образования повышается. Именно высшие учебные заведения должны обеспечить страну необходимым количеством грамотных специалистов в разных областях знания. Образование становится важнейшим катализатором общественного развития. В начале XX века в Ульяновской области, как и России в целом, развивалось высшее образование, с ним связывали большие надежды.

Ключевые слова: высшее историческое образование, Ульяновский государственный педагогический институт, Ульяновская область, Симбирская губерния, преподаватели, студенты, практика

Для цитирования: Жила Ю. В. Становление исторического образования в Симбирско-Ульяновском крае в первой половине XX века // Интеллигенция и мир. 2025. № 2. С. 67—85.

Original article

FORMATION OF HISTORICAL EDUCATION IN THE SIMBIRSK-ULYANOVSK REGION IN THE FIRST HALF OF THE XX CENTURY

Yulia V. Zhila

Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov,
Ulyanovsk, Russia, juliya060220@gmail.com,
SPIN-code:6558-3431, <https://orcid.org/0009-0009-4018-854X>

Abstract. The article is devoted to the training of history teachers in the Simbirsk-Ulyanovsk region in the first half of the 20th century. This work examines the training of teachers at the Ulyanovsk State Pedagogical Institute (USPI), reflects aspects of the student learning process, and presents the educational and scientific activities of teachers and students of the university. The article introduces new unpublished sources from the State Archives of the Ulyanovsk Region for the first time in scientific circulation.

Currently, in the context of economic modernization and overcoming the technological backwardness of Russia, higher education is becoming increasingly important. It is higher education institutions that must provide the country with the necessary number of competent specialists in various fields of knowledge. Education is becoming the most important catalyst for social development. At the beginning of the 20th century, higher education in Russia and in the Ulyanovsk region, in particular, was developing, and great hopes were associated with it. Such experience is still in demand today.

Keywords: Higher historical education, Ulyanovsk State Pedagogical Institute, Ulyanovsk region, Simbirsk province, teachers, students, practice

For citation: Zhila, Yu. V. (2025), 'Formation of historical education in the Simbirsk-Ulyanovsk region in the first half of the XX century', *Intelligentsia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 2: 67—85 (in Russ.).

Введение

Актуальность. В конце XIX — начале XX века в целом в России и в Симбирской губернии, в частности, остро стояла проблема подготовки учительских кадров. Страна быстро развивалась

по капиталистическому пути, промышленности и сельскому хозяйству требовались грамотные работники. А их, в свою очередь, должна была готовить тогдашняя слабо развитая система школьного образования, где не хватало подготовленных учителей. Положение не спасали и открытые усилиями директора народных училищ Симбирской губернии И. Н. Ульянова двухгодичные педагогические курсы, Порецкая учительская семинария, Симбирская чувашская учительская школа. С установлением Советской власти, которая взяла курс на ликвидацию безграмотности, проблема учительских кадров еще больше обострилась. Поэтому сразу после освобождения Симбирска от белогвардейцев в сентябре 1918 г. губернский комиссариат просвещения принимает решение об открытии в городе первого высшего учебного заведения — педагогического института [Ульяновский государственный педагогический университет — старейший вуз Поволжья, 2012: 114].

Постановка вопроса. В настоящее время, в условиях модернизации экономики России, преодоления ее технологического отставания, значимость высшего образования повышается. Именно высшие учебные заведения должны обеспечить страну необходимым количеством грамотных специалистов в разных областях знания. Образование становится важнейшим катализатором общественного развития. В начале XX века высшее образование в России и в Ульяновской области, в частности, развивалось, с ним связывали большие надежды. Такой опыт востребован и в настоящее время.

Целью нашей работы является исследование процесса обучения в Ульяновском государственном педагогическом институте, а также анализ учебной и научной деятельности преподавателей и студентов вуза.

Источники. При подготовке данного исследования автором были использованы материалы из Государственного архива Ульяновской области, прежде всего, отчеты декана и доцентов кафедр Ульяновского государственного педагогического института за 1945—1947 гг. В них подробно освещен данный период обучения и научной деятельности студентов и преподавателей УГПИ. Наиболее значительным можно считать отчет декана исторического факультета УГПИ за 1945—1946 гг., в котором автор детально

раскрывает особенности жизни факультета, процесс обучения студентов и научную деятельность преподавателей института.

Методология и методы исследования

В основе методологии исследования лежит современная теория познания человека, которая при изучении отдельных исторических явлений требует учитывать весь спектр влияющих факторов: политических, социальных, экономических и культурных. В качестве основных методов исследования использованы историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический, хронологический и др.

Основная часть

Открывшийся 16 января 1919 г. Симбирский педагогический институт уже в октябре 1920 г. был преобразован в Институт народного образования (ИНО) [Там же: 115]. Он располагался в здании, которое сейчас занимает факультет иностранных языков Ульяновского государственного педагогического университета имени И. Н. Ульянова — в центре города, по адресу: пер. Карамзина, д. 3/2. На пяти отделениях ИНО готовили педагогов дошкольного воспитания, учителей школ, педагогов-воспитателей по внешкольной работе и инструкторов по трудовому обучению [Там же: 116]. Осенью 1921 г. институт народного образования вновь был преобразован, теперь — в практический институт народного образования (Практино), с целью подготовки учителей для средних школ и техникумов, инструкторов по социальному воспитанию и работников культурно-просветительных учреждений. Ректором Симбирского Практино стал историк, профессор Московского университета Алексей Иванович Яковлев, сын просветителя чувашского народа Ивана Яковлевича Яковлева. Просуществовал этот институт недолго, в 1923 г. из-за гражданской войны и разрухи он был закрыт.

И только в 30-е гг., когда в стране ускорились глубокие экономические преобразования, началась культурная революция, в Ульяновске вновь встал вопрос об открытии педагогического вуза. Он получил необычное название — Ульяновский агропедагогический институт [Там же: 117]. Предполагалось, что в институте будут готовить учителей для сельской местности. Но вскоре Народный комиссариат просвещения (Наркомпрос) упразднил

деление педвузов на агро- и индустриально-педагогические институты. В 1932 г. постановлением Совета Народных комиссаров (СНК) РСФСР № 289 «Об итогах осеннего приема 1931 г. в профессионально-технические учебные заведения, о сети, контингентах приема и капиталовложениях в эти учреждения в 1932 г.» было принято решение об открытии Ульяновского государственного педагогического института, готовящего преподавателей для средних школ, рабфаков и техникумов.

Первый учебный год для коллектива института оказался чрезвычайно трудным. Из-за недостатка топлива температура в аудиториях и общежитии в зимние месяцы часто держалась на минусовом уровне; многие студенты испытывали серьезные материальные затруднения, а единственным источником существования была для них стипендия в размере 32 рублей. В результате 28 студентов института и 19 слушателей рабфака в течение года оставили учебу. Абсолютная успеваемость по институту составила 88,2 %, по рабфаку — 95 % [Климович, Шабанова, 2022: 111—126]. Поэтому при подготовке к новому учебному году (1933/34) руководство института постаралось значительно улучшить материальные и бытовые условия студентов. Было заготовлено достаточное количество топлива, открыта своя столовая, до 1000 квадратных метров расширилась площадь общежитий, увеличен размер стипендии¹.

В 1934 г. в пединституте произошли существенные структурные изменения. Вместо отделений были созданы два факультета: физико-математический и естественный. Историко-экономическое отделение было ликвидировано, а его студенты переведены на исторический факультет Самарского пединститута. В это же время было открыто заочное отделение Ульяновского пединститута по специальностям «Русский язык и литература» и «Биология и химия». Необходимость ускоренной подготовки учителей для неполных средних школ потребовала организации двухгодичных учительских институтов. Такой институт начал действовать с сентября 1934 г. и в составе Ульяновского пединститута. Он имел два отделения: «Русского языка и литературы»

¹ Государственный архив Ульяновской области. Ф. Р-73. Оп. 2. Д. 250. Л. 18 (далее: ГАУО).

и «Биологии и химии», а с 1935 г. стал производить набор студентов на физико-математическое и географическое отделения.

С каждым годом Ульяновский пединститут рос и набирал силы. Количество студентов увеличилось до 600 человек. В 1934—1936 гг. институт получил еще три здания для общежития на 300 человек. Открывались новые кабинеты и лаборатории (ботаники, зоологии, психологии и др.). Все кабинеты служили одновременно помещениями как для лекционных и семинарских занятий, так и для самостоятельной работы студентов. Значительно увеличился книжный фонд библиотеки. Если в 1933 г. он составлял 10 000 томов, то в 1936 г. — 30 400, а в 1940 г. — 44 500 томов, в том числе более 20 000 томов учебной литературы. Читальный зал при библиотеке расширился до 60 мест, а число библиотечных работников увеличилось с 2 до 4 человек.

К 1939/40 учебному году институт имел три учебных корпуса: главный по улице 25 Октября (28 комнат, 22 аудитории и актовый зал) и второй по улице Труда (22 комнаты), где находились библиотека, читальный и два спортивных зала, аудитории литфака с методкабинетом. Общежития студентов размещались в доме 49 по улице Ленина и в двух вновь построенных специальных зданиях на Старом Венце. По мере расширения учебной структуры создавались общеинститутские и факультетские кафедры. К 1941 г. институт имел 3 факультета и 11 кафедр [Забалухина, Пашкин: 2012: 200].

Состав преподавателей Ульяновского пединститута комплектовался из научных работников, имевших большой педагогический и методический опыт, хорошую научно-теоретическую подготовку. К 1 октября 1932 г. в штат института было зачислено 12 научных работников: В. П. Овсейчик (политэкономия), В. Н. Басов (педология), Ю. А. Иванов (история), Д. И. Демаев (диапат), З. А. Чиннова (педагогика), Э. А. Кривчиков (военрук), А. С. Аникин (физрук), Н. В. Скороходов (физика), Н. С. Рыжков и Б. К. Добронравов (математика), П. Я. Гречкин (химия), Г. М. Клейн (немецкий язык). В январе 1933 г. были назначены И. С. Кудрявцев (педагогика), А. Т. Андреев (политэкономия), Д. П. Разина (диапат) и С. И. Ефремов (история партии). В числе преподавателей были 4 доцента, и. о. профессора и два и. о. доцента, остальные — ассистенты. Кроме штатных сотрудников, к работе

в институте привлекались совместители. Всего в довоенные годы в институте работало более 300 научных работников, не считая совместителей.

Начало Великой Отечественной войны нарушило мирные планы: институт, как и вся страна, вступил в полосу тяжелых испытаний. Многие преподаватели и студенты ушли добровольцами на фронт².

В момент создания педагогического института в партийном руководстве страны доминировала идея мировой революции, исключавшая самостоятельный путь отдельно взятой страны к социалистическому будущему. На этом идеологическом фоне изучение истории Отечества считалось второстепенным делом. Однако с середины 20-х гг. XX века на первое место выдвинулся лозунг «социализм в одной стране», а с середины 30-х гг., в соответствии со Сталинской теорией государства, изменилось и отношение к истории — и как к науке, и как к преподаваемой дисциплине. История была признана мощным идеологическим инструментом воспитания. Естественно, для преподавания истории нужны были кадры учителей. Поэтому в Ульяновске во время Великой Отечественной войны, в 1943 г., был открыт исторический факультет [Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова, 2008: 107]. В 1943 г. было зачислено на исторический факультет 98 студентов [Забалухина, Пашкин, 2012: 200].

В это же время открылось историческое отделение в действовавшем при УГПИ двухгодичном учительском институте, в котором шла подготовка педагогических кадров учителей истории для начальных школ.

Первым деканом исторического факультета стал Петр Сергеевич Бейсов. В 1936 г. по распределению после окончания Смоленского педагогического института он попал в Ульяновск. Работал на факультете русского языка и литературы, был его деканом³. В 1940 г. Петр Сергеевич защитил кандидатскую диссертацию. С началом

² Герои с вечно русским сердцем. 23.03.2023. URL: <https://www.ulspu.ru/sveden/news/52685/> (дата обращения: 30.08.2024).

³ Государственный архив Ульяновской области. Ф. Р-73. Оп. 2. Д. 226. Л. 4.

Великой Отечественной войны одним из первых эшелонов из Ульяновска на фронт отправились многие преподаватели, в их числе был и П. С. Бейсов. В 1942 г. он был эвакуирован в тыл в связи с ранением, а в следующем году, с образованием исторического факультета, стал его деканом.

Факультет размещался в первом учебном корпусе (ныне корпус факультета иностранных языков). В 1943 г. в составе вновь сформированного исторического факультета было создано две кафедры: истории СССР и всеобщей истории. Создание прошло быстро, так как в городе имелось значительное количество эвакуированных научно-педагогических кадров. Кафедру истории СССР возглавлял историк, доцент Николай Павлович Гриценко. Он был родом из села Писарево Сумского уезда Харьковской губернии, закончил Ленинградский институт (1938 г.), аспирантуру (1941 г.). Трудовую деятельность начал в УГПИ в июле 1941 г. на кафедре истории СССР. С 1944—1945 гг. исполнял обязанности декана данного факультета⁴. Работая в Ульяновске, подготовил и издал научные работы по истории Симбирского края: «Пугачев в Симбирске», «Село Тургенево», «Декабрист Ивашев», «Грибоедов и Симбирск», «Очерки истории г. Симбирска-Ульяновска и Ульяновской области» (1948). Защитил докторскую диссертацию «Колонизация Среднего Поволжья в XVI—XVII вв.» (1959).

Во время Великой Отечественной войны количество студентов составляло всего 25 человек (одна группа). В 1946 г. на первом курсе исторического факультета оно увеличилось в 5 раз и составило 128 человек — 5 учебных групп, в которых учились много участников Великой Отечественной войны, награжденных правительством орденами и медалями: Н. М. Бровцев, М. И. Вакуленко, Н. А. Кузьмин, Г. В. Пушкарева — и др.⁵

Война нарушила мирный ритм жизни. Из воспоминаний студентки В. Петровой: «Известия о войне ворвалось в аудитории и общежития, перевернув многие личные планы и надежды. Сразу после объявления по радио о войне все мы, студенты, бросились в сад

⁴ Гриценко Н. П. Готовим кадры историков // Ульяновская правда. 1947. № 37. С. 3.

⁵ Там же.

имени Свердлова на общегородской митинг». 23 июня 1941 г. в институте состоялся массовый митинг студентов и преподавателей. На нем выступили директор подготовительных курсов И. В. Верхов, декан литфака П. С. Бейсов, секретарь партбюро физмата Н. П. Нецветаев и др. В принятой на митинге резолюции его участники единодушно заявили: «Мы знаем, что наше дело правое, и со всей отвагой и мужеством вступаем в Отечественную войну против фашисткой гадины...». Сразу же многие преподаватели, сотрудники и студенты подали заявления с просьбой послать их добровольцами на фронт.

Героические подвиги в годы войны совершали не только бойцы на фронте, но и те, кто работал в тылу, направляя все усилия на выполнение главной задачи: «Все для фронта, все для победы!». Преподаватели института, имевшие военную подготовку, выполняли обязанности командиров и политбойцов подразделений на военно-учебных пунктах; студенты участвовали в подготовке населения к противовоздушной обороне, трудились во время каникул на предприятиях города, на полях и фермах области.

В институте работали кружки по изучению стрелкового оружия, станкового пулемета и миномета, велась подготовка телеграфисток, радисток, медсестер. Из студенток выпускного курса были созданы три санитарные дружины. Газета «Пролетарский путь» 7 сентября 1941 г. сообщала: «Большое оживление среди студентов получило овладение военными специальностями. Так, все студенты пединститута были охвачены учебой в санитарных дружинах при отряде народного ополчения». В 1941/42 учебном году основная масса студентов проходила 200-часовую программу военно-физкультурной подготовки. Юноши, состоявшие на воинском учете, выполняли 110-часовую программу всевобуча. Всего за годы войны ту или иную военную специальность в институте получили более 1200 человек.

Работники библиотеки института организовывали книжные передвижки в госпиталях, доставляя ежемесячно для раненых воинов около 13 тыс. книг, причем значительную часть книг библиотека передала госпиталям в безвозмездное пользование.

Во время войны возникали серьезные проблемы с организацией учебного процесса: для второго и третьего курсов необходимо было разработать переходные учебные планы, перевести

обучение на трехлетний срок. Занятия вечером иногда проводились при керосиновом освещении, но керосина и ламп также не хватало. Большую нужду институт испытывал в учебной мебели, писчей бумаги, чернилах и даже в меле. Из-за отсутствия общежития иногородние студенты жили на частных квартирах, многие из них спали по двое на одной кровати. Плохим было питание, своей студенческой столовой у института в первые годы войны не было. Лишь организация подсобного хозяйства и индивидуальных огородов весной 1942 г. позволила несколько улучшить питание студентов и преподавателей. В не менее трудных условиях проходила и педагогическая практика. Из 35 школьных зданий занятия проводились только в десяти. В каждую школу приходилось направлять по 40—50 студентов-практикантов. Несмотря на тяжелые условия, почти все студенты 3-го курса прилежно готовились к урокам, 76 % практикантов получили высокие оценки.

В послевоенные годы в институте учебные занятия проходили с определенными сложностями. Например, на историческом факультете стабильность расписания очень часто нарушалась из-за отсутствия штатных преподавателей и электрического освещения. Учебный план и программы в основном выполнялись по всем курсам, за исключением отдельных дисциплин (русская литература на 1-м курсе, история средних веков на 2-м курсе и др.). Недовыполнение учебных планов по названным дисциплинам произошло из-за отсутствия преподавателей в первом полугодии 1946 г.

Учебно-производственная база факультета оставалась крайне бедной. В течение всего учебного года факультет не имел достаточного количества комнат для учебных занятий и организации кабинетов по всеобщей истории и методике преподавания истории в средней школе. Поэтому большая часть студенческих групп размещалась для учебных занятий в аудиториях других факультетов. Не менее остро стоял вопрос и с мебелью: лабораторными столами, стульями и пр. Имевшийся при факультете кабинет истории обслуживал все исторические дисциплины. Организованный в годы Великой Отечественной войны, он не мог получить и не имел даже самых необходимых пособий для преподавания исторических дисциплин и основ марксизма / ленинизма.

Контингент студентов в послевоенное время существенно увеличился. План набора на 1-й курс истфака в 1945—1946 гг. был не только выполнен, но и перевыполнен (вместо 25 человек было принято 39 человек). Большинство вновь принятых студентов оказались вполне подготовленными для учебных занятий на истфаке. В течение учебного года, в связи с возвращением из армии фронтовиков, было зачислено на 1-й курс еще 6 человек. Таким образом, к концу первого полугодия 1945-го учебного года на первом курсе числилось 45 человек, из которых к началу 2-го полугодия 1946 г. 6 человек выбыло по неуспеваемости. По национальному признаку студенческий состав факультета распределялся следующим образом: русских — 119 человек, украинцев — 3 человека, евреев — 3 человека, чувашей — 2 человека, татар — 1 человек. Из общего количества студентов факультета членов ВКП(б) — 6 человек, кандидатов в члены ВКП(б) — 6 человек, членов ВЛКСМ — 82 человека⁶.

Студенты Ульяновского государственного педагогического института занимались и самостоятельной работой. На историческом факультете студенты начали заниматься самостоятельно только во 2-м полугодии, когда кабинет истории получил электрическое освещение и штатного лаборанта. Помимо этого, развертыванию самостоятельной работы способствовала организация на всех курсах семинарских занятий, которых в 1-м полугодии не было. За годы обучения были написаны интересные рефераты по дисциплинам история СССР, новой истории, стоит отметить некоторые из них: Калачев, «О работе К. Маркса “18 брюмера Луи Бонапарта”»; Блюменталь, «О революционере-демократе Добролюбове»; Комольцева, «О Куликовской битве» — и др.⁷ Однако и во 2-м полугодии далеко не все студенты включились в самостоятельную работу. Причиной этому служило то обстоятельство, что факультет очень плохо был обеспечен учебной и научной литературой и еще хуже — помещениями для студенческой читальни при кабинете. Кроме этого, большим препятствием в организации самостоятельной работы являлся холод, так как зимой кабинет истории и читальня при нем не отапливались.

⁶ ГАУО. Ф. Р-73. Оп. 1. Т. 1. Д. 41. Л. 59.

⁷ Там же. Д. 93. Л. 8.

Качество подготовки молодых специалистов исторического факультета постепенно улучшалось, согласно отчетам экзаменационных сессий за 1945—1947-е гг. Способствовали этому систематические консультации по дисциплинам (всеобщая история, новая история, история древнего мира, история СССР). Перед экзаменами проводились групповые консультации, преподаватели давали списки литературы студентам для подготовки к экзаменам и зачетам. За время обучения студенты получали хорошие и отличные оценки (см. таблицу)⁸.

**Успеваемость студентов по дисциплинам, входящим в состав кафедры
всеобщей истории**

№ п/ п	Наименование дисциплины	Кол-во студентов, державших экзамен	Из них сдали экзамен с оценками			Всего
			отл.	хор.	удовл.	неудовл.
1	История древ. мира	66	24	16	24	2
2	История сред. веков	27	10	11	6	—
3	Новая история	60	13	30	17	—
4	Методика истории	27	13	12	2	—

На факультете было более 40 отличников (1947 г.). Количественные показатели успеваемости свидетельствует о том, что студенты хорошо готовились к экзаменам. Для подготовки они использовали не только конспекты лекций, но и рекомендованную дополнительную литературу.

В послевоенные годы (1945—1946 гг.) выпускалась стенная газета «Историк». Под руководством преподавателей факультета студенты работали над научно-исследовательскими темами по документам Государственного архива Ульяновской области. В частности, можно выделить следующих студентов: Федорову, которая готовила исследование на тему «Волнение крестьян на

⁸ Печатается по: Там же. Оп. 2. Д. 250. Л. 14.

Томской фабрике в первой половине XIX века»; Пушкиреву — «Декабристы — уроженцы Симбирской губернии»; Левичеву — «Симбирское ополчение в Отечественной войне 1812 г.». Проводились научные конференции на различные темы. Например, в 1947 г. была организована конференция, в программе которой были представлены следующие темы: «Первый том произведений И. В. Сталина», «Отечественная война 1812 г.», «Отечественная война советского народа против немецко-фашистских захватчиков» — и др. Проводились отчетные конференции, в частности, в конце января 1947 г. В этой конференции принимали участие не только студенты и преподаватели исторического факультета, но и приглашенные сотрудники из других факультетов: кандидат экономических наук И. Н. Трегубова с докладом на тему «Крестьянство в начале XX века» — и мн. др.⁹

Подготовка учителей на факультете шла в соответствии с требованиями, предъявляемыми к специалисту в системе образования рассматриваемого периода. Обучение на факультете предусматривало выполнение курсовых работ по разным направлениям и одной квалификационной. Выпускники по специальности «История» готовились для работы в образовательных учреждениях различного типа (школы, техникумы). Видами профессиональной деятельности специалиста-историка являлись: преподавательская, научно-методическая, воспитательная, культурно-просветительная, управленческая.

Педагогическая практика проходила в школах города и области в средних и старших классах. Студенты-практиканты применяли полученные на теоретических занятиях знания, успешно осваивали практические навыки. Школьные педагогические практики проходили под руководством преподавателей факультета. Для руководства педагогической практикой студентов кафедрой истории СССР (1945—1946 гг.) было выделено 4 руководителя: старший преподаватель И. Н. Сможевский, старший преподаватель С. П. Захаров, старший преподаватель Н. Д. Овсянникова, старший преподаватель И. С. Ромашин. Практики проводились в следующих школах: мужской средней школе, 2-й мужской средней школе; 1-й, 2-й, 3-й женских школах, а также в

⁹ Грещенко Н. П. Указ. соч. С. 3.

65-й железнодорожной школе г. Ульяновска. Студенты в основном работали в 7—9-х классах, в отдельных случаях давали уроки в 5—6-х классах. Каждый студент проводил по 3 пробных урока и осуществлял воспитательную работу в классе. Уроки студентов проходили под наблюдением учителей школы и методистов — руководителей института. Каждый урок, данный студентом, обсуждался. Всего было дано студентами 182 урока, из них оценены: 43 — «отлично», 102 — «хорошо», и 37 — «удовлетворительно». До выхода в школу студенты были подробнейшим образом проинструктированы о задачах и организации педагогической практики старшим преподавателем И. Н. Сможевским¹⁰.

Преподаватели факультета истории участвовали в методических объединениях учителей города, а также выступали на учительских совещаниях. Старший преподаватель И. Н. Сможевский читал доклады для преподавателей-историков города на методических объединениях на следующие темы:

1. О постановке преподавания истории и Конституции СССР в условиях послевоенного времени.

2. О методике показа исторических деятелей и масс в преподавании истории.

3. Анализ учебника истории средних веков для средней школы под редакцией Косминского.

С. П. Захаров выступал с рядом методических докладов в институте усовершенствования учителей, и в частности — «О методике преподавания Конституции СССР и др.». Написал статью для радио: «О правах и обязанностях граждан СССР». Доцент Н. П. Гриценко выступал с лекцией на тему «История города Симбирска-Ульяновска в областной партийной школе в Обкоме ВКП(б)»¹¹.

В послевоенные годы Ульяновскому педагогическому институту удалось значительно расширить учебную площадь за счет возвращения ему двух учебных корпусов по улице Труда и освобождения Коммунальным банком помещений в главном корпусе, что позволило нарастить аудиторный фонд и увеличить площадь под кабинеты и лаборатории. Уже в 1951/52 учебном

¹⁰ ГАУО. Ф. Р-73. Оп. 2. Д. 249. Л. 14.

¹¹ Там же. Л. 28.

году институт имел в главном корпусе 22 аудитории, актовый зал на 300 мест, 11 хорошо оборудованных кабинетов и лабораторий. В подвальном помещении расположились мастерские кафедры физики, радиоузел, буфет и гардероб. В двух других учебных корпусах разместились историко-филологический факультет, библиотека и читальный зал на 60 мест, книгохранилище, два спортивных зала и кафедра физкультуры. В 1955/56 учебном году в подвальных помещениях двух учебных корпусов были созданы станочный отдел с 12 фрезерными, сверлильными, строгальными и шлифовальными станками, слесарная и столярная мастерские, кабинет машиноведения, радио и фотолaborатории. На 162 квадратных метра было расширено помещение библиотеки, что позволило открыть второй читальный зал на 40 мест, выделить комнаты для работы преподавателей и выдачи книг и увеличить площадь книгохранилища.

В 1951 г. решением правительства направления обучения «История» и «Русский язык и литература» были объединены в составе одного историко-филологического факультета. Факультет стал готовить учителей, которые могли преподавать историю, русский язык и литературу [Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова: история образования..., 2008: 106].

Состав кафедр института в разные периоды их функционирования менялся с изменением количества студентов, а также в связи с организационным слиянием или разделением. С середины 1950-х гг. наблюдается расцвет исторической науки и краеведения, и здесь большую роль сыграли представители историко-филологического факультета УГПИ: преподаватели кафедр истории СССР и всеобщей истории Сергей Львович Сытин и Николай Григорьевич Левинтов, проработавшие на факультете около 50 лет каждый. С. Л. Сытин родился в Москве, окончил исторический факультет Московского государственного педагогического института, а в 1952 г. оказался в Ульяновске. Преподавал в Ульяновском государственном педагогическом институте, много лет заведовал кафедрой всеобщей истории. Первоначально С. Л. Сытин занимался историей Великой французской революции, но, оказавшись в Ульяновске, взялся за краеведение. С 1960-х гг. практически полностью посвятил себя поиску и сбережению

памятников истории и культуры Симбирска, скрупулезно восстанавливал, казалось бы, навсегда утраченные для нас страницы прошлого. Фотолетопись Симбирска-Ульяновска, созданная С. Л. Сытиным, содержит более 7 тысяч снимков и около 20 тысяч негативов. Особый интерес к фотографии достался Сергею Львовичу от его отца-фотографа.

Многолетнее изучение архивных документов, старых журналов и газет, писем и воспоминаний вылилось в монументальный труд «Материалы для охраны исторической среды в пределах Ленинской мемориальной зоны г. Ульяновска». Прделанная работа явилась основой для проектов реставрации зданий в центральной части города.

С. Л. Сытин стоял у истоков создания Государственного историко-мемориального музея-заповедника «Родина В. И. Ленина». При его непосредственном участии были разработаны генеральная схема развития, концепция музеефикации, он курировал различные направления деятельности заповедника.

Николай Григорьевич Левинтов родился 15.08.1914 г. в уездном городе Демянск Новгородской губернии, в семье шапочника. В 1929 г. закончил семилетнюю школу. Летом 1930 г. переехал в город Ленинград, где работал на швейной фабрике по пошиву шапок. В 1936—1941 гг. учился на историческом факультете Ленинградского государственного университета. Николай Григорьевич — участник Великой Отечественной войны: 1941—1945 гг. Награжден двумя орденами Отечественной войны: орденом «Красная звезда» и медалями «За оборону Ленинграда» и др. В 1946—1950 гг. учился в аспирантуре Ленинградского государственного университета на кафедре новой истории. После окончания аспирантуры был направлен на кафедру всеобщей истории в Ульяновский государственный педагогический институт имени И. Н. Ульянова. В 1954 г. Н. Г. Левинтову присуждена ученая степень кандидата исторических наук. В 1961—1973 и 1982—1987 гг. он заведовал кафедрой всеобщей истории. Несколько лет преподавал историю Востока и Африки. В Софийском университете занимался изучением национально-освободительного движения и аграрных отношений в Болгарии.

С начала 1960-х гг. Николай Григорьевич разработал в теоретическо-методологическом плане учение об основном законе

революции. Ряд сформулированных им положений вошли в науку: о революции в узком и широком смысле слова, о сохранении революционной ситуации в ходе начавшейся революции, характеристика основного закона революции, его места в системе общественных законов, определение кризиса как философской категории. С 1984 г. Н. Г. Левинтов — профессор института славяноведения АН СССР, а затем Ульяновского государственного педагогического института имени И. Н. Ульянова. Параллельно с преподавательской деятельностью Н. Г. Левинтов вел серьезную и интересную научную работу, часто выезжал в Москву на различные конференции; многие статьи опубликованы в научных изданиях. Он автор нескольких книг и многих статей по истории и педагогике.

Еще в 1930—1933 гг. Н. Г. Левинтов участвовал в литературном объединении Петроградского района, был принят в ЛАПП — Ленинградскую ассоциацию пролетарских поэтов. В 1931 г. в сборнике пролетарских поэтов «Начало» (Ленинград) впервые было опубликовано его стихотворение. В дальнейшем поэтические миниатюры Н. Г. Левинтова печатались в ульяновских газетах, журналах и альманахах.

Постепенно улучшались и жилищные условия обучающихся. Все успевающие студенты обеспечивались стипендией в размере от 220 до 290 рублей, в зависимости от курса. Студенты-отличники получали повышенную стипендию в размере от 300 до 365 рублей. Значительно увеличился в послевоенные годы (с 67 000 до 100 000 томов) книжный фонд библиотеки УГПИ. Все работники библиотеки имели высшее или среднее специальное образование. Таким образом, материальная база института в 1945—1960 гг. заметно окрепла. Были созданы все условия для увеличения числа студентов. В 1950 г. в институте была открыта аспирантура, улучшились условия для публикации научных работ, возросла квалификация преподавательского состава. Открывались новые факультеты, специальности.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов. В рассматриваемый период УГПИ развивался, несмотря на тяжелое военное и послевоенное время. Студенты и преподаватели занимались учебной и научно-исследовательской деятельностью, разрабатывая сложные исторические проблемы, выступали с докладами на научных конференциях. Постепенно улучшались

условия работы кафедр и обучение студентов. Рос библиотечный фонд института, было расширено помещение библиотеки, что позволило открыть второй читальный зал на 40 мест, выделить комнаты для работы преподавателей и выдачи книг и увеличить площадь книгохранилища. Возвращение институту двух учебных корпусов по улице Труда и освобождение Коммунальным банком помещений в главном корпусе позволило расширить аудиторный фонд и увеличить площадь под кабинеты и лаборатории. Росло и количество поступающих на факультеты. Наибольший поток абитуриентов наблюдался в послевоенные годы: в частности, на историческом факультете было принято на первый курс 39 человек (при плане 25 человек). Успевающие студенты получали стипендию от 220 до 290 рублей.

Основными формами учебной работы в институте по-прежнему оставались лекции, семинарские, практические и лабораторные занятия. Большое внимание уделялось введению в учебный процесс специальных факультетских курсов, подготовке студентами курсовых работ и рефератов. Студенты проходили педагогическую практику в школах города и области для закрепления полученных знаний. Преподаватели факультетов института участвовали в методических объединениях учителей города, а также выступали на учительских совещаниях.

Успехи Ульяновского педагогического института в подготовке учительских кадров получили высокую оценку. 3 сентября 1956 г. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР ему было присвоено имя выдающегося педагога-просветителя И. Н. Ульянова.

Список источников

- Забалухина Н. В., Пашкин А. Г.* Симбирский — Ульяновский край в новейшей истории России 1917—1991 гг. Люди. События. Факты. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2012. 200 с.
- Климович Л. В., Шабанова А. А.* Докладная записка по итогам проверки Ульяновского пединститута за 1932—1933 учебный год (К 90-летию юбилею Ульяновского государственного педагогического университета имени И. Н. Ульянова) // Культурный код. 2022. № 2. С. 111—126.
- Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова: история образования и развития вуза / гл. ред. Ю. А. Грушевский. Ульяновск: Изд-во Ульян. гос. пед. ун-та, 2008. 224 с.

Ульяновский государственный педагогический университет — старейший вуз Поволжья: к 80-летию со дня образования Ульяновского государственного педагогического университета имени И. Н. Ульянова: 1932—2012 / гл. ред. А. А. Бакаев. Ульяновск: Ульян. гос. пед. ун-т им. И. Н. Ульянова, 2012. 215 с.

References

Bakaev, A. A. (ed.) (2012), *Ul'ianovskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet — stareishii vuz Povolzh'ia: k 80-letiiu so dnia obrazovaniia Ul'ianovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni I. N. Ul'ianova: 1932—2012* [Ulyanovsk State Pedagogical University is the oldest university in the Volga region: on the 80th anniversary of the foundation of Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov: 1932—2012], Ul'ianovskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet imeni I. N. Ul'ianova, Ul'ianovsk, Russia.

Grushevsky, Yu. A. (ed.) (2008), *Ul'ianovskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet imeni I. N. Ul'ianova: istoriia obrazovaniia i razvitiia vuza* [Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov: history of education and development of the university], Izdatel'stvo Ul'ianovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, Ul'ianovsk, Russia.

Klimovich, L. V. and Shabanova, A. A. (2022), 'Report on the results of the inspection of the Ulyanovsk Pedagogical Institute for the 1932—1933 academic year (to the 90th anniversary of the Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov)', *Kul'turnyi kod* [Cultural code], no. 2: 111—126.

Zabalukhina, N. V. and Pashkin, A. G. (2012), *Simbirskii-Ul'ianovskii krai v noveishei istorii Rossii 1917—1991 gody. Liudi. Sobytiia. Fakty* [Simbirsk-Ulyanovsk region in the modern history of Russia 1917—1991. People. Events. Facts], Korporatsiia tekhnologii prodvizheniia, Ul'ianovsk, Russia.

Статья поступила в редакцию 02.10.2024; одобрена после рецензирования 13.11.2024; принята к публикации 27.11.2024.

The article was submitted 02.10.2024; approved after reviewing 13.11.2024; accepted for publication 27.11.2024.

Информация об авторе/ Information about the author

Ю. В. Жила — аспирант, Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова, Ульяновск, Россия.

Yu. V. Zhila — Postgraduate Student, Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov, Ulyanovsk, Russia.

Интеллигенция и мир. 2025. № 2. С. 86—111.

Intelligentsia and the World. 2025. No. 2. P. 86—111.

Научная статья

УДК 930.1:94(4)''1919/27''

EDN <https://elibrary.ru/razord>

DOI: 10.46725/IW.2025.2.5

Научная специальность ВАК

5.6.2. Всеобщая история

5.6.7. История международных отношений
и внешней политики

АГО ФОН МАЛЬЦАН: СТАНОВЛЕНИЕ ДИПЛОМАТА И ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА СОВЕТСКОМ НАПРАВЛЕНИИ

Степан Павлович Хрулев

Ивановский государственный университет,

Иваново, stepanhrulyov@yandex.ru,

SPIN-код: 7814-6308, <https://orcid.org/0009-0004-1287-6429>

Аннотация. Жизнь и деятельность известного германского дипломата Аго фон Мальцана еще не становилась в отечественной историографии предметом специального исследования. Выходец из семьи потомственных аристократов, ведущих историю с конца XII века, он получил хорошее юридическое образование, однако выбрал дипломатическую карьеру. До Первой мировой войны А. фон Мальцан служил в германских посольствах Бразилии, Норвегии и Китая. Именно тогда оформились его базовые подходы к выполнению поставленных задач: устанавливать личные доверительные отношения с важными лицами в стране пребывания; получать максимум знаний о жизни государства, в котором служишь или с которым работаешь; уметь маневрировать в условиях противостояния нескольких политических сил и, главное, ставить практические задачи выше абстрактных политических идей.

У Мальцана еще до Первой мировой войны возникали трения с политическим руководством кайзеровской Германии по международным вопросам. Кровавая бойня убедила дипломата в отсутствии у элиты Второго рейха и у немецких обывателей внешнеполитического реализма.

© Хрулев С. П., 2025

Он достаточно рано осознал, что его страна войну проиграет, и на заключительном этапе войны и сразу после окончания боев попытался сделать максимум возможного для минимизации потерь, которые его страна неминуемо могла понести.

После подписания Версальского договора ведущим направлением усилий А. фон Мальцана стало советское направление. Он пытался использовать отношения с Москвой для получения определенных преференций в отношениях с Антантой. В 1919—1921 годах германский дипломат вместе с «полулегальным большевистским полпредом» в Берлине Виктором Коппом сделал немало для налаживания диалога Веймарской Германии и Советской России. Позже Мальцан сыграл ведущую роль в подготовке знаменитого Рапалльского договора, подписанного в апреле 1922 года. Соглашение нормализовало отношения Берлина и Москвы. Дипломату при подготовке договора удалось привлечь на свою сторону рейхсканцлера Й. Вирта и министра иностранных дел В. Ратенау, заручиться поддержкой влиятельных военных, деловых и политических кругов Германии.

Мальцан, радуя за развитие связей с советским государством, оставался последовательным противником коммунизма и неоднократно выступал против действий III Интернационала. Однако, критикуя Коминтерн, он предпринял значительные усилия по нормализации отношений с СССР во время конфликта вокруг советского полпредства в 1924 году. В конце того же года Мальцана направили послом в США. В 1927 году карьеру дипломата оборвала авиакатастрофа.

Ключевые слова: Аго фон Мальцан, дипломат, Веймарская республика, Версальский договор, Генуэзская конференция, Рапалльский договор, советское торгпредство в Берлине, конфликт 1924 года

Для цитирования: Хрулев С. П. Аго фон Мальцан: становление дипломата и основные этапы деятельности на советском направлении // Интеллигенция и мир. 2025. № 2. С. 86—111.

Original article

AGO VON MALZAN: THE FORMATION OF A DIPLOMAT AND MAIN STAGES OF ACTIVITY IN THE SOVIET DIRECTION

Stepan P. Khrulev

Ivanovo State University, Ivanovo, stepanhrulyov@yandex.ru,
SPIN: 7814-6308, <https://orcid.org/0009-0004-1287-6429>

Abstract. The life and work of the famous German diplomat Ago von Maltzan has not yet become the subject of a special study in Russian historiography. Coming from a family of hereditary aristocrats, whose history dates back to the end of the XII century, he received a good legal education, but chose a diplomatic career. Before the First World War, A. von Maltzan served in the German embassies of Brazil, Norway and China. It was then that his basic approaches to fulfilling his tasks took shape — to establish personal trusting relationships with important people in the host country; to gain maximum knowledge about the life of the state in which you serve or work; to be able to maneuver in the face of confrontation between several political forces and, most importantly, to put practical tasks above abstract political ideas.

Even before the First World War, Maltzan had friction with the political leadership of Kaiser Germany on international issues. The bloody massacre convinced the diplomat of the lack of foreign policy realism among the elite of the Second Reich and the German common people. He realized early enough that his country would lose the war, and at the final stage of the slaughter and immediately after the end of the fighting, he tried to do everything possible to minimize the losses that his country could inevitably suffer. After the signing of the Treaty of Versailles, the leading direction of A. von Maltzan's efforts became the Soviet direction. He tried to use relations with Moscow to obtain certain preferences in relations with the Entente. In 1919—1921, the German diplomat, together with the "semi-legal Bolshevik plenipotentiary" in Berlin, Viktor Kopp, did a lot to establish a dialogue with Weimar Germany and Soviet Russia. Later, Maltzan played a leading role in the preparation of the famous Treaty of Rapallo, signed in April 1922. The agreement normalized relations between Berlin and Moscow. During the preparation of the treaty, the diplomat managed to attract Reich Chancellor J. Wirth and Foreign Minister W. Rathenau to his side, and enlist the support of influential military, business and political circles in Germany. Maltzan, while advocating for the development of ties with the Soviet state, remained a consistent opponent of communism and repeatedly spoke out against the actions of the Third International. However, while criticizing the Comintern, he made significant efforts to normalize relations with the USSR during the conflict over the Soviet embassy in 1924. At the end of that year, Maltzan was sent as ambassador to the United States. In 1927, a plane crash cut short the diplomat's career.

Keywords: Ago von Maltzan, diplomat, Weimar Republic, Treaty of Versailles, Genoa Conference, Treaty of Rapallo, the Soviet trade mission in Berlin, the conflict of 1924

For citation: Khrulev S. P. Ago von Maltsan: the formation of a diplomat and the main stages of activity in the Soviet direction, *Intelligentsia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 2: 86—111 (in Russ.).

Введение

Актуальность темы. Германо-российские отношения уже на протяжении двух веков определяют внутривосточный климат Европы. Тем не менее кризисы в двусторонних отношениях двух государств не были редкостью. Сильнейший удар по ним был нанесен Первой мировой войной, что привело к разрыву дипломатических отношений. Стоит отметить, что нынешние отношения ФРГ и РФ также переживают кризисную стадию. На этом фоне изучение деятельности Аго фон Мальцана по налаживанию нормальных дипломатических отношений между Берлином и Москвой представляется нам достаточно актуальным, так как, по нашему убеждению, установление взаимовыгодных и тесных германо-российских отношений является залогом стабильности в Европе и мире. Актуальность данной работы также заключается и в том, что личность и деятельность немецкого дипломата недостаточно изучены как в зарубежной, так и в отечественной литературе.

Историографический обзор. В отечественной историографии к деятельности Аго фон Мальцана обращались А. А. Ахтамзян, Л. П. Белковец, С. В. Белковец, В. Л. Черноперов и др. А. А. Ахтамзян видел в А. фон Мальцане выразителя идеи политического реализма — сторонника независимости германской внешней политики от внешнеполитического курса стран Антанты [Ахтамзян, 1974]. Л. П. Белковец в двух статьях¹ отмечала, что А. фон Мальцан с 1919 года убеждал коллег в крепости советской власти и возможности развивать с ней экономические связи. Воплощением этого подхода стали его интенсивные контакты с представителем РСФСР в Берлине В. Л. Коппом. Отдельного внимания заслуживает вывод Л. П. Белковец и С. В. Белковца о движущих силах при заключении Рапалльского договора. По их мнению, именно решительный и независимый А. фон Мальцан, в отличие от слабохарактерного и нерешительного министра иностранных

¹ Включая подготовленную в соавторстве с С. В. Белковцом [Белковец Л., 2013; Белковец Л., Белковец С., 2017].

дел В. Ратенау, сыграл, с немецкой стороны, ведущую роль в заключении этого германо-советского договора.

Многokrатно к контактам Мальцана с Коппом в период становления отношений Берлина и Москвы в 1919—1921 годах и во время конфликта вокруг советского торгпредства в Берлине в 1924 году обращался в своих публикациях и докторской диссертации В. Л. Черноперов [Черноперов, 2005; Его же, 2007]. В работах этого исследователя Мальцан предстает взвешенным, умным и прагматичным дипломатом, единственным желанием которого был выход Германии из международной изоляции. Автор отмечает при этом, что важным связующим звеном Берлина и Москвы были не только общие экономические интересы, но и наличие общего врага в лице Польши и стоящей за ней Франции.

Из зарубежных специалистов к участию Мальцана в международной жизни обращались Дж. Кеннан [Kennan, 1962], К. Розенбаум [Rosenbaum, 1965], Р. Дебо [Debo, 1992] и др. Большинство авторов согласны в том, что Мальцан из сотрудников германского МИДа для Москвы был наиболее приемлемой фигурой, удобным посредником при переговорах между правительствами Веймарской республики и Советской России.

В завершение краткого историографического обзора отметим, что в настоящее время самым обстоятельным трудом о дипломатической деятельности Мальцана является диссертация Н. Джореса «Архитектор Рапалло. Немецкий дипломат Аго фон Мальцан в Германской империи и в начале Веймарской республики», защищенная в Гейдельбергском университете [Joeres, 2005]. Джорес, скрупулезно восстанавливая хронологию дипломатического пути А. фон Мальцана и описывая его многогранную и продуктивную работу, приходит к оценкам, которые схожи с теми, что давали немецкому дипломату российские специалисты. Джорес также видит в Мальцане умеренного и прагматичного политика, начисто лишённого фанатизма и дипломатического идеализма, всегда опирающегося только на факты.

Историографический обзор показал, что в историографии, особенно в отечественной, существуют пробелы в изучении дипломатической деятельности А. фон Мальцана. Частично заполнить лакуну призвана настоящая статья.

Постановка вопроса. Цель настоящей работы – изучить профессиональное становление германского дипломата Аго фон Мальцана и его работу на советском направлении. Для достижения данной цели следует решить следующие исследовательские задачи:

- рассмотреть становление А. фон Мальцана как дипломата;
- исследовать его работу во время Первой мировой войны;
- изучить деятельность А. фон Мальцана по становлению германо-советских отношений в 1918—1921 годах;
- выяснить роль этого дипломата в заключении Рапалльского договора;
- исследовать участие А. фон Мальцана в разрешении кризиса вокруг берлинского торгпредства СССР в 1924 году;
- обобщить материал по данной проблематике.

Историческими источниками при подготовке настоящего материала стали публикации документов и мемуаров.

Методология и методы исследования

Представленная работа имеет свои методологические особенности, продиктованные ее историко-биографической сущностью. Характер работы обусловил выбор следующих методов исторического исследования. Культурно-антропологический метод позволил рассмотреть личные профессиональные взгляды А. фон Мальцана. Идеографический, или нарративный, метод способствовал раскрытию Мальцана как уникальной личности в политической жизни Германии. Метод периодизации позволил не только разделить дипломатическую деятельность и жизнь немецкого дипломата на этапы, но и выделить в каждом из них наиболее значимые годы. Проблемно-хронологический метод способствовал вычленению проблем, над решением которых Мальцан работал на том или ином временном этапе.

Основная часть

Родословная, образование и начало дипломатической деятельности

Адольф Георг фон Мальцан родился 31 июля 1877 года в Мекленбурге в семье ветерана франко-германской войны Ульриха фон Мальцана и представительницы небогатой еврейской семьи из Познани Адельхейт Бирбаум. Род Мальцанов известен, как минимум, с конца XII века, в его генеалогическом древе

прослеживается несколько отдельных домов и линий. Будущий дипломат принадлежал к дому Гроссе Луцков — владельцев одноименной усадьбы на севере Германии. Для того чтобы отличить себя от многочисленных кузенов с таким же именем, Мальцан еще в юности создал аббревиатуру Аго, представлявшую собой первые три буквы его имени — Адольф Георг Отто [Joeres, 2005: 33]. Получив прекрасное домашнее образование, он продолжил обучение в элитной гимназии в Любеке, после окончания которой поступил в Боннский университет на юридический факультет, совмещая учебу и военную службу. С 1901 по 1905 год Мальцан работал в районных и земельных судах, проходя практику у различных нотариусов и адвокатов [Ibid.: 35], но юридическая карьера мало привлекала молодого и амбициозного Аго. Его единственной целью стало поступление на дипломатическую службу. Последнее удалось ему без особых проблем, учитывая аристократическое происхождение, военную службу и блестящее образование. В возрасте 29 лет, сдав все необходимые экзамены, он был принят в штат министерства иностранных дел Германской империи.

В 1906 году Мальцана назначили секретарем дипломатических миссий Второго рейха в Рио-де-Жанейро. Отношение к немцам в Бразилии было достаточно прохладным. Ситуация осложнялась поведением кайзера Вильгельма II, его имперскими замашками и бесцеремонностью, хорошо известной даже в Южной Америке [Ibid.: 36]. Мальцан начинает упорно трудиться над изменением имиджа своей страны. Здесь впервые проявляется следующее качество его личности — умение устанавливать личные дружеские и доверительные отношения с коллегами и, главное, с ведущими политиками страны пребывания. Мальцану удалось сблизиться с министром иностранных дел и министром обороны Бразилии. Опираясь на приобретенные связи, германский дипломат стал препятствовать появлению антикайзеровских публикаций в местной прессе, выступать арбитром при решении частных конфликтов между немцами и местными жителями, добился выгодного договора о покупке бразильцами оружия, произведенного на военных предприятиях Круппа [Ibid.: 38].

Работа Мальцана далеко не всегда находила поддержку в Берлине. Политическая верхушка Второго рейха смотрела на далекую южную страну с изрядной долей высокомерия, отказываясь

подписывать с ней равноправные договоры и соглашения. В этой ситуации Мальцан пытался убедить германское руководство в том, что подобный подход к внешней политике чреват для Германии международной изоляцией. Но его не слышали [Ibid.: 39]. Так первый раз обозначилось размежевание между политикой Мальцана и магистральным внешнеполитическим курсом кайзеровского МИДа.

Несмотря на позицию Берлина, Аго фон Мальцан остался верен своим принципам, что продемонстрировал после перевода в Норвегию. На новом месте работы он быстро наладил доброжелательные отношения с премьер-министром Кристианом Микельсеном. Завоевав расположение политической верхушки страны, Мальцан предпринял максимум усилий по укреплению связей двух стран.

Норвегия в период появления Мальцана оказалась на пересечении интересов всех ведущих стран мира. Это объяснялось ее важным геостратегическим положением и неясностью внешнеполитического курса страны. Дело в том, что Норвежское королевство только в 1905 году обрело независимость, расторгнув унию со Швецией, и внешняя политика Норвегии находилась в стадии формирования. В этих условиях крупные державы и сформировавшиеся военные блоки — Тройственный союз во главе с Германией и Антанта, ведомая Великобританией, Францией и Россией, — стремились привлечь скандинавское государство на свою сторону. В такой ситуации работа Мальцана приобретала для Второго рейха стратегическое значение [Ibid.: 43].

Во время работы в Кристиании (название столицы Норвегии с 1877 до 1925 года) начало проявляться еще одно качество Мальцана, которое будет сопровождать его на протяжении всей дипломатической карьеры, — стремление к максимальной осведомленности обо всех внутренних делах страны пребывания. В Норвегии дипломат научился разбираться в расстановке политических сил в местном парламенте — стортинге, в настроениях общества и членов правительства. Пожалуй, именно в «норвежский период» сформировалась базовая установка Мальцана как профессионального дипломата — отрицание идеализма, слепого энтузиазма и грубой пропаганды. Он не желал, чтобы

абстрактные политические идеи определяли ведущую линию внешней политики его страны [Ibid.: 45].

Новым этапом в дипломатической карьере Мальцана стала работа в Пекине, куда его направили в 1912 году. Ситуация в стране была сложной. После Синьхайской революции 1911 года, свергнувшей империю Цин, в Китае начался период политического хаоса. В этих непростых условиях Мальцан вновь показал себя грамотным дипломатом. Он стал выжидать, попутно налаживая связи с новой китайской элитой [Ibid.: 56]. Мальцан не вмешивался в назревающее в Китае гражданское противостояние, акцентируя внимание на налаживании экономических связей. Именно с «пекинского периода» еще одной особенностью дипломатической работы Мальцана становится маневрирование в условиях противостояния нескольких политических сил. Старания нашего героя оценили в Пекине. В итоге он заручился расположением президента Китая Юань Шикая [Ibid.: 62].

В годы Первой мировой войны

В Пекине Мальцана застало начало Первой мировой войны. Дипломат не впал, как многие его коллеги, в патриотическую истерию и в практической работе сосредоточился на нейтрализации Дальнего Востока, чтобы изолировать данный регион от кровавых боев, которые развернулись в Европе. Осознавая слабость позиций кайзеровской Германии в Азии, А. фон Мальцан предложил своему правительству пойти на уступки Китаю. В частности, в вопросе о территориях, поскольку Пекин крайне болезненно реагировал на расчленение страны Великобританией, Францией, Россией и Германией на зоны влияния, произведенное в конце XIX века, и на территориальные потери, понесенные в войне с Японией. Однако предложения Мальцана Берлин в очередной раз «не услышал» [Ibid.: 67]. В германском МИДе требовали от дипломата не продуктивной работы по умиротворению региона, а, наоборот, подрывной деятельности, направленной против Японии, выступившей на стороне Антанты. Мальцана призывали не допустить глубокого втягивания этой страны в боевые действия на европейском континенте путем отвлечения ее внимания на Китай, в котором немецкий дипломат должен разжигать антияпонские настроения. Полученные инструкции убедили

Мальцана в том, что его правительство совершенно оторвалось от реальности. Позже данные настроения только укреплялись. В итоге Мальцан пришел к выводу, что у его правительства, как, впрочем, и у среднего обывателя Германии, отсутствует внешне-политический реализм [Ibid.: 75]. Разочарование в курсе кайзеровской империи шло параллельно с укреплением его англофильских воззрений.

В 1917 года Мальцана перевели сначала на должность представителя министерства иностранных дел при главнокомандующем войсками Второго рейха на Востоке, а в конце года отправили в Гаагу. Находясь в нейтральной Голландии, Мальцан пришел к убеждению, что Германия войну проиграет. Он начал прикладывать усилия к тому, чтобы минимизировать последствия грядущего поражения. Дипломат всеми силами удерживал Голландию от объявления войны Германии, а также вступил в конфликт с популярным в милитаристской среде Эрихом Людендорфом, одним из командующих немецкой армией [Ibid.: 95].

На советском направлении в 1918—1921 годах

Поражение Германии в Первой мировой войне, зафиксированное сначала в Компьенском перемирии 11 ноября 1918 года, а затем в Версальском мирном договоре от 20 июня 1919 года, погрузило страну в состояние политической разрухи и экономического кризиса. Родившаяся на месте кайзеровской империи Веймарская республика, обложенная репарациями и фактически находящаяся в международной изоляции, была вынуждена обратить свой взор на восток. Налаживание политических и экономических связей с Россией стало одной из приоритетных задач германского МИДа. Одним из активных работников на этом направлении стал Аго фон Мальцан.

В период Гражданской войны в России Мальцан, как и многие коллеги по МИДу, симпатизировал Белому движению. Однако, в отличие от остальных работников министерства, уже после провала похода войск Н. Н. Юденича на Петроград и наступления армии А. И. Деникина на Москву А. фон Мальцан осознал, что советское правительство продержится минимум еще несколько лет. Для этого дипломата, несмотря на симпатии к белогвардейцам, реальность была важнее личных убеждений.

Исходя из этого положения, его можно отнести к представителям бисмарковской реальной политики, но в менее грубом виде [Debo, 1992: 301].

С 1919 года Мальцан стал убеждать коллег в том, что советская власть достаточно крепка и с ней можно и нужно налаживать экономические связи. Параллельно с пропагандой «русской линии» внутри Германии, Мальцан стал налаживать связь с «полулегальным полпредом» РСФСР в Берлине Виктором Леонтьевичем Коппом, который обосновался в Веймарской республике с конца лета 1919 года. Хотя большевистский представитель в совершенстве знал немецкий, Мальцану при общении с ним не помешали базовые знания русского языка, которые он приобрел во время недолгой командировки в Санкт-Петербург в 1911 году [Joerges, 2005: 52].

Будучи профессионалом, Мальцан, избрав линию на сближение с Москвой, решил, прежде всего, устранить юридические барьеры на этом пути. Он поручил юридическому отделу МИДа провести экспертизу и определить настоящий статус отношений Германии и России. В итоге получил следующее заключение: «Мы находимся в состоянии прерванных дипломатических отношений, не оформленных договором, но не в состоянии войны». Это означало, что ни де-факто, ни де-юре препятствий к налаживанию отношений Веймарской республики с Советской Россией не было.

Для того чтобы склонить на свою сторону правящую верхушку, Мальцан приводил весомые аргументы. Главный из них — экономический. В своих отчетах дипломат выставлял экономическое положение России в позитивном свете, убеждая промышленные и торговые круги в перспективности отношений с новой российской властью. На руку немцу играла введенная большевиками в 1921 году Новая экономическая политика, которая порождала надежды на встраивание российской экономики в общеевропейскую через внедрение рыночных механизмов и привлечение иностранного капитала. Для Германии сотрудничество с РСФСР, в условиях потери индустриально развитых Силезии, Эльзаса и Лотарингии, а также всего Саарского угольного бассейна, перешедшего под управление Лиги Наций, становилось одним из немногих перспективных направлений для возрождения промышленности [Ключников, 1925: 29].

С целью укрепить свои позиции в среде деловых людей и политиков Германии Мальцан отправил в Россию экономического эксперта Карла Граапа. В составленном им отчете НЭП был показан как первый шаг на пути устранения коммунистических радикалов от власти и возвращения на руководящие роли прагматически мыслящих буржуазных предпринимателей [Белковец, 2013]

Мальцан на встречах с германскими капитанами индустрии и политиками указывал также на общие внешнеполитические интересы Берлина и Москвы. Прежде всего, на необходимость противостояния Польше. Вторая Речь Посполитая, возрожденной после Первой мировой войны, опираясь на Версальский договор и имея поддержку Антанты, развернула экспансионистскую политику в направлении германских Силезии и Восточной Пруссии, а также бывших территорий Российской империи — Украины, Белоруссии и Литвы. «Польский фактор» подталкивал Берлин и Москву навстречу друг другу [Черноперов, 2007: 251, 427].

Еще одним фактором сближения оставалась репрессивная политика Антанты [Debo, 1992: 340]. Франко-бельгийские войска в марте 1921 года под предлогом невыполнения репарационных обязательств оккупировали города Дюссельдорф и Дуйсбург, а также ряд других территорий, что создало плацдарм для захвата всего Рурского промышленного бассейна

Политика Антанты и Польши способствовала оформлению в германской элите группы реваншистских настроенных деятелей. В нее входили консервативные военные, представители тяжелой оборонной промышленности и финансового капитала. Окончательно группа сложилась после Третьего восстания польских сепаратистов в Силезии в мае 1921 года. Главной целью вышеуказанного союза являлось уничтожение Польши, унижение Франции и возвращение германских границ 1914 года. И на этом основании они готовы были найти точки сопряжения с большевиками. Большевики, в свою очередь, были готовы использовать эти настроения в своих целях, в том числе для революционизирования Германии [см.: Черноперов, 2012].

Мальцан не выступил против германских реваншистов, поскольку их линия отчасти совпадала с его стремлением сблизиться с РСФСР. При этом, конечно, он не стремился к военному союзу с Москвой против Антанты [Fleischhauer, 2006: 375]. Его

интересовали дипломатические и экономические вопросы. И на этом основании он нашел «собрата по оружию» — Йозефа Вирта, избранного в мае 1921 года рейхсканцлером Веймарской республики. Вместе они, не афишируя свои планы, начали методично воплощать в жизнь политику, нацеленную на заключение германо-советского соглашения: тайно встречались с неофициальными советскими представителями, готовили нужные документы и уничтожали ненужные [Ibid.: 374].

Активная работа А. фон Мальцана дала плоды. Воспользовавшись тем, что Великобритания подписала с большевиками торговое соглашение в марте 1921 года, 6 мая того же года Германия подписала временный торговый договор с Советской Россией. Берлин признал Москву де-факто. Договор стал первой ступенью в налаживании нормальных отношений между странами. Мальцан, чтобы минимизировать угрозу срыва соглашения, дал понять оппонентам внутри Германии, что условия договора с большевиками были согласованы с Лондоном и никогда не выйдут за рамки английских ограничений [Joeres, 2005: 216].

В связи с последним фактом стоит отметить, что Аго фон Мальцан в своей внешней политике стремился отказаться от старых имперских правил в отношениях с Россией и выработать в ходе переговоров новые, на которых и будут строиться дальнейшие связи. Именно в данный период выработался его внешнеполитический курс для послевоенной Германии — налаживание прочных связей с Советской Россией с опорой на Англию и дистанцирование от Франции [Ibid.: 224].

Мальцана серьезно беспокоила возможность франко-советского сближения [Ibid.: 254]. Слухи о якобы готовящемся договоре Парижа с Москвой распространял известный большевистский политик Карл Радек. Мальцан ему не доверял и усмотрел за слухами политику большевистского шантажа. Однако и медлить опасался. В итоге Мальцан принял дополнительные усилия по поиску союзников — как в Германии, так и в России — в деле заключения полномасштабного договора с РСФСР. Отслеживая пронемецкие настроения в Советской России, он пришел к убеждению, что его линию разделяют некоторые влиятельные в Москве крупные партийные деятели, такие как член Политбюро ЦК РКП(б), председатель Революционного военного

совета и нарком по военным и морским делам РСФСР Лев Давидович Троцкий и Николай Николаевич Крестинский — до X съезда РКП(б) 1921 года секретарь ЦК большевистской партии, которого после потери должности назначили полпредом в Германии [Ibid.: 258]. Внутри Германии позиция Мальцана нашла поддержку у могущественного Имперского союза немецких промышленности и у одного из основателей Немецкой демократической партии, министра восстановления в правительстве Й. Вирта Вальтера Ратенау [Ibid.: 274], который в феврале 1922 года занял пост главы МИДа.

«Архитектор Рапалльского договора»

А. фон Мальцан, ратуя за всесторонний договор с Москвой, увидел большой шанс в его подписании в Генуэзской конференции, открытие которой было запланировано на апрель 1922 года. И он не мог этот шанс упустить. Не отказываясь от проанглийской ориентации германской политики, этот дипломат начал форсировать проект трехсторонней встречи представителей Англии, России и Германии для согласования некой общей позиции перед конференцией [Ibid.: 265]. Эту громадную работу Мальцан развернул в одиночку, пытаясь сформировать единый фронт против премьер-министра Франции Анри Пуанкаре, выступавшего за нерушимость принципов Версальского договора.

В отношении Москвы Мальцан предусматривал заключение двух договоров: экономического — с немецкой индустрией, и политического — непосредственно с правительством. В рамках соглашения советская сторона должна была отказаться от своей доли репараций, что предусматривала статья 116 Версальского договора. Веймарская республика, в свою очередь, обязалась содействовать восстановлению разрушенной российской экономики и отказывалась от политики колонизации восточного соседа посредством вхождения в международный консорциум [Ахтамзян, 1974: 57], идею которого активно продвигали некоторые политики. Стороны отказывались также от взаимного возмещения военных расходов и погашения расходов на военнопленных, заявляли об урегулировании частных вопросов на условиях наибольшего благоприятствования.

Переговоры с Москвой в январе 1922 года большого результата, однако, не дали. Большевиков не удовлетворило, в частности, то, что проект Мальцана не подразумевал немедленного восстановления дипломатических отношений и не фиксировал отказ Берлина от прав на национализированную большевиками германскую собственность [Там же: 59].

В начале апреля 1922 г. по пути в Геную в Берлин прибыла советская делегация. Ее руководители надеялись на заключение соглашения до конференции. С немецкой стороны в переговорах участвовали Мальцан и Ратенау. Мальцан, хотя и настаивал на том, что Советская Россия должна возместить Германии убытки от национализированной собственности, был готов к компромиссам и смягчению требований. Но пойти на эти уступки самостоятельно он не мог без полной поддержки министра иностранных дел Ратенау. Глава же МИДа вместо конструктивных переговоров занимался пространными рассуждениями об общности интересов западных стран и обязательствах Германии перед Антантой, которые она не может нарушить [Там же: 62].

В результате берлинские переговоры не привели к заключению соглашения. Их итогами были недовольны не только советские дипломаты и Мальцан, но и многочисленный т. н. «про-российский хор» в Веймарской республике, включавший самых разных людей: университетских интеллектуалов, офицеров, дипломатов, бизнесменов, политиков крайне левого и крайне правого спектра. Одним из самых громких голосов в «хоре» были представители крупного промышленного и финансового капитала во главе с банкиром Паулем фон Швабахом, который желал через сближение с Советской Россией уравновесить влияние держав Запада на германский рынок [Fink, Frohn, Heideking, 1991: 58].

Итак, подписание договора было отложено до Генуэзской конференции. История заключения 16 апреля 1922 года советско-германского Рапалльского договора изучена весьма подробно, поэтому мы не будем останавливаться на всех перипетиях его подписания. Отметим лишь, что ряд исследователей отмечают ведущую роль Мальцана в склонении Ратенау к принятию этого договора. Согласно им, Мальцан пугал чрезвычайно чувствительного и нервного главу МИДа рассказами о скором заключении то франко-советского, то англо-советского договора. Ратенау

искренне стремился отстоять интересы своей страны, но ожидал уступок от западных государств и, не получая их, становился всё более раздражительным [Ibid.: 57]. Мальцан же, зная о беспочвенности рассуждений о скором подписании договора между Россией и Антантой, начал запугивать членов немецкой делегации. Он говорил, что в случае бездействия Германия окажется в полной изоляции, но можно этого избежать: «Нам нужно русское облако над Европой» [Ibid.: 59]. Позже один из коллег Мальцана охарактеризует его действия в Генуе «русским шантажом» [Ibid.: 60].

Мальцану играть на страхах немцев было сподручно, потому что в Генуе англичане не проявляли никакого интереса к переговорам с немцами, а французы открыто выражали свою враждебность. Сама германская делегация никак не могла выработать четкой программы действий, обозначить свои главные приоритеты и цели [Ibid.: 63]. Страхи у немцев особенно возросли после сообщения итальянского дипломата Джаннини об успешных переговорах русских с Антантой, ведущихся за спиной у Германии. Американский дипломат и историк Дж. Кеннан так описал состояние немцев после этих слов итальянца: «Весь вечер они мрачно сидели в вестибюле отеля в совершенном молчании. Спать они отправились в состоянии крайнего утомления и упадка духа» [Kennan, 1962: 219].

Дипломаты Веймарской республики окончательно осознали, что договор с русским — их единственный способ выхода из изоляции. 15 апреля Мальцан и Ратенау инициировали встречу с советской делегацией, на которой высказали свою озабоченность относительно слухов о контактах РСФСР с Великобританией и проявили готовность к урегулированию взаимных претензий [Белковец Л., Белковец С., 2017]. В этой нервной обстановке заведующий экономическо-правовым отделом Наркомата иностранных дел Андрей Владимирович Сабанин по телефону вновь передал немцам предложение главы НКВД Георгия Васильевича Чичерина рейхсканцлеру Й. Вирту: продолжить переговоры, начатые в Берлине по пути советской делегации в Геную [Там же].

В условиях нарастающих страхов немцев перед тем, что советские дипломаты заключат договор с англичанами и РСФСР потребует своей доли репараций, согласно Версальскому договору,

Мальцану удалось склонить главу германской делегации Ратенау к подписанию договора с большевиками. Посол Великобритании в Веймарской республике лорд Эдгард Винсент д'Абернон, пересказывая разговор с Мальцаном, описал это так: «В 2 часа 30 минут ночи Мальцан пришел к Ратенау. Последний ходил взад и вперед по комнате в пижаме, с измученным лицом и с воспаленными глазами. Когда Мальцан вошел, Ратенау сказал: “Вы, вероятно, принесли мне смертный приговор?” — “Нет, известие совершенно противоположного характера”, — ответил Мальцан и передал Ратенау всю историю. Последний сказал: “Теперь, когда я знаю истинное положение вещей, я пойду к [руководителю делегации Великобритании] Ллойд-Джорджу, всё объясню ему и приду с ним к соглашению”. Мальцан возразил: “Это будет бесчестно. Если Вы это сделаете, я немедленно подаю в отставку...”. В конце концов Ратенау присоединился к мнению Мальцана и согласился, правда, не совсем охотно — встретиться в воскресенье [16 апреля 1922 года] с русской делегацией» [д'Абернон, 1931: 213].

Известный германский дипломат Гарри Кесслер позже констатировал, что слабый духом Ратенау, испуганный переговорами за спиной у Германии, поддался на уговоры Мальцана, который начал давить на него задолго до приезда в Италию [Kessler, 2002: 167].

16 апреля 1922 года Г. В. Чичерин с советской стороны и В. Ратенау с немецкой в предместье Генуи Рапалло подписали договор, который стал первым независимым актом дипломатии Веймарской республики. Германия признала национализацию немецкой собственности в России и аннулирование царских долгов советским правительством. Обе страны отказывались от возмещения военных расходов и возобновляли полноценные дипломатические отношения [Ахтамзян, 1974: 77].

Германская и советская стороны настаивали на мирном характере договора. Но участники конференции его не приняли. 18 апреля 1922 года правительства стран Антанты, Малой Антанты, Польши и Португалии направили немцам ноту, в которой обвинили Берлин в нелояльном поведении, в нарушении предыдущих резолюций и тайной дипломатии с Россией за спиной коллег [Кобляков, 1954: 123—125]. В Германии договор также восприняли неоднозначно. Против соглашения выступили президент

страны Фридрих Эберт, многие социал-демократы, лидер Немецкой национальной партии, будущий рейхсканцлер и министр иностранных дел Густав Штресеман, часть дипломатического корпуса. Но особое негодование по поводу детища Мальцана высказывали национал-социалисты. Сторонники Адольфа Гитлера открыто утверждали, что Рапалло — это еврейский заговор против Германии с целью установления в стране коммунистического режима [Joeres, 2005: 496].

Вирту, Мальцану и Ратенау, которые столкнулись с противодействием, пришлось отстаивать договор как перед международным сообществом, так и перед своими согражданами и коллегами. Мальцан в эти тревожные дни связался с прессой и стал раздавать многочисленные интервью, в которых разъяснял причины, которые привели делегацию к заключению договора. Главной из них он называл недоговороспособность Антанты, не желавшей идти на малейшие уступки [Ibid.: 469]. В итоге большинство немецких газет начало осторожно менять позицию в отношении договора с негативной на позитивную. Многие издания стали разъяснять читателям мотивы, которые подвигли Мальцана и его сторонников к заключению соглашения в Рапалло. В итоге в Германии договор приняли, тем более что в его поддержку высказался крупный бизнес. Сразу после подписания соглашения почти 500 владельцев и представителей крупных торговых и промышленных фирм выразили рейхсканцлеру Й. Вирту полное одобрение действиям немецкой делегации в Генуе. Они подчеркивали, что только тесное сотрудничество Германии и России поможет обеим странам восстановить свою экономическую мощь².

На международной арене большую работу в поддержку договора развернул Ратенау. Поддерживая Мальцана, он заявлял о мирном характере договора от 16 апреля и указывал европейским политикам, что Рапалло не подрывает условия и положения Версаля, что Германия не собирается перекраивать устоявшиеся после 1918 года порядки, что соглашение — это всего лишь защита от агрессивной политики Франции [Ibid.: 475].

² Советско-германские отношения. 1922—1924 гг.: документы и материалы: в 2 т. М., 1977. Т. 1. С. 39.

Параллельно с обоснованием причин подписания договора и его характера Вирт, Ратенау и Мальцан начали консультации с англичанами, в которых обстоятельно разъясняли свою позицию [Ibid.: 492]. В итоге позиция Лондона постепенно начала смягчаться, а британская пресса стала наперебой нахваливать Мальцана. В создавшихся условиях немецкий дипломат, желая укрепить свое положение в глазах англичан, подготовил специальный документ, где подробно описал произошедшие в Генуе события. Помимо этого, Мальцан как последовательный легист обратился к итальянским и английским юристам с просьбой проверить Рапалльский договор на соответствие принципам Версаля. Проведенный ими анализ текста показал, что договор с Москвой не нарушает никаких международных норм [Ibid.: 505].

Решительные и согласованные действия Мальцана, Вирта и Ратенау в итоге привели к тому, что отношение к Рапалло в Европе стало сдержанным и даже сдержанно-положительным. Внутри Германии договор был оценен как отстаивание независимости молодой республики. Даже Г. Штресеман, изначально негативно настроенный по отношению к соглашению с Советской Россией, под общественным давлением принял его [Ibid.: 493]. Позже некоторые исследователи за роль А. фон Мальцана в подписании договора Германии с РСФСР назовут этого дипломата «архитектором Рапалло».

Участие в германо-советском конфликте 1924 года

Во второй половине 1922 года выяснилось, что соглашение в Рапалло оказалось крайне переоценено подписантами. Оно не стало быстрым стартом нового этапа советско-германских отношений. В Москве об этом открыто говорил нарком внешней торговли Л. Б. Красин. По его мнению, соглашение не оказало благоприятного влияния на двустороннюю торговлю [Ibid.: 587]. В рейхстаге Германии об отсутствии перспектив у договора с РСФСР заявляли лидеры ведущих партий страны — СДПГ, НСДПГ и партии Центра. [Ibid.: 568]. Немцы были не удовлетворены не только экономическим взаимодействием. Их раздражала нарастающая коммунистическая пропаганда и подрывная деятельность местных коммунистов, за которой стоял Коминтерн со штаб-квартирой в столице большевистского государства [Ibid.: 567]. Немецкие политики стали воспринимать данный факт

как лицемерие советских представителей, не желавших реально выполнять условия соглашения. В итоге в публичной сфере Веймарской республики появились утверждения: «Рапалло — дерево без плодов» [Ibid.: 577].

Для А. фон Мальцана вмешательство большевиков в дела его страны не было новостью. Он, будучи антикоммунистом, протестовал против подобных действий еще в 1921 году [Черноперов, 2007: 411], однако считал сохранение отношений с советским государством важным для Германии. Эта позиция отчетливо проявилась во время конфликта вокруг торгового представительства СССР в Берлине, который разгорелся 3 мая 1924 года. В этот день германская полиция провела несанкционированный обыск в советском торгпредстве. Российские и иностранные исследователи сходятся во мнении, что причиной несанкционированной полицейской акции стало сопротивление, которые оказали работники торгпредства двум германским стражам порядка, преследовавшим коммуниста Боценгардта, бежавшего из-под стражи и укрывшегося в огромном здании советской миссии по адресу Линденштрассе 20/25. Серьезности ситуации придавал и тот факт, что Боценгардт был не обычным преступником. Он обвинялся в государственной измене и нарушении закона о хранении взрывчатых веществ [Rosenbaum, 1965: 88]. Вскоре на место инцидента прибыло полицейское подкрепление. Представители МВД Германии бесцеремонно начали обыскивать здание, не обращая внимания на принцип экстерриториальности. Попытку работников торгпредства СССР связаться с полномочным представителем СССР в Германии Н. Н. Крестинским полиция решительно пресекла [Черноперов: 2007: 566].

В конфликт с немецкой стороны включились глава МИДа Густав Штреземан и статс-секретарь министерства Аго фон Мальцан. Они стали пресекать распространение информации об обнаруженных в торгпредстве политических листовках и образцах вооружений, которые попали в него вследствие секретного германо-советского военного сотрудничества. Занялись они также освобождением задержанных сотрудников торгпредства [Там же: 571]. Действия Штреземана и Мальцана поддержали бывший канцлер Йозеф Вирт и еще порядка 600 влиятельных сторонников рапальской политики [Там же: 572].

Мальцан, по всей видимости, изначально воспринимал рассматриваемый инцидент как «супружеские разногласия», возложив вину на обе стороны конфликта. Он считал, что полиция нарушила закон не тем, что провела обыск, а тем, что не проинформировала о своих планах министерство иностранных дел [Rosenbaum, 1965: 91]. Мальцан был изначально согласен на компромисс, и до окончательного определения статуса советской миссии он от лица германского МИДа де-факто предоставил торгпредству экстерриториальность. Среди коллег позиция статс-секретаря получила одобрение. Это объясняется тем, что часть дипломатического корпуса Веймарской республики, включая посла в СССР Ульрих фон Брокдорф-Ранцау, опасалась, что Москва на фоне охлаждения отношений с Берлином начнет сближаться с Парижем [Ibid.: 94].

Исследователи, обращавшиеся к конфликту 1924 года, показали, что разрешить проблему удалось только летом, когда в Берлин прибыл член коллегии НКВД В. Л. Копп. Вместе с Мальцаном они провели продуктивные переговоры, по итогам которых появился проект согласительного договора. Этот документ носил компромиссный характер. Германское правительство признавало экстерриториальный статус той части здания, где находилось советское торгпредство. Полицейская акция подлежала осуждению, а правительство Веймарской республики должно было выразить готовность к возмещению ущерба, причиненного в ходе обыска [Черноперов, 2007: 582]. Советская сторона обязывалась в случае доказательства факта содействия работниками торгпредства бегству Боценгардта осудить подобное поведение. Вне экстерриториальности оставалась та часть здания, где были советские структуры, не относящиеся напрямую к руководству торгпредства. Кроме того, работникам торгпредства впредь строго запрещалось вмешиваться в политическую жизнь Германии [Там же: 585].

Компромиссный проект Коппа—Мальцана вызвал крайнее недовольство представителей Народного комиссариата внешней торговли во главе с Л. Б. Красиным. Свою позицию руководитель НКВТ обозначал следующим образом: «Иначе как насмешкой нельзя назвать предложение наклеить ярлыки на дверях нескольких комнат торгпредства, оставляя свободными для налетов

полиции регистратуру, шифровальное отделение, бухгалтерию, отдел военных заказов, концессионный отдел, отдел хлебный и целый ряд других помещений, в которых ведется работа и хранятся документы по нашей плановой торговле, сведения о всех наших закупках, отношениях с поставщиками, корреспонденция с Москвой и другими торгпредствами и т. д.» (Цит. по: [Там же: 587]).

Возмущенный глава НКВТ и сотрудники его наркомата развернули провокационную кампанию, дискредитирующую Коппа и Мальцана [Черноперов, 2005: 267—273]. Прения продолжались до конца июля 1924 г. В результате с небольшими поправками был принят проект Коппа—Мальцана [Там же: 274]. Протесты Красина, апеллировавшего к НКВД и Политбюро ЦК РКП(б), результатов не принесли. Веймарская республика и СССР нашли компромисс, центральную роль в котором сыграли сторонники взаимовыгодного сотрудничества Мальцан и Копп. Переговоры между ними не только привели к урегулированию противостояния между государствами, но и заложили основу для более тесного взаимодействия двух стран [Rosenbaum, 1965: 112].

История с конфликтом вокруг советского торгпредства в Берлине подводила черту под работой Аго фон Мальцана на восточном направлении. Уже в конце 1924 года он был назначен послом в Вашингтон, где занимался укреплением германо-американских культурных связей. «Архитектор Рапалло» трагически погиб 23 сентября 1927 года во время визита на родину. Самолет, в котором он находился, потерпел крушение по пути из Берлина в Мюнхен. Мальцана похоронили в родовом поместье Гроссен-Луцкове. По словам госсекретаря США Фрэнка Келлога, в небе над Тюрингией погиб «один из самых выдающихся дипломатов Германии» [Stent, 1927].

Заключение

Подводя итоги, можно отметить следующее. Профессиональный путь Аго фон Мальцана был поистине ярким примером успешной дипломатической карьеры. Успев поработать на нескольких континентах, Мальцан везде смог проявить себя как осматрительный, умный и хорошо организованный профессионал.

В период с 1906 по 1918 год А. фон Мальцан вел дипломатическую деятельность в Бразилии, Норвегии, Китае. Именно в данный период формируются основные принципы его дипломатической работы: прагматизм, реализм, неприятие фанатизма и милитаризма.

Работая на российском (восточном) направлении с 1918 по 1921 год, Мальцан установил тесные связи с рядом представителей Советской России. Особо близкие профессиональные отношения сложились у него с Виктором Коппом. Лоббируя расширение отношений с Москвой, он заручился поддержкой части германской элиты, желавшей восстановить экономические связи с Россией. Добившись этого результата, Мальцан приступил к подготовке договора с большевиками о взаимном дипломатическом признании. Генуэзская конференция предоставила для этого большой шанс.

Германская делегация, прибыв на этот форум, столкнулась с пренебрежением со стороны западных стран, что способствовало реализации плана Мальцана. Надавив на своего непосредственного начальника — главу МИД Вальтера Ратенау, Мальцан убедил последнего в необходимости более интенсивных переговоров с советской делегацией. Итогом стало заключение 16 апреля 1922 года Рапалльского договора, по которому между Веймарской республикой и Советской Россией устанавливались дипломатические отношения.

После подписания договора Мальцан продолжил свою работу на восточном направлении, развивал и укреплял двусторонние германо-советские связи, решал возникавшие дипломатические конфликты. Ярким примером стало его участие в разрешении конфликта вокруг советского торгпредства в 1924 году. Вторжение германской полиции на территорию советского торгпредства стало основанием для серьезного кризиса двусторонних отношений. Лишь совместная деятельность Мальцана и Коппа позволила предотвратить разрастание конфликта. Общими усилиями они смогли сломить сопротивление радикалов с обеих сторон и принять проект Коппа — Мальцана, который положил конец разрастающемуся кризису.

Список источников

- Ахтамзян А. А.* Рапалльская политика. Советско-германские дипломатические отношения в 1922—1932 годах. М.: Междунар. отношения, 1974. 304 с.
- Белковец Л. П.* Через «гордость и предубеждение». Граф Брокдорф-Ранцау и установление советско-германских дипломатических отношений // Юридические исследования. 2013. № 12. С. 35—94. DOI: 10.7256/2305-9699.2013.12.1001 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=10016 (дата обращения: 09.09.2024).

- Белковец Л. П., Белковец С. В.* Пять лет «красной дипломатии». Советская Россия на международной конференции в Генуе // *Международные отношения*. 2017. № 2. С. 60—88. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=19382 (дата обращения: 09.09.2024).
- д'Абернон В. Э.* Посол мира. Страницы из дневника лорда д'Абернона (Берлин 1920—1926). Т. 1: От Спа (1920) до Рапалл (1922) / пер. Н. М. Сегал; предисл. Б. Ш. М.: Соцэкгиз, 1931. 215 с.
- Ключников Ю. В.* Версальский мирный договор / полный перевод с французского подлинника под ред. Ю. В. Ключникова и А. Сабанина. М.: Изд.-во Литиздата НКВД, 1925. 198 с.
- Кобляков И. К.* От Бреста до Рапалло. Очерки истории советско-германских отношений с 1918 по 1922 г. М.: Госполитиздат, 1954. 252 с.
- Ушаков В. Б.* Внешняя политика Германии в период Веймарской республики. М.: Изд.-во ИМО, 1958. 158 с.
- Черноперов В. Л.* Противоборство «дипломатов ленинской школы» во время советско-германского конфликта 1924 года // *Личность. Культура. Общество*. 2005. Т. VII. Вып. 26. С. 254—274.
- Черноперов В. Л.* Дипломат В. Л. Копп и его роль в формировании советской политики в отношении Германии: 1919—1924 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Н. Новгород, 2007. 777 с.
- Debo R. K.* Survival and Consolidation: The Foreign Policy of Soviet Russia, 1918—1921. Montreal: McGill-Queen's Press — MQUP, 1992. 520 p.
- Chernoperov V. L.* Viktor Kopp und die Anfänge der sowjetisch-deutschen Beziehungen 1919 bis 1921 // *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*. 2012. Vol. 60, № 4. S. 529—554.
- Fink C., Frohn A., Heideking J.* Genoa, Rapallo, and European Reconstruction in 1922. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. 276 p.
- Fleischhauer E. I.* Rathenau in Rapallo // *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*. 2006. Vol. 54, № 3. S. 365—415.
- Joeres N.* Der Architekt von Rapallo. Der deutsche Diplomat Ago von Maltzan im Kaiserreich und in der frühen Weimarer Republik: Ph. D. dissertation. Heidelberg, 2005. 662 S.
- Kennan G. F.* Russia and the West under Lenin and Stalin. Boston; Toronto: Little, Brown and Company, 1961. 411 p.
- Kessler H.* Berlin in Lights: The Diaries of Count Harry Kessler (1918—1937). N. Y.: Grove Press, 2002. 535 p.
- Rosenbaum K.* Community of Fate; German-Soviet Diplomatic Relations, 1922—1928. N. Y.: Syracuse University Press, 1965. 325 p.
- Stent V.* Von Maltzan death stirs Washington: Coolidge and Kellogg Send Messages of Condolence to Germany and Widow // *The Journal of commerce and commercial*. 1927. 24 September.

References

- Akhtamzian, A. A. (1974), *Rapall'skaia politika. Sovetsko-germanskie diplomaticheskie otnosheniia v 1922—1932 godakh* [Rapallo Policy. Soviet-German Diplomatic Relations in 1922—1932], Mezhdunarodnye otnosheniia, Moscow, Russia.
- Belkovets, L. P. (2013), 'Through "pride and prejudice". Count Brockdorff-Rantzau and the establishment of Soviet-German diplomatic relations, *Iuridicheskie issledovaniia* [Legal studies], no. 12: 35—94, doi. 10.7256/2305-9699.2013.12.1001, available at: https://e-notabene.ru/view_article.php?id_article=10016&nb=1 (Accessed 9 May 2023).
- Belkovets, L. P. and Belkovets, S. V. (2017), 'Five years of "red diplomacy". Soviet Russia at the international conference in Genoa, *Mezhdunarodnye otnosheniia* [International Affairs], no. 2.: 60—88, available at: [https:// nbpublish.com/library_read_article.php?id=19382](https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=19382) (Accessed 9 May 2023).
- Chernoperov, V. L. (2005), 'Confrontation of "Diplomats of the Leninist School" during the Soviet-German Conflict of 1924, *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo* [Personality. Culture. Society], vol. VII, iss. 26: 254—274.
- Chernopov, V. L. (2007) *Diplomat V. L. Kopp i ego rol' v formirovanii sovetskoj politiki v otnoshenii Germanii: 1919—1924 gg.* [Diplomat V. L. Kopp and his role in the formation of Soviet policy towards Germany: 1919—1924], D. Sc. (History), Nizhegorodskii gosudarstvennyi universitet imeni N. I. Lobachevskogo, N. Novgorod, Russia.
- Chernoperov, V. L. (2012), 'Viktor Kopp und die Anfänge der sowjetisch-deutschen Beziehungen 1919 bis 1921', *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*, vol. 60, no. 4: 529—554.
- d'Abernon, V. E. (1931), *Posol mira. Stranitsy iz dnevnika lorda d'Abernona (Berlin 1920—1926), m. 1: Ot Spa (1920) do Rapall (1922)* [Ambassador of Peace. Pages from the diary of Lord d'Abernon (Berlin 1920—1926), vol. 1: From Spa (1920) to Rapall (1922)], Translation by Segal, N. M.; preface by B. S., Izdatel'stvo sotsial'no-ekonomicheskoi literatury, Moscow, Russia.
- Debo, R. K. (1992), *Survival and Consolidation: The Foreign Policy of Soviet Russia, 1918—1921*, McGill-Queen's Press — MQUP, Montreal, Canada.
- Fink, C., Frohn, A. and Heideking, J. (1991), *Genoa, Rapallo, and European Reconstruction in 1922*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Fleischhauer, E. I. (2006), 'Rathenau in Rapallo', *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*, vol. 54, no. 3: 365—415.
- Joeres N. *Der Architekt von Rapallo. Der deutsche Diplomat Ago von Maltzan im Kaiserreich und in der frühen Weimarer Republik*: Ph. D. (Political science) Thesis, Ruprecht-Karls-Universität Heidelberg, Heidelberg, Germany.

- Kennan, G. F. (1961). *Russia and the West under Lenin and Stalin*, Little, Brown and Company, Boston; Toronto, MA, Canada.
- Kessler, H. (2002), *Berlin in Lights: The Diaries of Count Harry Kessler (1918—1937)*, Grove Press, New York, N. Y.
- Klyuchnikov, Yu. V. (1925), *Versal'skii mirnyi dogovor* [The Treaty of Versailles], Translation by Klyuchnikov, Yu. V. and Sabanin, A., Izdanie literaturnogo izdatel'stva NKID, Moscow, Russia.
- Koblyakov, I. K. (1954), *Ot Bresta do Rapallo. Ocherki istorii sovetsko-germanskikh otnoshenii s 1918 po 1922 g.* [From Brest to Rapallo. Essays on the History of Soviet-German Relations from 1918 to 1922], Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, Moscow, Russia.
- Rosenbaum, K. (1965), *Community of Fate; German-Soviet Diplomatic Relations, 1922—1928*, Syracuse University Press, New York, N. Y.
- Stent, V. (1927), 'Von Maltzan death stirs Washington: Coolidge and Kellogg Send Messages of Condolence to Germany and Widow', *The Journal of commerce and commercial*, 24 September.
- Ushakov, V. B. (1958), *Vneshniaia politika Germanii v period Veimarskoi Respubliki* [Foreign Policy of Germany during the Weimar Republic], Izdatel'stvo Instituta mezhdunarodnykh otnoshenii, Moscow, Russia.

Статья поступила в редакцию 01.10.2024; одобрена после рецензирования 20.11.2024; принята к публикации 27.11.2024.

The article was submitted 01.10.2024; approved after reviewing 20.11.2024; accepted for publication 27.11.2024.

Информация об авторе / Information about the author

С. П. Хрулев — аспирант, кафедра всеобщей истории и международных отношений. Ивановский государственный университет, Иваново, Россия.

S. P. Khrulev — Postgraduate Student, Department of general History and International Relations, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia.

ДИСКУССИЯ

DISCUSSION

Интеллигенция и мир. 2025. № 2. С. 112—148.

Intelligentsia and the World. 2025. No. 2. P. 112—148.

Научная статья

УДК 316.35

EDN <https://elibrary.ru/qibdov>

DOI: 10.46725/IW.2025.2.6

Научная специальность ВАК

5.6.1. Отечественная история

5.6.2. Всеобщая история

5.6.5. Историография, источниковедение,
методы исторического исследования

ТЕРМИН «ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ / ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ» В РОССИЙСКОМ ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Владимир Александрович Порозов

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,

Пермь Россия, va-porozov@mail.ru, SPIN-код: 8817-2509,

<https://orcid.org/0000-0002-9157-598X>

Аннотация. Вопрос о соотношении терминов «интеллигент» и «интеллектуал» в российском интеллигентоведении нельзя считать достаточно полно рассмотренным и однозначно решенным. Чаще всего интеллектуалами называют представителей национальной интеллигенции зарубежных стран, а интеллигентами — персонажей русского «мыслящего класса», даже оказавшихся за рубежом. Неоднократно предпринимались попытки объединить тех и других на основе общности социального положения и функций в едином восприятии как «интеллигенцию / интеллектуалов», тем более что в функционально-социологическом восприятии интеллигенции понятия «интеллигент» и «интеллектуал» в принципе совпадают. Указанные попытки имели

© Порозов В. А., 2025

место и в деятельности ивановской интеллигентоведческой школы. Дважды, в 2015 г. и 2016 г., термин даже вносился в темы ежегодных ивановских («меметовских») конференций и, соответственно, в заглавия сборников их материалов. Однако идея большинством исследователей, входящих в данное научное сообщество или разделяющих его идеи и принципы, поддержана не была. В настоящей статье прослеживается история происхождения и использования терминов «интеллигент / интеллектуал», «интеллигенция / интеллектуалы» на протяжении относительно недолгого срока его существования в российском и, в частности, ивановском интеллигентоведении.

Ключевые слова: интеллектуал, интеллигенция, интеллигент, интеллигенция / интеллектуалы, интеллигенты / интеллектуалы, интеллигентоведение, ивановская интеллигентоведческая школа

Для цитирования: Порозов В. А. Термин «интеллигенция / интеллектуалы» в российском интеллигентоведческом контексте // Интеллигенция и мир. 2025. № 2. С. 112—148.

Original article

THE TERM “INTELLIGENTSIA / INTELLECTUALS” IN THE CONTEXT OF RUSSIAN INTELLEGENTSIA STUDIES

Vladimir A. Porozov

Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia,
va-porozov@mail.ru, SPIN: 8817-2509,
<https://orcid.org/0000-0002-9157-598X>

Abstract. The question of the correlation between the terms “intellectual” and “member of the intelligentsia” in Russian intelligentsia studies cannot be considered to be fully considered and unambiguously solved. Most often, representatives of the national intelligentsia of foreign countries are called intellectuals, and characters of the Russian “thinking class” are referred to as “intelligentsia”, even those who find themselves abroad. Attempts have been made several times to combine both on the basis of common social status and functions in a single perception as “intelligentsia / intellectuals”, especially since in the functional-sociological perception of the intelligentsia, the concepts of “intellectual” and “member of intelligentsia” basically coincide. These attempts also took place in the activities of the Ivanovo school of intelligentsia studies. Twice, in 2015 and 2016, the term was even included

in the topics of the annual Ivanovo (“Memetov”) conferences and, accordingly, in the titles of their collections of proceedings. However, the idea was not supported by the majority of researchers who belong to this scientific community or share its ideas and principles. This article traces the history of the origin and use of the terms “intellectual / member of intelligentsia” and “intelligentsia / intellectuals” over a relatively short period of its existence in Russian and, in particular, Ivanovo intelligentsia studies.

Keywords: intellectual, intelligentsia, member of intelligentsia, intelligentsia / intellectuals, intellectuals / member of intelligentsia, intelligentsia studies, Ivanovo school of intelligentsia studies

For citation: Porozov, V. A. (2025), ‘The term “intelligentsia/intellectuals”’: in the context of Russian intelligentsia studies’, *Intelligentsia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 2: 112—148 (in Russ.).

Введение

Актуальность. Задачу изучения интеллектуалов именно в интеллигентоведческом контексте основатель и руководитель ивановской интеллигентоведческой школы Валерий Сергеевич Меметов постоянно ставил и подчеркивал и даже относил проблему к «непопулярным» вопросам [Меметов, 2011: 5]. Однако определение и разработка понятия «интеллектуал» в контексте интеллигентоведения значительно отстает от таких базовых категорий, как «интеллигенция», «интеллигент» и «интеллигентность». Впрочем, разделение на интеллигентов и интеллектуалов в историческом контексте серьезный исследователь может провести лишь относительно последних полутора-двух веков социальной истории, и если российское интеллигентоведение давно свободно оперирует терминами «прединтеллигенция», «прединтеллигент», то термина «прединтеллектуал» нет по причине, как было показано ранее [Порозов, 2024: 133—134], избыточности его содержания: это или прединтеллигент, или интеллектуал на данном уровне развития общечеловеческого интеллекта. Нечасто встречаются и термины «интеллигенция / интеллектуалы», «интеллигент / интеллектуал» и т. п.

Между тем термин «интеллигенция / интеллектуалы» введен в международный гуманитарный контекст польским социологом Яном Щепаньским еще в шестидесятые годы прошлого века, был популяризирован тесно связанным с ивановской

интеллигентоведческой школой московским историком Андреем Квакиным в 1999—2014 гг. и активно поддержан в ивановских публикациях В. В. Возиловым. К термину внимательно отнесся В. С. Меметов, дважды, в 2015 г. и 2016 г., внося его в темы традиционных, проводимых в Ивановском государственном университете интеллигентоведческих конференций и, соответственно, в заглавия сборников их материалов.

Особую актуальность вопрос приобретает в условиях, когда слово «интеллигенция» толкуется произвольно или «ставится знак равенства между понятием “интеллигенция” и понятиями “интеллектуалы”, “образованный класс”, “элита”» [Меметов, 2013: 6], когда часть российской интеллигенции перерождается в интеллектуалов, что отмечают многие участники ивановского интеллигентоведческого процесса. «Казалось, — вспоминает О. В. Золотарёв совсем недавние времена, — что и в России интеллигенция уходит в прошлое, она заменяется иной фигурой — интеллектуалом, экспертом, профессионалом, что использует свой интеллектуальный потенциал, не связывая его с размышлениями об особой моральной миссии интеллигенции, существовании неоплатного долга интеллигенции перед народом и т. п.» [Золотарёв, 2012: 7]. Эта опасность была в свое время подмечена и В. С. Меметовым [Меметов, 2006: 5—6].

Так или иначе, но идея восприятия интеллигентов и интеллектуалов в едином понятии большинством исследователей, входящих в ивановское научное сообщество или разделяющих его подходы и принципы, поддержана не была. Тем не менее анализ сложившейся вокруг данного явления ситуации дает возможность подвести некоторые важные для базового понятийного аппарата итоги, а также внимательно отнестись к возможностям использования обсуждаемого термина не только в прошлом, но и при общении с широким кругом исследователей сегодня и в будущем. Потому предпринимаемая попытка проследить историю происхождения и использования терминов «интеллигенция / интеллектуалы», «интеллигент / интеллектуал» на протяжении относительно недолгого срока их существования в российском и, в частности, ивановском интеллигентоведении представляется интересной и актуальной.

Краткая историографическая справка. В необъятном массиве публикаций, посвященных отечественной интеллигенции и зарубежным интеллектуалам, выделены те из них, в которых вводятся и рассматриваются понятия «интеллигенция / интеллектуалы», «интеллигент / интеллектуал». Автором термина в российском интеллигентоведении считается, как сказано выше, польский социолог Ян Щепаньский, а его активным и плодотворным пропагандистом был московский историк А. В. Квакин. Наиболее значимыми в контексте данной статьи представляются публикации Д. Байрау, М. Л. Гаспарова, Н. А. Гредескула, Н. Н. Козловой, М. Н. Милюкова, Д. Н. Овсяннико-Куликовского, на которые не раз обращали внимание в своих работах представители ивановской интеллигентоведческой школы. Речь, прежде всего, о ее основателе и бессменном лидере профессоре Валерии Сергеевиче Меметове, а также об авторах четырех «ивановских» коллективных монографий [Проблемы теории и методологии..., 2008; Интеллигенция: вопросы..., 2010; Интеллигенция и интеллектуалы в изменяющейся..., 2014; Интеллигенция и интеллектуалы — такие разные..., 2016], редактировавших, кроме В. С. Меметова, В. Л. Черноперовым и С. М. Усмановым. В числе исследователей-«ивановцев» (в широком смысле этого слова), внесших максимальный вклад в осмысление поставленных в данной статье проблем, хочется в первую очередь отметить М. В. Баканову, А. А. Белова, В. В. Возилова, О. В. Золотарёва, И. Е. Казанина, М. И. Кондрашёву, В. Г. Малую, В. Г. Ледяева, Е. А. Пелевину, И. Л. Пересторонину, С. Г. Петрову, С. С. Садину, Д. А. Смирнова, А. А. Соловьева, С. М. Усманова.

Постановка вопроса. За тридцать пять лет плодотворного существования ивановской интеллигентоведческой школы накоплен достаточный материал, анализ которого позволит, пусть не окончательно, но, по возможности, максимально всесторонне выяснить место понятия «интеллектуал» в соотношении с другими базовыми понятиями междисциплинарного взгляда на интеллигенцию как социальный феномен. В связи с этим вопрос о месте и роли термина «интеллигенция / интеллектуалы», («интеллигент / интеллектуал» и т. п.) в общем интеллигентоведческом контексте приобретает особый интерес.

Методология и методы исследования

Отвечая на поставленный вопрос, как и на все сопутствующие и последующие, будем руководствоваться общенаучными методами индукции и дедукции, с уважением относясь к значимым для ивановского интеллигентоведения методам структурно-функционального анализа, компаративного анализа и исторической герменевтики [Усманов, 2024: 127].

Основная часть

Концепция Я. Щепаньского — А. Квакуна и ивановское интеллигентоведение

Открывая первый, «стартовый», номер журнала «Интеллигенция и мир» в 2001 г., В. С. Меметов в числе дискуссионных теоретико-методических проблем в первую очередь отмечал: «Далеко не оконченными являются ... научные споры по поводу понятий “интеллигенция — интеллигент — интеллеktуал”, “российская (русская) интеллигенция” и “интеллигенция” других стран мира». При этом ученый подчеркивал, что категорическое противопоставление понятий «интеллигент» и «интеллектуал» вызывает большие сомнения. «Здесь видится куда больше сближающих, нежели разъединяющих начал, — писал основоположник и глава ивановской интеллигентоведческой школы. — Чтобы сохранить миропорядок на земле, интеллигент XXI века, несомненно, должен будет обладать энциклопедическими знаниями интеллектуала плюс быть в высшей степени духовно-нравственным человеком. **Мы не имеем права вступать в третье тысячелетие разьединенными духовно и интеллектуально.** Поэтому нам необходимо объединить усилия как против мифологизации места и роли российской интеллигенции в обществе, так и в защиту ее несомненных достоинств. **Многовековой исторический опыт убедительно свидетельствует, что интеллектуалы и интеллигенция всегда выступали и выступают единым фронтом. В этом видится закономерность исторического процесса**» [Меметов, 2001: 3, 4] (здесь и далее выделения в тексте принадлежат цитируемому авторам).

Совпадение понятий «интеллигент» и «интеллектуал» с функциональной (социологической, функционально-социологической) точки зрения породило искушение расширить это совпадение

на любое другое восприятие данных социальных феноменов — либо проигнорировать эти другие восприятия вовсе. Так родилась концепция польского социолога Яна Щепаньского, популяризированная в российском интеллигентоведении А. В. Квакиным. Суть ее в том, что интеллигенция — не российское, а общемировое, общецивилизационное явление, обозначаемое термином «интеллектуалы / интеллигенция» или, в российском восприятии, «интеллигенция / интеллектуалы». Такому взгляду на этот процесс немало способствовал выход книги Я. Щепаньского «Элементарные понятия социологии» на русском языке еще в 1969 г. При всем том интеллигенции в книге уделено не слишком-то много внимания. Она упомянута в качестве социального слоя, отличающегося от «необразованных слоев» «культурной активностью, стилем жизни и т. д.», и, как сообщество «ученых, литераторов, поэтов, композиторов, художников, скульпторов, а, следовательно, всех тех, кто создает новые культурные ценности», отделена, по Т. Гейгеру, от «слоя образованных людей, которые получили знания, позволяющие им иметь причастность к ценностям, созданным творцами», и от слоя «академиков» — «формально имеющих высшее образование, подтвержденное дипломом» [Щепаньский, 1969: 171, 174].

Однако, по мнению некоторых исследователей, именно Ян Щепаньский после выявления более шестидесяти определений и интерпретаций терминов «интеллектуалы» и «интеллигенция» сформулировал три основных подхода к определению понятия. Эти подходы, по-видимому, правомочны в изучении интеллигенции любой страны, как ни называй каждого ее представителя, отнесенного к этой социальной, оценочно-этической или философской социальной группе — реально существующей или выделяемой исследователем. В изложении А. В. Квакина эти три подхода («три категории термина») выглядят так: «Во-первых, по роли критических интеллектуалов и творческой интеллигенции в создании и защите высших и неизменных ценностей правды, красоты, добра и справедливости. Во-вторых, по роли в популяризации идей, создании мифов и идеологий, а также критикующих общественный порядок. В-третьих, как особого социального слоя, играющего решающую роль в развитии культуры на основе

определяющих признаков — высшее или среднее специальное образование и нефизический характер труда» [Квакин, 2001а: 168].

Попытка дать всеобъемлющее определение интеллигенции / интеллектуалам привела А. В. Квакина и цитируемого им Я. Щепаньского к следующему: «Мы выделяем в интеллигенции категории интеллектуалов, создающих эстетические ценности: ученых, создающих интеллектуальные системы; специалистов различных типов, использующих теоретические знания для решения конкретных проблем; идеологов, которые создают и распространяют жизненную философию и политическую идеологию; вербальных техников, которые распространяют зарубежные идеи, комментируют и критикуют работу других людей и общественные институты других обществ» [Квакин, 1999: 36; Его же, 2001а: 168]. Что ж, нам остается или смириться в данной ситуации с ролью «вербальных техников», или поддержать ивановского философа В. Г. Ледяева в его критике (весьма сдержанной) квакинской концепции [Ледяев, 2001: 16]. Не говорим уже об уязвимости положения о том, что «любая социальная группа создает собственную интеллигенцию, представляющую из себя интеллектуальный слой данной группы», а люди, входящие в этот слой, «специально заняты разработкой идеологических связей» [Квакин, 2001а: 168], — это выходит за рамки данного очерка, тем более что статей об интеллигентах / интеллектуалах, к примеру, криминальных структур в ивановском журнале и материалах конференций, к счастью, пока не было, а от установления с ними «идеологических связей» преподавателей высшей школы Бог миловал. Важнее другое: в приведенном «всеобъемлющем» определении интеллектуал явно перевешивает интеллигента, ведь «моральному фактору», традиционно воспринимаемому в качестве основополагающего для интеллигента, места почему-то не нашлось.

При этом А. В. Квакин неоднократно подчеркивал, что дело не в терминологических, а в сущностных характеристиках того социального слоя, который в разных странах определяется по-разному — «интеллигенция» или «интеллектуалы». Ученый считал, что функциональный подход к определению интеллигенции / интеллектуалов выработан российским обществоведением, и в качестве предшественников называл, в частности, философов Н. О. Лосского и М. К. Мамардашвили. Определение это исходит

«из той функции, которую умственная деятельность выполняет в более широкой системе общественных отношений, и той роли, которую играет труд людей, занимающихся этой деятельностью, в данной системе. Эта функция обеспечивает связанность и гомогенность общественной жизни, интеграцию индивида в существующие общественные отношения, она создает единство всех социальных групп, так как предполагает организацию и воспитание сознания, специальную разработку идеологических отношений людей. Таким образом, **интеллигенцией является самореконструируемая и саморазвивающаяся группа людей любого общества, которые внутри социальных групп специально заняты разработкой идеологических связей**» [Квакин, 1999: 38].

Понятно, что это идет от А. Грамши, считавшего, что интеллектуалы являются продуктом каждого класса. Но механический перенос такого восприятия интеллектуалов на российское восприятие интеллигенции как продукта отечественной истории и культуры явно непродуктивен. Интересно также, что в довольно объемной статье из первого номера ивановского журнала, посвященной позиции интеллигенции по отношению к большевистскому октябрю 1917 г. [Его же, 2001b], А. В. Квакин называет всех ее персонажей интеллигентами и использует термин «интеллектуал» единственный раз: этой чести удостоилась та часть интеллигенции, которая в революционные годы была настроена к большевикам оппозиционно.

Термин и его восприятие

Восприятие интеллигентов и интеллектуалов в нерасторжимом единстве, отразившееся в двуединых терминах «интеллигент / интеллектуал» и «интеллигенция / интеллектуалы», в контексте современного процесса глобализации, на наш взгляд, закономерно и естественно, логично и научно. Весь вопрос в том, каково содержание этого термина, каковы возможности и границы его использования. Важно и то, что он подчеркивает главное: несведение понятия «интеллигенция» только к истории, сегодняшнему дню и будущему именно России.

«...Интеллигенция / интеллектуалы существуют в любом обществе, — подчеркивает А. В. Квакин, — хотя специфика

национального общественного развития диктует достаточно часто особые национальные черты данной социальной группы. Поэтому представляется более продуктивным говорить не о феномене русской интеллигенции, возвышающейся по своим морально-этическим качествам над западными интеллектуалами, а о российском отряде всемирного сообщества духовно развивающихся людей, специально занятых разработкой идеологических связей и вносящих вклад в прогресс всемирной культуры» [Его же, 1999: 38]. Позиция историка выражена прямо и неоднозначно: «Нет никаких оснований говорить о том, что русская интеллигенция коренным образом отличается от западных интеллектуалов по основополагающим принципам» [Там же: 36].

Интересно, что многие мыслители прошлого, нередко относимые к апологетам интеллигенции как специфически русского явления, таковым интеллигенцию не считали. Взять тех же современников «Вех». Н. А. Гредескул писал, что интеллигенция, в смысле ума и понимания, так же, как и в смысле нравственной чуткости, существует, конечно, у всех народов и во все времена; интеллигенция — это всегда и всюду верхний слой социального духа, его «сливки», его «цвет», «хотя в разные эпохи и у разных народов этот “цвет” духа может принимать разные формы, окрашиваться в разные цвета и оттенки» [Гредескул, 1991: 233]. Д. Н. Овсяннико-Куликовский, указывая, что интеллигенцию от основной массы населения отличает умственная активность, отмечал, что проявляется она у разных народов и в разные эпохи: «Этой особенностью определяется и вся психология интеллигенции как в ее общих, типичных чертах, наблюдаемых повсюду, у разных народов и в разные эпохи, так и в ее многообразных видоизменениях, зависящих от социальных условий, какими обставлена умственная деятельность у того или другого народа, в ту или иную эпоху» [Овсяннико-Куликовский, 1991: 384—385]. П. Н. Милюков считал, что интеллигенция возникает в различных странах, когда рост культуры, усложнение общественных задач, усовершенствование государственно-общественного механизма и демократизация управления создают потребность в специализации и профессиональной группировке интеллектуального труда. Это «вовсе не есть явление специфически русское», «...я хотел лишь предостеречь от преувеличений тех писателей, которые

готовы считать все без исключения особенности русской интеллигенции ... нашими чисто русскими чертами», — замечает известный историк и политик [Милуков, 1991: 297, 298].

Автор известного в начале нашего века учебника «Социально-историческая антропология» Н. Н. Козлова посвящает интеллигенции отдельную главу, также рассматривая интеллигенцию и интеллектуалов в нерасторжимом единстве. Нюанс лишь в оформлении двойного термина: анализируемое двуединство представлено то как «интеллектуал (интеллигент)», то как «интеллектуал-интеллигент», то как «интеллигенция (интеллектуалы)». Автор смело причисляет себя к этой «человеческой разновидности» и, в отличие от Я. Щепаньского и А. Квакина, сводит определения к семи группам, отмечая среди критериев, наряду с культурой речи и прочим, «особые нормы морали, более высокие, чем в обществе в целом» [Козлова, 1999: 132]. Трудно удержаться и от цитирования приводимой характеристики прединтеллигентов: «Предшественники современных ученых и художников, инженеров и врачей, ученых и педагогов — колдуны, алхимики, жрецы, лекари, священники, теологи и придворные поэты». Впрочем, тут же утверждается, что интеллигенция — реалья российская, что слово это непереводимо, а представители советской интеллигенции лишь «напоминали западных интеллектуалов» [Там же: 133, 134, 136].

Среди «ивановцев» на концепцию нерасторжимого единения интеллигенции и интеллектуалов обратили серьезное внимание, в частности, С. С. Садина и В. В. Возилов. Из множества формулировок понятия «интеллигенция» С. С. Садина останавливается на восприятии А. В. Квакиным интеллигенции / интеллектуалов в любом обществе как «специализированного субъекта духовного производства, социальная природа которого зависит от роли в общественной организации труда». «Специфику национального общественного развития» в исследовании С. С. Садиной определяет советский период отечественной истории [Садина, 2008: 230].

На конференции 2012 г. В. С. Меметов обращает особое внимание [Меметов, 2012: 4] на публикацию В. В. Возилова «К вопросу о содержании понятия “интеллигенты / интеллектуалы”» как «аналитический доклад для обсуждения и дискуссии». В указанной публикации и развивающей ее идеи статье в журнале

«Интеллигенция и мир» утверждалось, что существенных различий между интеллигентом и интеллектуалом нет и от избыточных понятий надо отказываться, а главной функцией интеллигенции является управленческая деятельность. «Теоретическая проблема, связанная с различением понятий “интеллигенты” — “интеллектуалы” — “умственная элита”, возникает у исследователей в том случае, когда они обращаются к анализу либо мировоззренческих, либо профессионально-технологических установок, принципов деятельности небольших групп работников умственного труда. В общетеоретическом смысле понятия “интеллигенция”, “интеллектуалы”, “интеллектуальная элита” совпадают», — утверждает В. В. Возилов [Возилов, 2013: 12].

В единстве рассматривал «русских специалистов-интеллектуалов-интеллигентов» (даже так!) волгоградский историк И. Е. Казанин как участник дискуссии о становлении интеллигентоведения как вузовского учебного курса. Однако «подготовку интеллектуалов демократической ориентации (на что сориентированы образовательные стандарты зарубежных элитных вузов)» в российских условиях И. Е. Казанин считает важной, но недостаточной: необходимо обеспечить эффективный процесс формирования людей, которые, наряду с профессиональными знаниями, могли бы обеспечить культурно-историческую преемственность между поколениями россиян, различными пластами отечественной культуры, этапами и эпохами развития российской цивилизации. Решить эту задачу можно, если актуализировать связи с русскими культурно-историческими традициями [Интеллигенция: проблемы...: 56].

С позиций глобальной, общецивилизационной истории смотрит на интеллигенцию ивановский философ В. Г. Малая. Становление интеллигенции она относит к античному обществу, обращает внимание на ее специфику в средневековье и особенно в условиях капитализма. Она разводит понятия «интеллигент» и «интеллектуал», но делает акценты на их связи друг с другом, на проблеме диалога российской интеллигенции с «западноевропейской» и «восточной» [Там же: 58].

Как видим, используя термины «интеллигент / интеллектуал» и «интеллигенция / интеллектуалы», авторы часто склоняются к восприятию их в качестве синонимов понятий «интеллигенция»

в российской интерпретации этого термина или «интеллектуалов» — в западноевропейской традиции. И тогда В. В. Возилов прав, подозревая термин в избыточности. Стремление рассмотреть тот или иной составной элемент в отдельности возвращает нас к «основному вопросу» интеллигентоведения и делает попытку объединения по-разному понимаемых терминов эклектичной и бесперспективной. В целом же термины «интеллигент / интеллектуал», «интеллигенция / интеллектуалы» позволяют рассматривать сам факт наличия всемирной интеллигенции во всех странах в самом общем, социологическом ее понимании и восприятии как «работников умственного труда», безотносительно к конкретным индивидуумам.

С этой точки зрения важен именно факт признания наличия интеллигенции за рубежом, даже в древности и в средневековье. Среди первопроходцев в этом важном деле были Я. М. Бергер, Т. В. Блаватская, П. Л. Карабущенко, Г. В. Михайлин, И. И. Осинский, М. Т. Петров, М. С. Петрова, Е. Б. Рашковский, изучавшие в 1970–1990-е годы интеллигенцию античности, европейского средневековья и нового времени, Монголии, Польши, США, других регионов и времен. В ивановской традиции первыми были С. В. Конорев, А. Г. Лапшин, Е. В. Ледяева, О. А. Никонов, Я. Ю. Новиков, В. К. Поддубный, Р. Р. Юсупов, публиковавшие работы, посвященные интеллигенции Англии, Бразилии, Индии, Ирана, Ирландии, Польши и др. Динамика, характеризующая возрастание интереса к истории и современному состоянию интеллигенции в различных странах и регионах планеты, представлена в таблице.

**Число работ, посвященных зарубежным интеллектуалам,
в журнале «Интеллигенция и мир» (без учета государств
на территории Российской империи и СССР)**

Период	Всего ученных публикаций	Из них посвященных ин- теллектуалам	Посвященных интеллектуалам в % от всех публикаций
2001—2005	216	7	3,2
2011—2015	234	42	18
2015—2020	191	38	20
2021—2024	143	36	25

Нерасторжимое единство и его внутренние противоречия

В контексте глобализации рассматривает проблему ивановский профессор А. А. Белов, представивший, по сути, «монографию в монографии» под названием «Место и роль интеллигенции в формировании и развитии информационного общества». Не упоминая ни Щепаньского, ни Квакина, анализируя прежде всего процессы информатизации и природопользования, экологии, автор прямо заявляет, что в мировой истории, и тем более в глобализационном процессе, разделение на интеллигентов и интеллектуалов условно и обусловлено ситуационными причинами в ряде стран. «Интеллект является определяющей составной частью целого — интеллигентности, атрибутом интеллигента, — утверждает ученый. — Сформировавшееся в научной и публицистической литературе противопоставление интеллигентности и интеллектуальности, русской интеллигентности и западного интеллектуальства с позиции внутренней определенности качества индивидуума представляется не вполне корректным. Такое противопоставление аналогично тому, если сопоставить электродвигатель и, допустим, его статор. Ну а как и к чему будет подключен ротор — зависит от внешних факторов. Так и в интеллигентности, базисом которой является интеллектуальность, остальные свойства всецело определяются внешними условиями, а точнее — отношениями интеллектуала со средой, т. е. конкретным содержанием всей коммуникационной системы. Эти свойства связаны с идеалами, интересами, потребностями, целями, т. е. с прагматикой, которую в высшей степени для русской интеллигенции определяют чаще всего духовно-нравственными ценностями. К сожалению, эти ценности зачастую измеряются, особенно в России, отношением интеллектуалов к власти, вызванным, в свою очередь, отношением власти к интеллектуалам» [Белов, 2008: 304].

Подобная точка зрения порой приводит то к мало что объясняющим упрощениям типа «интеллигенция есть часть народа, занимающаяся умственным трудом», то к эффектным, но, увы, уже не интеллигентным заявлениям: «Русская интеллигенция была западным интеллектуальством, пересаженным на русскую казарменную почву». И уж совсем несерьезно в свете ситуации в сегодняшней западной политике и дипломатии выглядит

поддержанное А. А. Беловым утверждение: «Где властью занимаются профессионалы-политики, там вопрос об отношении интеллектуалов к власти не стоит — во всяком случае не в большей степени, чем об отношении их, скажем, к экономике» [Гаспаров, 1999: 10, 11; Белов, 2008: 305]. К счастью, понятие «профессионал-политик» не вошло пока в число краеугольных камней интеллигентоведения.

Принятая за аксиому «самая простая, хотя и безусловно упрощенная дефиниция: интеллигент — это работник умственного труда» [Белов, 2008: 307] не помешала рассуждению автора в следующем направлении. Инструктивная, обладающая определенной ценностью гуманитарная информация, которая не должна отклоняться от гуманистической направленности, играет ключевую (организующую и направляющую) роль в процессе социального развития, а источником такой информации могут и должны стать «интеллигенты, интеллигенция», подключенные к новому электронному информационному пространству. Интеллигенты и даже прединтеллигенты у А. А. Белова — это индивиды, оказавшиеся в авангарде поиска путей решения экологических и других важнейших проблем, стоящих перед человечеством. Эти люди обладают наивысшей степенью коммуникативности и интеллекта, объединены единым информационным пространством и вырабатывают в своем сознании не только пути решения этих задач, но и «нормы и правила общечеловеческого поведения, т. е. мораль, как один из основных способов нормативной регуляции действий человека в обществе, в его отношении к природе» [Там же: 296].

Но тут выясняется вот что. Теория информационного общества утверждает, что на смену духовенству, феодалам (доиндустриальное общество) и бизнесменам (индустриальное общество) в качестве господствующего класса выдвигаются интеллектуалы. Однако, вопреки утверждению идеологов постиндустриального общества (Ж. Ж. Серван-Шрейбера, Дж. Нейсбита, Ё. Масуды и др.), «интеллектуалы, чей интеллект определяется профессиональными тестами (формальными или неформальными), не стали господствующей силой в обществе, а остались по-прежнему работниками умственного труда, привлеченными бизнесом и подвластными ему, его целям и менталитету. Являясь одновременно и производителями, и потребителями, эти

работники, чей труд в силу усложняющихся социоэкологических отношений становится все более востребованным, сами не изменили качественно своей потребительской этики». И тогда на смену «материалистам», традиционно исповедующим такие ценности, как экономический рост, благосостояние, безопасность и т. п., приходят «постматериалисты», ставящие во главу своего мировоззрения приоритеты гармоничных отношений между людьми и самореализации личности, и таких людей становится все больше. Это, «как правило, люди интеллектуального, творческого труда, не самые богатые, но вполне обеспеченные, по своему профессиональному и социальному статусу обладающие достаточно высокой степенью независимости, и которых с полным правом можно отнести к интеллигенции» [Там же: 294, 298]. А материалистов? На этот вопрос А. А. Белов ответа не дает. Из ранее приведенных рассуждений следует, что они это высокое звание как «труженики интеллекта» уже имели — так сказать, изначально.

Однако, осмысливая информационно-ментальное пространство, автор приходит к выводу: «Не каждый интеллектуал, т. е. субъект, обладающий высокими интеллектуальными способностями, может быть, по крайней мере, в равной степени, интеллигентен. Более того, не каждый интеллектуал может быть интеллигентом, в то время как интеллигент не может быть таковым, не обладая интеллектуальными способностями» [Там же: 317]. И хотя речь в данном случае идет лишь о наибольшей чувствительности (критичности) к изменениям во внешней среде, к возникающим несоответствиям внешнего и внутреннего функционирования, о наиболее развитой коммуникативности, наибольшей независимости в мышлении и поведении — интересующее нас разделение очевидно и с этих позиций. Это тем более показательно, что изначально такое разделение с иных позиций категорически отрицалось. Высшей степени интеллигентности соответствует стремление действовать ради коллектива, общества и высших ценностей бытия — истины, справедливости, красоты, добра, совершенства и т. п. Таких людей должно быть всё больше, и этот процесс глобализации интеллигенции («интеллигентизация») может обеспечить формирование новой ноосферы, став основой жизнеспособной концепции устойчивого развития всего общества. Вероятно, под этим может подписаться абсолютное

большинство российских интеллигентоведов, особенно если сделать акцент на «должно быть». К сожалению, реальность не всегда соответствует нашим желаниям.

Другое дело, что это большинство вряд ли согласится с отнесением к интеллектуалам всей советской интеллигенции, да еще и по одному-единственному критерию — уровню жизни. Впрочем, в одном ряду с огульным отрицанием общепринятой классификации интеллигенции по профессиональному признаку или восхвалением экономических успехов стран «шестерки» это не очень удивляет. В целом же концепция А. А. Белова представляется заметным и важным вкладом в интеллигентоведческий процесс, в том числе и в рассматриваемом аспекте.

Вальтер Беньямин как «интеллектуал / интеллигент»

Отдельные главы ивановских монографий посвящены анализу творческого наследия немецкого философа и эссеиста Вальтера Беньямина, который, благодаря усилиям историка Д. А. Смирнова (как соавтора трех из четырех рассматриваемых монографий) стал едва ли не главным их героем, пытавшимся проанализировать негативные процессы на рубеже 1920—1930-х гг. в Германии, Западной Европе, заметив их и в советской России. В монографии 2010 г. глава называется «Европейский интеллектуал в кризисные моменты истории начала XX века: его общественная роль». При этом Д. А. Смирнов считает, что интеллектуалов и интеллигентов называли по-разному в зависимости и от оценки их места в обществе, и от понимания этого места ими самими. А так те и другие, как и рядоположенные священнослужители и ученые, — это искатели веры и правды, люди, размышляющие над вечными вопросами, стоящими перед человечеством. Ключевым для таких «искателей» было понятие «интеллектуал», фиксируется оно в таком качестве и в публикации Д. А. Смирнова. «Тем более, — замечает автор, — что в немецком языке понятие “интеллигенция” скорее характеризует интеллект вообще и не может быть использовано для понимания социальной группы» [Смирнов, 2010: 323].

Поэтому логично, что интеллигенция и рассматривается как «сообщество интеллектуалов», в задачи которого входит непредвзятая оценка разворачивающихся процессов в обществе,

политике, экономике, а также разрешение вопроса о собственных интересах интеллигенции. А еще это сообщество интеллектуалов называется «классом гуманитариев» и «интеллектуальным классом». Историк убежден, что и у его героя термины «интеллигенция» и «интеллектуалы» — это варианты перевода одного понятия. С самого возникновения интеллектуалов у них было, по мнению В. Бенямина, «всемирно-историческое дело, всеобщие и абстрактные человеческие ценности: поучать свободе и праву и человечности». Однако самовосприятие интеллигенции как особой группы «людей духовного и умственного труда» мыслитель считал ошибочным, поскольку «революционная борьба разыгрывается не между капитализмом и духом, но между капитализмом и пролетариатом». Герой Д. А. Смирнова при всех исканиях и разочарованиях был и остался марксистом, а потому интеллектуал, по его мнению, «осознанно или нет, хочет он или нет, работает по поручению класса и сохраняет мандат класса. То, что экономический базис существования интеллектуала становится всё уже, в последнее время ускорило это проявление» [Там же: 327, 336, 338].

Характерно, что сторонников этих взглядов среди современных российских интеллектуалов практически нет: это элементарное марксистское положение выглядит анахронизмом. Не потому ли, что современная российская интеллигенция ориентируется не на классы, а или на власть, или на себя, любимую? И себя же как социальный слой и обслуживает — интеллектуально и духовно? Не увидел служения российской интеллигенции тому же принесенному в жертву мировой революции пролетариату и Бенямин, побывавший в советской Москве зимой 1926—1927 гг.: от имени пролетариата поручение интеллигенции давала политическая власть, ее партийные органы. В Советской России интеллектуал, по мнению В. Бенямина, «это, прежде всего, функционер, работающий в цензурном, юридическом или финансовом управлении, где он обречен на гибель, он причастен труду, а это значит в России — власти. Он представитель господствующего класса. Среди его различных организаций самая продвинутая литературная — это ВАПП, Всероссийская ассоциация пролетарских писателей. Она поддерживает идею диктатуры пролетариата и в области духовного творчества» [Там же: 331].

Также отмечается, что интеллектуалы возвращаются как специалисты на должности, которые они саботировали во время гражданской войны; никакой оппозиции, кроме самой лояльной, не существует — она либо заключила перемирие с большевиками, либо была уничтожена. Вероятно, это, пусть вынужденное, но, возможно, объективное после общественных потрясений революции и гражданской войны, слияние интеллигентов и интеллектуалов было на руку «сталинскому форсажу» и также работало на его успех. Очевидно, что аналогичные процессы происходили и в фашизирующих странах Запада. Правда, в 1920-е годы во Франции Беньямин, по мнению Д. А. Смирнова, видит еще стремление интеллектуалов обособиться от развернувшихся в Европе процессов, встать над ними, вооружившись лозунгами о своей особой роли, миссии, задаче защиты высших ценностей. Однако в «ландшафте общественного устройства империализма» интеллектуалам становилось всё труднее, а стремление обособиться в качестве носителя «общечеловеческих ценностей» на фоне радикализации идеологической борьбы делало эту позицию опасной.

Более широким взгляд Д. А. Смирнова становится в главах монографий 2014 и 2016 гг. «“Потерянное поколение” и российский “креативный класс”: исторические параллели» и «Трансформация современного мира в критике западноевропейских интеллектуалов». И хотя в качестве типичного представителя «потерянного поколения» в основном выступает всё тот же Вальтер Беньямен, который и на войне-то не был, сам факт столь смелого сопоставления и попытки проведения поистине междисциплинарных и межвременных аналогий заслуживают всяческого внимания. При этом интеллигенты и интеллектуалы отождествляются не только применительно к их функционированию в странах Запада, но и в условиях России: «Определенное сходство условий, а именно острый социально-экономический кризис и политические проблемы конца XX века, вызванные распадом СССР, позволяют рассматривать интеллигенцию, интеллектуалов в России в 1990—2000-е годы как отечественный вариант “потерянного поколения”. В этом плане примечателен и выбранный в последнее время для него термин “креативный класс”. Хотя это понятие было предложено Ричардом Флоридой в начале

2000-х годов для характеристики современных американских интеллектуалов, отечественные исследователи его подхватили и также пытались сделать акцент на “креативности” молодых российских интеллектуалов. Термин быстро стал общепризнанным в исследованиях современного российского общества. С одной стороны, он позволяет рассматривать разворачивающиеся в интеллектуальной среде России социальные процессы в контексте глобализирующегося мирового общества; с другой стороны, дает возможность объяснить рост “творческой” активности российских интеллектуалов, которая часто выходит за рамки искусства, проникновением в их среду чуждых для современного российского общества элементов и идей» [Смирнов, 2014: 174].

Отмечается, что «потерянное поколение» оказывалось чуждым для послевоенной Европы, как и «креативный класс» в современной России. В то же время автор столь смелой аналогии понимает, что полное отождествление рассматриваемых нами понятий в современных условиях может завести очень далеко, а потому временами, на всякий случай, все-таки жонглирует терминами: если, к примеру, левые — то интеллигенция, если правые — то интеллектуалы [Там же: 180].

Текст Д. А. Смирнова 2016 г. содержит ценное для нас замечание о том, что противоречивость социальной роли западноевропейских интеллектуалов и перемены в их самовосприятии в российской историографии особенно ярко отразились в дискуссии о соотношении понятий «интеллектуалы» и «интеллигенция»: «Многие отечественные авторы противопоставляют ее социальную роль западноевропейским интеллектуалам. Однако раскрытие особенностей участия интеллектуалов непосредственно в социальных и духовных процессах Западной Европы ведет к признанию рядом отечественных авторов их близости российской интеллигенции» [Смирнов, 2016: 180]. А потому ивановский историк смело допускает отождествление «интеллигенция, или интеллектуалы», а в изложении концепции Р. Флориды, как само собой разумеющееся, заменяет термин «интеллектуалы» на более нам понятный и близкий: «Флорида в образе “креативного класса” дал новое понимание интеллигенции» [Там же: 102, 142].

Интеллигентоведение и интеллектуаловедение

В программной первой главе монографии 2010 г., написанной под руководством В. С. Меметова, прямо было указано на необходимость обращения к опыту западного «интеллектуаловедения», также имеющего определенные традиции. На примере научной литературы французского происхождения предпринята попытка показать, что ее авторы (Л. Боден, Ж.-Н. Капферер, П. Ори, Ж.-Ф. Сиринелли, Ж. Верде-Лепу, М. Винокк) не так уж далеки от подходов, сложившихся в России. Даже историю самосознающих себя как общественное явление интеллектуалов они начинают чаще всего со знаменитых выступлений Эмиля Золя и других представителей прогрессивной французской общественности по поводу дела Дрейфуса в 1894—1898 гг., что также хронологически сопоставимо с аналогичными явлениями российской истории и не так далеко отстоит от присвоившего себе приоритет П. Д. Боборыкина. Несмотря на распространенное мнение о неприживаемости термина «интеллигенция» в западном обществознании (что объясняется отчасти даже фонетическими трудностями), в ряде работ, посвященных отнюдь не истории России, он всё же используется. Аналогичные трудности в применении термина «интеллектуалы» к российской действительности свидетельствуют о сопоставимости, в общем и целом, западного понятия «интеллектуалы» и российского «интеллигенция» — и допустимости соответствующего перевода этих родственных слов, по крайней мере в филологически-литературной традиции [Порозов, Пересторонина, 2013].

В этом плане, какая бы специфика ни вкладывалась в понятия «интеллигенция» или «интеллектуалы» в той или иной стране, речь, в сущности, идет об одном и том же — категории людей, группе в социуме, имеющей свои специфические и чрезвычайно важные роли и в «базисе», и в «надстройке». Следовательно, попытка Яна Щепаньского и А. В. Квакина дать всеобъемлющее понятие очевидно существующего общественного феномена заслуживает внимания и снимает многие надуманные проблемы. Эта тенденция обозначена как направление Я. Щепанского — А. В. Квакина в противоположность направлению

Р. В. Иванова-Разумника — Н. А. Бердяева, подчеркивающему чисто российское происхождение и существование интеллигенции.

Имеющиеся оценки исследований А. Геллы, М. Джиласа, М. Макколи, К. Мангейма, Дж. Маркера, Р. Пайпса, Д. Ромни, Ш. Фитцпатрик, Дж. Хоскинга, Э. Шилса, А. Штайнингера позволяют выделить в западной историографии весьма тождественные подходы к определению интеллигенции: «1. слой специалистов, подразделяющийся на профессиональные страты; 2. особый, социально свободный слой интеллектуалов; 3. новый господствующий класс; 4. своеобразный феномен России и Восточной Европы» [Пелевина, 1995: 451]. Порой пересекаются и концепции: в самом деле, что можно возразить против вывода Д. Байрау о невозможности простого противопоставления власти и интеллекта при рассмотрении проблемы «интеллигенция и власть»? [Байрау, 1994: 132]. На первый взгляд интеллигенцию и интеллектуалов, тем более всех прединтеллигентов, могло бы объединить понятие «интеллектуальная элита», но его слабость в еще большей неопределенности: «Она, в том смысле, который порой вкладывается в это понятие, либо отождествляется с интеллектуалами, либо сливается с элитой финансовой, политической и т. п., либо легко выделяется даже у первых обезьяноподобных предков — всё дело в субъективных критериях» [Интеллигенция...: 39].

Не меньше материала для размышлений в избранном направлении дают определения отдельных групп, слоев, «отрядов» интеллигенции. Вот как определял в 2010 г. церковную интеллигенцию ее ведущий в ивановской интеллигентоведческой традиции исследователь А. А. Соловьев: «К церковной интеллигенции мы относим основную часть преподавательского состава высших и средних духовных учебных заведений, имеющего высшее богословское или светское образование, профессионально занимающегося религиозно-культурными проблемами» [Соловьев, 2010: 104]. Так чем же под это определение не подойдут западные церковные интеллектуалы или, скажем, восточные религиозные мыслители? Тем более, когда историк Православной Церкви обращается к мнению французского ученого К. Шарля по поводу моноцентрической и биполярной моделей общественной жизни: «...свободные профессии исторически складывались в противостоянии обоим этим моделям. Они были не индустрией,

а скорее служением, в них культивировалась идеология бескорыстия. При этом представители свободных профессий с самого начала стремились освободиться от политического диктата, пользуясь, однако, покровительством государства» [Там же: 104; Шарль, 2005: 32].

Не вдаваясь в полемику о принадлежности к интеллигенции не преподающих церковных деятелей — тех же выдающихся представителей феномена старчества, к примеру, — обратим внимание и на остающуюся за рамками определения «неосновную часть». При таком подходе, когда исследователи отождествляют с «представителями свободных профессий» большую часть интеллигенции, смущает остающаяся «меньшая часть» «интеллигентов-неинтеллектуалов». Хочется верить, что если таковую все-таки удастся вычлениить, то она будет не столь значительна, чтобы обрушить наметившуюся конструкцию. Конечно, преподаватель социально-гуманитарных дисциплин по определенным параметрам может оказаться не интеллигентом, но вот если он еще и не интеллектуал... В психологическом плане это возможно, по тому же IQ, но профессиональный критерий не соблюдается, и возникает опасность полного субъективизма исследователя.

Относительно интеллигенции стран Востока, чаще всего именуемой «восточными мыслителями», надо признать: если в конкретно-историческом ее изучении сделано уже немало, то в теоретическом плане интеллигентоведением пройдены лишь первые шаги. Различить в общем восприятии национальной интеллигенции собственно интеллигентов и интеллектуалов пока не представляется возможным. Так, участницы XXXI ивановской конференции С. Г. Петрова и М. В. Баканова дают некоторое представление об интеллигенции Китая и Пакистана, в которых анализируемая терминология начинает обозначать не отдельных ученых и их умозрительную совокупность, но и «некий общественный элемент» [Петрова, 2021: 110]. М. В. Баканова вообще базируется на определении интеллигенции из Большой советской энциклопедии, а понятие «интеллектуалы» рассматривает как «узкую часть термина “интеллигенция”» [Баканова, 2021: 137—138]. Этого оказывается достаточным, чтобы рассматривать «образованную элиту» как западных, так и мусульманских стран в качестве интеллигенции.

В. С. Меметов и «интеллигенция / интеллектуалы»

Определенную дань глобалистскому отождествлению интеллигентов и интеллектуалов отдал и В. С. Меметов, допустивший термин «интеллигенты / интеллектуалы» в темах двух конференций и заглавиях сборников материалов этих форумов. Однако анализ его собственных взглядов на проблему выявляет некоторую противоречивость и недоговоренность. В 2004 г., упоминая об имевшей место в Неаполе в 1993 г. конференции «Христианство и культура сегодня», организатором которой был по всем параметрам интеллектуал Витторио Страда, В. С. Меметов отмечает, что «в задачу конференции... входила встреча представителей итальянской и российской интеллигенции». Закономерен вопрос: из кого же состояла «итальянская интеллигенция»? По всем предыдущим формулировкам Валерия Сергеевича получается, что из интеллектуалов! При этом сами интеллектуалы представляют «культуру» как «лабиринт интеллектуальных поисков», уступая «сеть духовных путей» «христианству» [Меметов, 2004: 3]. Остается разделить интеллектуалов на «светских» и «христианских» и признать за некоторыми представителями последних духовность как одну из черт, монополизированных русской интеллигенцией.

Ситуацию осложняет (или упрощает?!) признание того факта (и тут следует новый фрагмент из цитируемых В. С. Меметовым материалов итальянской конференции), что культура **«родилась в вере**, в ней она выросла и созрела, и в ней она принесла плоды мудрости». Наконец, профессор Меметов солидаризируется с К. Б. Соколовым, обратившим внимание на тот факт, что духовные лица профессионально (!) занимались формированием и сохранением культуры своих прихожан, а исполнение духовными лицами подобных функций «позволяет считать этих воспитателей народа интеллигенцией» [Там же: 4, 6].

Однако, разделяя взгляд на данную функцию интеллигенции, отождествления интеллектуалов и интеллигентов профессор Меметов не приемлет: «Трудно согласиться, что в обществе укрепляется мнение об исчезновении интеллигенции и номенклатуры и их замене “средним классом” и “правлящей элитой”» — и, наконец, интеллектуалами, что однозначно определяется как

«опасный процесс» [Меметов, 2006: 6]. Вывод о возможности перерождения интеллигенции, а тем более номенклатуры, в интеллектуалов, бесспорен, но вопрос о том, рассматривается ли эта переродившаяся часть в рамках интеллигенции или выводится за эти рамки, в 2006 г. оставался открытым и, по сути, является таковым до сих пор.

Наметившаяся в 2012—2014 гг. дискуссия не была, к сожалению, поддержана российскими интеллигеноведами. Но даже на конференциях, посвященных «интеллигентам / интеллектуалам», сам Валерий Сергеевич по-прежнему говорил и писал об интеллигентах и (!) интеллектуалах, о «зарубежных интеллектуалах и отечественных интеллигентах». В качестве задач предполагалось «построить модель соотношения созидательного и разрушительного потенциалов интеллигенции и интеллектуалов в общественно-политической жизни, разработать концепцию общественной востребованности этих потенциалов и способов манипулирования ими со стороны властных структур и политических элит» [Меметов, 2015: 4] — но поистине международного, глобального звучания проблемы не получилось. Впрочем, явная ставка сильных мира сего именно на разрушительный потенциал интеллигенции вряд ли предполагала их заинтересованность в раскрытии этих механизмов.

Однако в 2016 г. вновь повторенный в формулировке темы конференции и заглавии сборника термин «интеллигенция / интеллектуалы» заставил высказаться предельно конкретно. Профессор Меметов солидаризируется с позицией В. В. Комиссарова, высказанной на защите его докторской диссертации (выделено В. С. Меметовым): **«Всё зависит от критериев, по которым мы выделяем эти понятия... Поэтому искать общее в этих понятиях можно только с функциональной точки зрения»** [Меметов, 2016: 4]. Итак, с функциональной точки зрения — можно! Что соответствует социологическому подходу к определению интеллигенции.

Приведя пять позиций «расшифровки» социологами понятия «интеллектуал», одна из которых прямо утверждает, что интеллектуал есть **«представитель социального слоя интеллигенции»** (выделено!), сам мэтр от включения интеллектуалов в интеллигенцию воздерживается, вновь утверждая понятие «интеллектуальный слой», включающий в себя и интеллигенцию, и интеллектуалов.

Одних от других ученых отделяет по их **общественной роли**: «Если интеллигенция всегда претендовала на особую ведущую роль в жизни общества, то интеллектуалы, как правило, функциональны в своей интеллектуальной профессиональной деятельности» [Там же: 4—5].

Вопрос о роли в жизни общества «интеллектуальной профессиональной деятельности», различии этих ролей также остается дискуссионным. Сам В. С. Меметов возвращается далее к определению интеллигенции как **«элиты общества»**, предлагая смотреть на элиту более широко. Опять же получается, что интеллектуалы, однозначно, в элите и, следовательно... в интеллигенции. Но тут вновь недоговоренность и переход к понятию **«личность»**, которая, опять же, «видится в тесном сочетании с понятиями “интеллигент” и “интеллектуал”» и «вбирает в себя лучшие **сущностные черты** как интеллигенции, так и интеллектуалов» [Там же: 5].

Заключение

В материалах 30-й «меметовской» конференции, собравшейся через полтора месяца после кончины выдающегося ученого, звучит его однозначный вывод: «Решающим критерием интеллигенции считается наличие соответствующего образовательного уровня» [Меметов, 2019: 5]. Вот нам и еще один повод задуматься не только о различиях, но и о сближении понятий «интеллигент» и «интеллектуал». Однако очевидно и то, что «сущностные черты интеллигенции и интеллектуалов», особенно с позиций не социологического, а иных подходов к понятию «интеллигенция», все-таки различны, поэтому вместо «интеллигенции» и появляется объединяющий их, по крайней мере по многим позициям, «интеллектуальный слой».

А потому, начиная с 28-й конференции 2017 г., термин «интеллигенция / интеллектуалы» почти никто не воскрешал, предпочитая всех устроившее словосочетание «интеллигенция и интеллектуалы». Термин «интеллигенция / интеллектуалы», безусловно, имеет право на существование, но надо помнить, что первую его составляющую — «интеллигенцию» — интеллигентоведению как научной дисциплине следует воспринимать в узком и, если угодно, «российски ориентированном» смысле этого

слова: как сообщество интеллигентов. Интеллигенция в широком смысле этого слова состоит и из интеллигентов, и из интеллектуалов. В этом смысле термин «интеллигенция / интеллектуалы» равнозначен понятию «интеллигенция», становясь избыточным. Полагаем, что именно понятию «интеллигенция» в широком смысле и равнозначно понятие «интеллектуальный слой».

Непонимание этих двух подходов к трактовке понятия может привести к серьезной методической путанице и практически неразрешимым проблемам, ибо исключить «переродившихся» в интеллектуалов интеллигентов из состава российской интеллигенции в конкретном историческом исследовании, к примеру, можно лишь при индивидуальном рассмотрении представителей данного социального слоя. Так сделала, к примеру, М. И. Кондрашева, аргументированно исключив одного из публицистов из числа интеллигенции и «отправив» его в интеллектуалы [Кондрашева, 2015], но проделать такую работу в масштабе региона или страны может лишь вычислительная техника будущего в результате победы пресловутой цифровизации. Но в этом случае различия между интеллигентами и интеллектуалами проводиться уж точно не будут.

«Работа же на уточнение и корректировку интеллигентообразующих понятий будет способствовать повышению качества всей нашей деятельности» [Меметов, 2016: 5], — этот, один из основополагающих, заветов В. С. Меметова всегда будет оставаться в силе.

Список источников

- Байрау Д.* Интеллигенция и власть: советский опыт // Отечественная история. 1994. № 2. С. 122—135.
- Баканова М. В.* Интеллигент Британской Индии — сэр Саид Ахмад Хан // Интеллигенция и интеллектуалы: генезис, формирование, развитие, деятельность: материалы XXXI Междунар. науч.-теор. конф., приуроч. к 20-летию журнала «Интеллигенция и мир», Иваново, 23—24 сент. 2021 г. / отв. ред. В. Л. Черноперов. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2021. С. 137—141.
- Белов А. А.* Место и роль интеллигенции в формировании и развитии информационного общества // Проблемы теории и методологии исследования интеллигенции / отв. ред. В. С. Меметов. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2008. С. 278—346.

- Возилов В. В.* К вопросу о содержании понятия «интеллиген-
ты / интеллектуалы» // Ответственность интеллигенции в контек-
сте времени: материалы XXIII Междунар. науч.-теорет. конф.,
Иваново, 27—29 сент. 2012 г. / отв. ред. В. С. Меметов. Иваново:
Иван. гос. ун-т, 2012. С. 19—22.
- Возилов В. В.* Методологические аспекты содержания понятия «интеллиген-
ты / интеллектуалы» // Интеллигенция и мир. 2013. № 1. С. 9—16.
- Гаспаров М. Л.* Интеллектуалы, интеллигенты, интеллигентность // Россий-
ская интеллигенция: история и судьба. М.: Наука, 1999. С. 5—14.
- Гредескул Н. А.* Перелом русской интеллигенции и его действительный
смысл // Вехи; Интеллигенция в России: сб. ст. 1909—1910 / сост.
Н. Казакова. М.: Молодая гвардия, 1991. С. 227—268.
- Золотарёв О. В.* Постсоветская интеллигенция: после ночи приходит
рассвет? // Ответственность интеллигенции в контексте времени:
материалы XXIII Междунар. науч.-теорет. конф., Иваново, 27—
29 сент. 2012 г. / отв. ред. В. С. Меметов. Иваново: Иван. гос. ун-т,
2012. С. 6—9.
- Меметов В. С., Казанин И. Е., Малая В. Г. и др.* Интеллигентоведение: про-
блемы становления нового вузовского курса: «за» и «против» // Ин-
теллигенция и мир. 2001. № 1. С. 53—60.
- Интеллигенция: вопросы теории и методологии: кол. монограф. / под
ред. В. С. Меметова. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2010. 379 с.
- Интеллигенция и интеллектуалы в изменяющейся социально-политической
действительности: кол. монограф. / отв. ред. В. С. Меметов,
В. Л. Черноперов. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2014. 275 с.
- Интеллигенция и интеллектуалы — такие разные ... и похожие. Про-
блемы самоопределения и деятельности в XX — начале XXI века:
кол. монограф. / отв. ред. В. С. Меметов, В. Л. Черноперов. Ива-
ново: Иван. гос. ун-т, 2016. 200 с.
- Квакин А. В.* Мифы и реалии истории русской интеллигенции // Интел-
лигент и интеллигентоведение на рубеже XXI века: Итоги прой-
денного пути и перспективы: тез. докл. X Междунар. науч.-теор.
конф., Иваново, 22—24 сент. 1999 г. / отв. ред. В. С. Меметов.
Иваново: Иван. гос. ун-т, 1999. С. 34—38.
- Квакин А. В.* Установление советской власти в России и политические
позиции интеллигенции // Интеллигенция и мир. 2001a. № 1.
С. 34—49.
- Квакин А. В.* Интеллектуальная элита — интеллектуалы / интеллигенция:
ещё раз о соотношении понятий // Интеллигенция и мир. 2001b.
№ 2/3. С. 166—169.
- Козлова Н. Н.* Социально-историческая антропология: учебник. М.:
Ключ, 1999. 187 с.

- Кондрашёва М. И.* Интеллигенция — интеллеktуал: размышления интеллигентоведа // Интеллигенция / интеллеktуалы в кризисные и переломные периоды общественного развития: материалы XXVI Междунар. науч.-теорет. конф., приуроч. к 70-летию завершения Второй мировой и Великой Отечественной войн, Иваново, 24—26 сент. 2015 г. / отв. ред. В. С. Меметов. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2015. С. 20—21.
- Ледяев В. Г.* Понятие интеллигенции: проблемы концептуализации // Интеллигенция и мир. 2001. № 1. С. 12—18.
- Милуков П. Н.* Интеллигенция и историческая традиция // Вехи: Интеллигенция в России: сб. ст. 1909—1910 / сост. Н. Казакова. М.: Мол. гвардия, 1991. С. 294—381.
- Меметов В. С.* Слово к читателю // Интеллигенция и мир. 2001. № 1. С. 3—4.
- Меметов В. С.* На путях дальнейшего сотрудничества и взаимопонимания // Интеллигенция и церковь: прошлое, настоящее, будущее: материалы XV Междунар. науч.-теорет. конф., Иваново, 23—25 сент. 2004 г. / отв. ред. В. С. Меметов. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2004. С. 3—6.
- Меметов В. С.* О некоторых закономерностях политической культуры интеллигенции // Политическая культура интеллигенции и ее место и роль в жизни общества: материалы XVII Междунар. науч.-теорет. конф., Иваново, 21—23 сент. 2006 г. / отв. ред. В. С. Меметов. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2006. С. 3—6.
- Меметов В. С.* Современное интеллигентоведение: достижения и сохраняющиеся вопросы // Дискуссионные вопросы современного российского интеллигентоведения: материалы XXII Междунар. науч.-теорет. конф., Иваново, 22—24 сент. 2011 г. / отв. ред. В. С. Меметов. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2011. С. 3—5.
- Меметов В. С.* Ответственность российской интеллигенции в кризисные периоды // Ответственность интеллигенции в контексте времени: материалы XXIII Междунар. науч.-теорет. конф., Иваново, 27—29 сент. 2012 г. / отв. ред. В. С. Меметов. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2012. С. 3—6.
- Меметов В. С.* На пути развития современного интеллигентоведения // Интеллигенция современного мира в ее многообразии: материалы XXIV Междунар. науч.-теорет. конф., Иваново, 26—28 сент. 2013 г. / отв. ред. В. С. Меметов. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2013. С. 4—7.
- Меметов В. С.* Интеллигенция / интеллеktуалы и меняющаяся социально-политическая действительность: постановка проблемы // Интеллигенция / интеллеktуалы в кризисные и переломные периоды общественного развития: материалы XXVI Междунар. науч.-теорет. конф., приуроч. к 70-летию завершения Второй мировой и Великой Отечественной войн, Иваново, 24—26 сент. 2015 г. / отв. ред. В. С. Меметов. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2015. С. 3—5.

- Меметов В. С.* О понятийных и интеллектно-образующих связях в современном интеллигентоведении // Специфика социально-политической активности интеллигенции / интеллектуалов в современном мире: материалы XXVII Междунар. науч.-теорет. конф., Иваново, 22—24 сент. 2016 г. / отв. ред. В. С. Меметов. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2016. С. 3—5.
- Меметов В. С.* Российская интеллигенция и правящая элита: проблемы взаимодействия и взаимовлияния // Интеллигенция и интеллигентоведение в начале XXI века: результаты и перспективы: материалы XXX Междунар. науч.-практич. конф., Иваново, 26—27 сент. 2019 г. / отв. ред. В. С. Меметов. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2019. С. 4—7.
- Овсянко-Куликовский Д. Н.* Психология русской интеллигенции // Вехи: Интеллигенция в России: сб. ст. 1909—1910 / сост. Н. Казакова. М.: Мол. гвардия, 1991. С. 382—405.
- Пелевина Е. А.* Основные концепции интеллигенции в зарубежной историографии // Российская интеллигенция в отечественной и зарубежной историографии: тез. докл. межгос. науч.-теорет. конф., Иваново, 20—21 сент. 1995 г. в 2 т. / отв. ред. В. С. Меметов. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1995. Т. 2. С. 450—452.
- Петрова С. Г.* Об особенном пути формирования китайской интеллигенции // Интеллигенция и интеллектуалы: генезис, формирование, развитие, деятельность: материалы XXXI Междунар. науч.-теор. конф., приуроченной к 20-летию журнала «Интеллигенция и мир», Иваново, 23—24 сент. 2021 г. / отв. ред. В. Л. Черноперов. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2021. С. 109—114.
- Порозов В. А.* Развитие понятия «интеллектуал» в отечественном интеллигентоведении // Интеллигенция и мир. 2024. № 1. С. 124—155.
- Порозов В. А., Пересторонина И. Л.* Интеллигенция и интеллектуалы в одном из французских словарей // Интеллигенция современного мира в ее многообразии: материалы XXIV Междунар. науч.-теорет. конф., Иваново, 26—28 сент. 2013 г. / отв. ред. В. С. Меметов. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2013. С. 67—69.
- Проблемы теории и методологии исследования интеллигенции: кол. монограф. / под ред. В. С. Меметова. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2008. 431 с.
- Садина С. С.* Основные принципы отношений «советская интеллигенция — народ»: ретроспективный взгляд // Проблемы теории и методологии исследования интеллигенции: кол. монограф. / под ред. В. С. Меметова. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2008. С. 219—259.
- Смирнов Д. А.* Европейский интеллектуал в кризисные моменты истории начала XX в.: его общественная роль // Интеллигенция: вопросы теории и методологии / под ред. В. С. Меметова. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2010. С. 322—347.

- Смирнов Д. А. «Потерянное поколение» и российский «креативный класс»: исторические параллели // Интеллигенция и интеллектуалы в изменяющейся социально-политической действительности: кол. монограф. / отв. ред. В. С. Меметов, В. Л. Черноперов. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2014. С. 173—189.
- Смирнов Д. А. Трансформации современного мира в критике западноевропейских интеллектуалов // Интеллигенция и интеллектуалы — такие разные ... и похожие. Проблемы самоопределения и деятельности в XX — начале XXI века: кол. монограф. / отв. ред. В. С. Меметов, В. Л. Черноперов. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2016. С. 102—147.
- Соловьев А. А. Методологический дискурс в интеллектуальном поле интеллигенции и Православной Церкви // Интеллигенция: вопросы теории и методологии: кол. монограф. / под ред. В. С. Меметова. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2010. С. 93—111.
- Усманов С. М. Этос интеллектуала: трудные вопросы, неясные ответы // Интеллигенция и мир. 2024. № 3. С. 123—155.
- Шарль К. Интеллектуалы во Франции: вторая половина XIX века / пер. с фр. Г. Галкина и др. М.: Новое изд-во, 2005. 325 с.
- Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии / общ. ред. и посл. ак. А. М. Румянцева, пер. с польского М. М. Гуренко. М.: Прогресс, 1969. 237 с.

References

- Bairau, D. (1994), 'Intelligentsia and power: Soviet experience', *Otechestvennaia istoriia* [Russian History], no. 2: 122—135.
- Bakanova, M. V. (2021), 'Intellectual of British India — Sir Syed Ahmad Khan', in Chernoperov, V. L. (ed.), *Intelligentsiia i intellektualy: genezis, formirovanie, razvitie, deiatel'nost': materialy XXXI Mezhdunarodnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii, priurochennoi k 20-letiiu zhurnala "Intelligentsiia i mir"* [Intelligentsia and intellectuals: genesis, formation, development, activity: proceedings of the XXXI International scientific-theoretical conference dedicated to the 20th anniversary of the journal "Intelligentsia and the World"], Ivanovo, Russia, 23—24 September 2021, *Ivanovskii gosudarstvennyi universitet*, Ivanovo: 137—141.
- Belov, A. A. (2008), 'The place and role of the intelligentsia in the formation and development of the information society', in Memetov, V. S. (ed.), *Problemy teorii i metodologii issledovaniia intelligentsii* [Problems of theory and methodology for studying the intelligentsia], *Ivanovskii gosudarstvennyi universitet*, Ivanovo: 278—346.

- Gasparov, M. L. (1999), 'Intellectuals, intelligentsia, intelligence', in *Rossiiskaia intelligentsiia: istoriia i sud'ba* [Russian intelligentsia: history and fate], Nauka, Moscow, Russia: 5—14.
- Gredeskul, N. A. (1991), 'The turning point of the Russian intelligentsia and its real meaning', in Kazakova, N. (comps.), *Vekhi; Intelligentsiia v Rossii: sbornik statei 1909—1910* [Milestones; Intelligentsia in Russia: collection of articles 1909—1910], Molodaia gvardiia, Moscow, Russia: 227—268.
- Kondrasheva, M. I. (2015), 'The intelligentsia is an intellectual: reflections of an intellectual scholar', in Memetov, V. S. (ed.), *Intelligentsiia/intellektualy v krizisnye i perelomnye periody obshchestvennogo razvitiia: materialy XXVI Mezhdunarodnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii, priurochennoi k 70-letiiu zaversheniia Vtoroi mirovoi i Velikoi Otechestvennoi voyn* [Intelligentsia/intellelectuals in crisis and turning points of social development: proceedings of the XXVI International Scientific and Theoretical Conference dedicated to the 70th anniversary of the end of the Second World War and the Great Patriotic War], Ivanovo, Russia, 24—26 September 2015, Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo: 20—21.
- Kozlova, N. N. (1999), *Sotsial'no-istoricheskaia antropologiia: uchebnik* [Socio-historical anthropology: textbook], Kliuch, Moscow, Russia.
- Kvakin, A. V. (1999), 'Myths and realities of the history of the Russian intelligentsia', in Memetov, V. S. (ed.), *Intelligent i intelligentovedenie na rubezhe XXI veka: Itogi proidennogo puti i perspektivy: tezisy dokladov X Mezhdunarodnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii* [Member of intelligentsia and intelligentsia studies at the turn of the 21st century: Results of the path traveled and prospects: abstracts of the X International Scientific-Theoretical Conference], Ivanovo, Russia, 22—24 September 1999, Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo, Russia: 34—38.
- Kvakin, A. V. (2001a), 'The establishment of Soviet power in Russia and the political positions of the intelligentsia', *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 1: 34—49.
- Kvakin, A. V. (2001b), 'Intellectual elite — intellectuals / intelligentsia: once again about the correlation of concepts', *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 2/3: 166—169.
- Ledyayev, V. G. (2001), 'The concept of intelligentsia: problems of conceptualization', *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 1: 12—18.
- Memetov, V. S. (2001), 'A word to the reader', *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 1: 3—4.

- Memetov, V. S. (2004), 'On the paths of further cooperation and mutual understanding', in Memetov, V. S. (ed.), *Intelligentsiia i tserkov': proshloe, nastoiashchee, budushchee: materialy XV Mezhdunarodnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii* [The intelligentsia and the church: past, present, future: proceedings of the XV International Scientific and Theoretical Conference], Ivanovo, Russia, 23—25 September 2004, Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo: 3—6.
- Memetov, V. S. (2006), 'On some regularities of the political culture of the intelligentsia', in Memetov, V. S. (ed.), *Politicheskaia kul'tura intelligentsii i ee mesto i rol' v zhizni obshchestva: materialy XVII Mezhdunarodnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii* [Political culture of the intelligentsia and its place and role in the life of society: proceedings of the XVII International Scientific and Theoretical Conference], Ivanovo, Russia, 21—23 September 2006, Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo: 3—6.
- Memetov, V. S. (ed.) (2008), *Problemy teorii i metodologii issledovaniia intelligentsii: kollektivnaia monografiia* [Problems of theory and methodology for studying the intelligentsia: collective monograph], Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo, Russia.
- Memetov, V. S. (ed.) (2010), *Intelligentsiia: voprosy teorii i metodologii: kollektivnaia monografiia* [Intelligentsia: issues of theory and methodology: collective monograph], Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo, Russia.
- Memetov, V. S. (2011), 'Contemporary intelligentsia studies: achievements and remaining issues', in Memetov, V. S. (ed.), *Diskussionnye voprosy sovremennogo rossiiskogo intelligentovedeniia: materialy XXII Mezhdunarodnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii* [Controversial issues of modern Russian intelligentsia studies: proceedings of the XXII International Scientific and Theoretical Conference], Ivanovo, Russia, 22—24 September 2011, Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo: 3—5.
- Memetov, V. S. (2012), 'Responsibility of the Russian intelligentsia in periods of crisis', in Memetov, V. S. (ed.), *Otvettvennost' intelligentsii v kontekste vremeni: materialy XXIII Mezhdunarodnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii* [Responsibility of the intelligentsia in the context of time: proceedings of the XXIII International scientific-theoretical conference], Ivanovo, Russia, 27—29 September 2012, Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo: 3—6.
- Memetov, V. S. (2013), 'On the path to the development of modern intellectual studies', in Memetov, V. S. (ed.), *Intelligentsiia sovremennogo mira v ee mnogoobrazii: materialy XXIV Mezhdunarodnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii* [The intelligentsia of the modern world in its diversity: proceedings of the XXIV International Scientific and Theoretical Conference], Ivanovo, Russia, 26—28 September 2013, Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo: 4—7.

- Memetov, V. S. (2015), 'Intelligentsia / intellectuals and the changing socio-political reality: statement of the problem', in Memetov, V. S. (ed.), *Intelligentsiia / intellektualy v krizisnye i perelomnye periody obshchestvennogo razvitiia: materialy XXVI Mezhdunarodnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii, priurochennoi k 70-letiiu zaversheniia Vtoroi mirovoi i Velikoi Otechestvennoi voyn* [Intelligentsia/intellectuals in crisis and turning points of social development: proceedings of the XXVI International Scientific and Theoretical Conference dedicated to the 70th anniversary of the end of the Second World War and the Great Patriotic War], Ivanovo, Russia, 24—26 September 2015, Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo: 3—5.
- Memetov, V. S. (2016), 'On conceptual and intellectual-formative connections in modern intellectual studies', in Memetov, V. S. (ed.), *Spetsifika sotsial'no-politicheskoi aktivnosti intelligentsii / intellektualov v sovremennom mire: materialy XXVII Mezhdunarodnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii* [Specifics of socio-political activity of the intelligentsia / intellectuals in the modern world: proceedings of the XXVII International Scientific and Theoretical Conference], Ivanovo, Russia, 22—24 September 2016, Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo: 3—5.
- Memetov, V. S. (2019), 'Russian intelligentsia and the ruling elite: problems of interaction and mutual influence', in Memetov, V. S. (ed.), *Intelligentsiia i intelligentovedenie v nachale XXI veka: rezul'taty i perspektivy: materialy 30-i Mezhdunarodnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii* [Intelligentsia and intelligentsia studies at the beginning of the XXI century: results and prospects: proceedings of the 30th International Scientific and Theoretical Conference], Ivanovo, Russia, 26—27 September 2019, Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo: 4—7.
- Memetov, V. S. and Chernoperov, V. L. (eds) (2014), *Intelligentsiia i intellektualy v izmeniaiushcheisia sotsial'no-politicheskoi deistvitel'nosti: kollektivnaia monografiia* [Intelligentsia and intellectuals in a changing socio-political reality: a collective monograph], Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo, Russia.
- Memetov, V. S. and Chernoperov, V. L. (eds) (2016), *Intelligentsiia i intellektualy — takie raznye ... i pokhozhie. Problemy samoopredeleniia i deiatel'nosti v XX — nachale XXI veka: kollektivnaia monografiia* [The intelligentsia and intellectuals are so different... and similar. Problems of self-determination and activity in the XX — early XXI centuries: collective monograph], Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo, Russia.
- Memetov, V. S., Kazanin, I. E., Malaya, V. G. and etc. (2001), 'Intelligentsia studies: problems of establishing a new university course: pros and cons', *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 1: 53—60.

- Milyukov, P. N. (1991), 'Intelligentsia and historical tradition', in Kazakova, N. (comps.), *Vekhi; Intelligentsiia v Rossii: sbornik statei 1909—1910* [Milestones; Intelligentsia in Russia: collection of articles 1909—1910], Molodaia gvardiia, Moscow, Russia: 294—381.
- Ovsyaniko-Kulikovskiy, D. N. (1991), 'Psychology of the Russian intelligentsia', in Kazakova, N. (comps.), *Vekhi; Intelligentsiia v Rossii: sbornik statei 1909—1910* [Milestones; Intelligentsia in Russia: collection of articles 1909—1910], Molodaia gvardiia, Moscow, Russia: 382—405.
- Pelevina, E. A. (1995), 'Basic concepts of the intelligentsia in foreign historiography', in Memetov, V. S. (ed.), *Rossiiskaia intelligentsiia v otechestvennoi i zarubezhnoi istoriografii: tezisy dokladov mezhdunarodnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii* [Russian intelligentsia in domestic and foreign historiography: abstracts of reports of the interstate scientific and theoretical conference], Ivanovo, Russia, 20—21 September 1995, vol. 2, Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo: 450—452.
- Petrova, S. G. (2021), 'On the special path of formation of the Chinese intelligentsia', in Chernoperov, V. L. (ed.), *Intelligentsiia i intellektualy: genezis, formirovanie, razvitie, deiatel'nost': materialy XXXI Mezhdunarodnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii, priurochennoi k 20-letiiu zhurnala "Intelligentsiia i mir"* [Intelligentsia and intellectuals: genesis, formation, development, activity: proceedings of the XXXI International Scientific and Theoretical Conference dedicated to the 20th anniversary of the journal "Intellectuals and the World"], Ivanovo, Russia, 23—24 September 2021, Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo: 109—114.
- Porozov, V. A. (2024), 'Development of the concept of "intellectual" in domestic intelligentsia studies', *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the world], no. 1: 124—155.
- Porozov, V. A. and Perestoronina, I. L. (2013), 'Intelligentsia and intellectuals in one of the French dictionaries', in Memetov, V. S. (ed.), *Intelligentsiia sovremennogo mira v ee mnogoobrazii: materialy XXIV Mezhdunarodnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii* [The intelligentsia of the modern world in its diversity: proceedings of the XXIV International Scientific and Theoretical Conference], Ivanovo, Russia, 26—28 September 2013, Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo: 67—69.
- Sadina, S. S. (2008), 'Basic principles of the relationship "Soviet intelligentsia — people": a retrospective view', in Memetov, V. S. (ed.), *Problemy teorii i metodologii issledovaniia intelligentsii: kollektivnaia monografiia* [Problems of theory and methodology for studying the intelligentsia: collective monograph], Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo, Russia: 219—259.

- Sharl, K. (2005), *Intellektualy vo Frantsii: Vtoraia polovina XIX veka* [Intellectuals in France: Second half of the 19th century], Translated by G. Galkin & others, Novoe izdatel'stvo, Moscow, Russia.
- Shchepansky, Ya. (1969), *Elementarnye poniatiia sotsiologii* [Elementary concepts of sociology], in Rumyantseva, A. M. (ed.), transl. from Polish by M. M. Gurenko, Progress, Moscow, Russia.
- Smirnov, D. A. (2010), 'European intellectual in crisis moments of history of the early twentieth century: his social role', in Memetov, V. S. (ed.), *Intelligentsiia: voprosy teorii i metodologii* [Intelligentsia: issues of theory and methodology], Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo, Russia: 322—347.
- Smirnov, D. A. (2014), "“Lost Generation” and the Russian “creative class”: historical parallels', in Memetov, V. S. and Chernopero, V. L. (eds.), *Intelligentsiia i intellektualy v izmeniaiushcheisii sotsial'no-politicheskoi deistvitel'nosti: kollektivnaia monografiia* [Intelligentsia and intellectuals in a changing socio-political reality: a collective monograph], Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo, Russia: 173—189.
- Smirnov, D. A. (2016), 'Transformations of the modern world in the criticism of Western European intellectuals', in Memetov, V. S. and Chernopero, V. L. (eds), *Intelligentsiia i intellektualy — takie raznye ... i pokhozhie. Problemy samoopredeleniia i deiatel'nosti v XX — nachale XXI veka: kollektivnaia monografiia* [The intelligentsia and intellectuals are so different... and similar. Problems of self-determination and activity in the XX — early XXI centuries: collective monograph], Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo, Russia: 102—147.
- Soloviev, A. A. (2010), 'Methodological discourse in the intellectual field of the intelligentsia and the Orthodox Church', in Memetov, V. S. (ed.), *Intelligentsiia: voprosy teorii i metodologii: kollektivnaia monografiia* [Intelligentsia: issues of theory and methodology: collective monograph], Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo, Russia: 93—111.
- Usmanov, S. M. (2024), 'The intellectual ethos: difficult questions, unclear answers', *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 3: 123—155.
- Vozilov, V. V. (2013), 'Methodological aspects of the content of the concept of “members of intelligentsia / intellectuals”', *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 1: 9—16.
- Vozilov, V. V. (2012), 'On the question of the content of the concept of “members of intelligentsia / intellectuals”', in Memetov, V. S. (ed.), *Otvetstvennost' intelligentsii v kontekste vremeni: materialy XXIII Mezhdunarodnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii* [Responsibility of the intelligentsia in the context of time: proceedings of the XXIII International scientific-theoretical conference], Ivanovo, Russia, 27—29 September 2012, Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo: 19—22.

Zolotarev, O. V. (2012), 'Post-Soviet intelligentsia: does dawn come after night?', in Memetov, V. S. (ed.), *Otvetstvennost' intelligentsii v kontekste vremeni: materialy XXIII Mezhdunarodnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii* [Responsibility of the intelligentsia in the context of time: proceedings of the XXIII International scientific-theoretical conference], Ivanovo, Russia, 27—29 September 2012, Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo: 6—9.

Статья поступила в редакцию 02.12.2024; одобрена после рецензирования 23.12.2024; принята к публикации 25.12.2024.

The article was submitted 02.12.2024; approved after reviewing 23.12.2024; accepted for publication 25.12.2024.

Информация об авторе / Information about the author

В. А. Порозов — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии и общественных наук, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, Россия.

V. A. Porozov — Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia.

ИЗ АРХИВНЫХ ФОНДОВ FROM ARCHIVAL FUNDS

Интеллигенция и мир. 2025. № 2. С. 149—167.

Intelligentsia and the World. 2025. No. 2. P. 149—167.

Из архивных фондов

УДК 792.075/077(091)(470.315)

EDN <https://elibrary.ru/smpnyk>

DOI: 10.46725/IW.2025.2.7

**ПЕРЕПИСКА ГЛАВНОГО РЕЖИССЕРА
ИВАНОВСКОГО МОЛОДЕЖНОГО НАРОДНОГО
ТЕАТРА Р. М. ГРИНБЕРГ И КОЛЛЕКТИВА ТЕАТРА
С ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ТВОРЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ
МОСКОВСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ
(Продолжение. Начало: «Интеллигенция и мир». 2024.
№ 1. С. 156—171; № 2. С. 165—189;
№ 4. С. 153—170; 2025. № 1. С. 148—168)**

Сергей Валерьевич Точенов

Ивановский государственный университет, Иваново, Россия,
stochenov@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9164-9988>

Ключевые слова: Регина Гринберг, Ивановский молодежный народный театр, творческая элита московской интеллигенции

Для цитирования: Точенов С. В. Переписка главного режиссера Ивановского молодежного народного театра Р. М. Гринберг и коллектива театра с представителями творческой элиты московской интеллигенции (Продолжение. Начало: «Интеллигенция и мир». 2024. № 1. С. 156—171; № 2. С. 165—189; № 4. С. 153—170; 2025. № 1. С. 148—168) // Интеллигенция и мир. 2025. № 2. С. 149—167.

From archival

**CORRESPONDENCE
BEETWEEN THE CHIEF DIRECTOR
OF THE IVANOVY YOUTH PEOPLE'S THEATRE
R. M. GRINBERG AND THE THEATRE STAFF
WITH REPRESENTATIVES
OF THE MOSCOW INTELLIGENTSIA CREATIVE ELITE
(Continuation. Beginning: "Intelligentsia
and the World". 2024, no. 1: 156—171; no. 2: 165—189;
no. 4: 153—170; 2025, no. 1: 148—168))**

Sergey V. Tochenov

Ivanovo State University, Ivanovo, Russia,
stochenov@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9164-9988>

Keywords: Regina Grinberg, Ivanovo Youth People's Theatre, the Moscow intelligentsia creative elite

For citation: Tochenov, S. V. (2025), 'Correspondence between the chief director of the Ivanovo Youth People's Theatre R. M. Grinberg and the theatre staff with representatives of the Moscow intelligentsia creative elite (Continuation. Beginning: "Intelligentsia and the World". 2024, no. 1: 156—171; no. 2: 165—189; no. 4: 153—170; 2025, no. 1: 148—168)', *Intelligentsia i mir [Intelligentsia and the World]*, no. 2: 149—167 (in Russ.).

Г. Поженин¹

**Коллектив театра — Г. Поженину
Черновик письма 1985 г.²**

Уважаемый Григорий Михайлович!

Мы обращаемся к Вам с сигналом «SOS». Нам очень нужна срочная помощь. После выхода Вашей статьи³, а также статьи

¹ В 1980 году на сцене Молодежного театра был поставлен спектакль на стихи Г. Поженина «Спешите делать добрые дела». Сам поэт приезжал в Иваново в 1984 году, присутствовал на спектаклях, выступал перед зрителями.

² Датировано по содержанию.

³ Речь идет о статье «Должен что-то сказать» в «Советской культуре» от 17 сентября 1985 года.

в ж[урна]ле «Молодой коммунист»⁴ (№ 1, 1985 г.) положение театра не только не улучшилось, напротив, усугубилось.

Статьи встречены бурей негодования в инстанциях. Вместо помощи театру — упреки, угрозы... Все удары летят, разумеется, в Регину Михайловну. Кроме существующих проблем, которые и без того обострились, прибавилась еще и эта. Регина Михайловна в кризе, выбита из колеи.

В данной ситуации очень нужна помощь Москвы. Подобные ситуации в театре были, и разрешались они только после вмешательства друзей. Мы убеждены, что, появившись Вы здесь, хотя бы на два дня, всё было бы по-другому.

Понимая, что это, скорее всего, невозможно, мы просим Вас подумать, может быть, кто-то смог бы приехать. Если бы Вы смогли нам помочь, мы были бы Вам очень признательны.

О. Табаков⁵

Р. Гринберг — О. Табакову⁶

Копия письма 1990 г.⁷

Дорогой Олег Павлович!

Мне переслали из Перми молодежную газету с Вашим интервью. Спасибо за добрые слова. «И кошке приятно»⁸, как сказал Сашенька⁹, наша с Вами общая любовь.

⁴ Ежемесячный общественно-политический и теоретический журнал ЦК ВЛКСМ. По содержанию и форме был ориентирован на руководящих комсомольских работников и членов комсомольского актива.

⁵ Обращения Р. Гринберг к О. Табакову, возглавлявшему на тот момент Школу-студию МХАТ и Московский театр «Табакерка», в 1990 и 1996 годах были связаны с существующими проблемами в функционировании театра (1990), пожаром и уничтожением практически всей его материальной базы (1996). Результатом переписки стала помощь в 10 млн (до деноминации) рублей из Фонда О. Табакова.

⁶ Скорее всего, это письмо по каким-то причинам не было отправлено. Об этом свидетельствует содержание следующего письма от 1996 года.

⁷ Датировано по содержанию.

⁸ Фраза из пьесы А. Володина «Старшая сестра».

⁹ Предположительно, исходя из формулировки предшествующей фразы, речь идет об А. Володине. Табаков и Володин были хорошо

Но сейчас не о том речь. У нас беда. Несколько слов о себе, о театре. Существоем мы не 20, а 33 года, в сентябре открыли 33-й сезон. Ровесники «Современника». Я после окончания МГУ получила направление в Иваново как лектор, преподаватель вуза. Выросла не так в МГУ (в смысле не так на факультете), как в студенческом театре. В Иваново сразу же начала создавать театр и ... увязла. Так сказать, «сожгла мосты». Один из главных «виновников» — Олег Ефремов. Именно он (вместе с Галей Волчек) приехали от ЦК комсомола на просмотр первого спектакля (Галич — «Походный марш»). Потом — четырехчасовая беседа с Олегом. И я, как послушная ученица, переиграла свою жизнь. Оставила преподавание и продолжала «строить» этот Театр. Но Олег полагал, что на каком-то этапе театр профессионализируется. Этого не произошло. К этому не стремились. А если бы случилось это — ничего похожего на то, что удалось создать, не было бы. Театр с уникальным репертуаром, лишь первое пятилетие ставящий наряду с поэтическими представлениями — пьесы. А потом — только пьесы из стихов, родившиеся поэтические представления. Как это удавалось, знаю лишь я, Господь Бог и те врачи, которые спасали меня после и перед каждой премьерой. Еще знают И. К. Сидорина (зав[едующая] кабинетов [театров] народных театров и студий, много раз (практически на каждый спектакль) направлявшая спасательную команду критиков) и многие <нрзб> журналисты из «Комсомолки», «Сов[етской] культуры», «Известий», «Правды», «Молодого коммуниста», «Театра»¹⁰ и т. д. Идеологические ярлыки, которые вешались на каждый спектакль (на каждый), беспрецедентны. *Даже в сравнении с Таганкой.* Забыла сказать, где-то на 3-м году биографии театра поехала на Высшие режиссерские курсы. Официально была на стажировке у Плучека, а фактически на Таганке, поэтому знаю всё не по прессе, а как очевидец.

знакомы. Табаков читал на радио его пьесы, предложил Н. Михалкову снять фильм по пьесе Володина «Пять вечеров» Да и памятник драматургу в Москве расположен у входа в «Табакерку» (Московский театр Олега Табакова).

¹⁰ «Театр» — советский и российский журнал драматургии, театра и театральной критики. Основан в 1937 году.

Иваново — особый город. За последние 25 лет в т[еат]ре Драмы сменилось около 20 режиссеров. Среди них были и приличные. В театре Музыкальной комедии — более 10. О любительских театрах я и не говорю. Вообще в Иванове какая-то патологическая страсть к «соединениям в комплекс» несоединимого. Вы, конечно, читали о театральном комплексе под крышей так называемого Дворца искусств. Соединили и цеха, и администрацию, угробив все три¹¹. Правда, кукольникам удалось как-то вырваться из общей упряжки. Об истории с Красной церковью Вы, вероятно, тоже слышаны («Огонек» № 28 и почти вся центральная пресса). В результате удалось решить в пользу верующих, но... Во-первых, без права отпевания! Покойники нам не нужны!!! И что самое курьезное — комплексное решение. Так сказать, «совмещенный» конгломерат. С одной стороны — церковь, с другой — музей-выставка прикладного искусства. Тоже под одной крышей! Художественный музей ремонтируется 17 лет (там уникальнейшие запасники), научная библиотека в аварийном состоянии, фонды закрыты. Книги и периодика, датированные до 70 г. — не выдаются. А в городе шесть вузов, университет, огромное количество всевозможных НИИ союзного значения. Мяса нет, мыло и сахар — по карточкам, но город — танцует. Дискотечное наваждение. Везде. В каждой школе, каждом вузе, в каждом клубе и Доме культуры, в каждом ресторане — везде. Последние годы еще и видеочума. Тоже везде. Буквально на каждом пятакке — 5—6. Это главный (и единственный) вид «досуга».

Нас величают «Оазис». К нам ходят. Последние 10 лет регулярно (почти на каждый спектакль) приезжают из других городов. В одиночку и, так сказать, «рядами и колоннами». Не говорю уж о Москве и Ленинграде. Это всегда было¹². Владимир, Ярославль, Кострома, Александров, а также, поверьте, не преувеличиваю, Челябинск, Свердловск, Горький, Рига и т. д. Но самое удивительное — область: Кинешма, Вичуга, Шуя, Тейково, Родники и т. д. Область — это результат последнего пятилетия. Раньше — единицы были. В общем, ей богу, мы очень нужны.

¹¹ Так в тексте. Видимо, пропущено слово «театра». Предложение вписано над строкой.

¹² Предложение вписано над строкой.

Людам. В ближайшее время перепечатаю и пришлю Вам анкеты (ну, хоть несколько десятков). А вообще их тысячи. Анкетируем уже более 10 лет. Каждый спектакль.

Всё это — увертюра, так сказать, предлагаемые обстоятельства. А теперь — о сути. Все-таки нас приканчивают. Вынесли «застой», вынесли трехгодичные ремонты (скорее не ремонты, а «операции»). Ремонт: снимали крышу, снимали перекрытия, полы снимали, на бюро обкома неоднократно обсуждали и осуждали репертуар наш («антисоветский»), травили в прессе, пытались даже уголовное дело возбудить против артистов-общественников (давно), а когда «завалились», не нашли возможным даже извиниться. В общем, как-то выживали вопреки здравому смыслу.

«Комсомолка» еще к 20-летию сам факт существования нашего назвала «очевидным-невероятным». А сейчас — никаких надежд. Сегодняшняя операция называется «Людочка Шлык». Член бюро ВЛКСМ прядильного производства. Ее руками начата очередная кампания¹³. Цель — организовать на месте театра видеобизнес и стационарную дискотеку. Высылаю публикации. Их три, на днях будет четвертая.

На оборудование сцены и репетиционного класса (больше у нас ничего нет) ушло ни много ни мало тридцать лет! Всё делалось руками. Удалось подключить «Гипротеатр», «Теамонтаж», «Гостеасвет». СТД направляло квалифицированнейших специалистов, технологов сцены. В общем, здесь — база. Повторяю: тридцать лет адского труда на ее создание. А театр наш — мыслит киношно. Свет — скажу сейчас, может быть, с Вашей точки зрения, крамолу страшную — мне не менее необходим, чем актер. Без этой базы летит весь репертуар. Организаторы (истинные) кампании — секретарь парткома и ее зам[еститель], комитет комсомола. Цель — всё та же (популизм в классической форме). Предвыборная кампания, нужно во что бы то ни стало «уважить» и «ублажить» наиболее серую массу рабочих. Вот есть театр. Он мешает диско и видеотекам. Он мешает рабочим. Кстати, у них

¹³ Начало «кампании» положила статья Л. Шлык «Нужен ли фабрике театр-студия», опубликованная 05.09.89 в многотиражной газете фабрики им. Балашова «Балашовец».

прекраснейший актовый зал, сцена, фойе, в общем, отличное помещение, которое хронически на замке. В публикациях нет ни¹⁴ слова правды. Нам со всех сторон советуют подать в суд за клевету. Но на это всё сил нет.

Самое страшное — убивается здоровье, творческий потенциал. Я сейчас очень болею (гипертония с кризами, «пламенный мотор» барахлит, и полное истощение нервной системы). Эта тряска продолжается уже два года, активизирована с самого начала сентября. Буквально со дня открытия. Ребята устали бороться за существование. «Ребята» — это преподаватели вузов, начальник лаборатории большого завода, преподаватели техникумов, ведущий инженер, главный конструктор, ст[арший] научный сотрудник и т. д.

У всех семьи, дети. Они репетируют, они играют, но ходить по инстанциям, писать, отстаивать на этом [отрезке] стадии жизни *не могут*. Всё кончается. Агония.

Члены худсовета дали телеграмму Ульянову. Но здесь настроены воинственно. И у них солидная (теневая) поддержка. А те, которые не поддерживают — наблюдают со стороны. Ведь у всех выборы на носу.

Я не знаю, какая¹⁵ форма вмешательства возможна с Вашей стороны. Может быть, как-то сообща. Может быть, с О. Ефремовым. Лучшая форма — письмо в обком. Но обратилась не я — коллектив любителей. Это эффективнее. А самое лучшее — организовать бы приезд (только срочно), скажем, Агишевой¹⁶ или ей подобных. До заседания трудового коллектива осталось, кажется, десять дней!

Знаю Вашу занятость и всё же пишу не только Вам. Как тот самый мальчик, который в ночь на рождество не ложился спать. Пишу одновременно десяти «Константинам Макарычам»¹⁷.

¹⁴ Слово вписано над строкой.

¹⁵ Слово вписано над строкой.

¹⁶ Агишева Нина Дмитриевна — театральный обозреватель и кинокритик, кандидат филологических наук. Автор ряда статей по проблемам развития современного театра. Член Союза театральных деятелей и Союза кинематографистов России.

¹⁷ Персонаж рассказа «Ванька» А. П. Чехова.

Если можете, помогите!

Подпись

Р. С. Только не надо в ВЦСПС обращаться. Для них ничего не значит отдельно взятый театр, по сравнению с желанием Людочки Шлык шить, вязать и балдеть на диско и видеотеке. Потому что гегемон она — Людочка Шлык... Ситуация типичная.

Р. Гринберг — О. Табакову

Копия письма 1996 г.¹⁸

Дорогой Олег Павлович!

Несколько лет назад мне переслали из Перми молодежную газету с Вашим интервью. Запоздалое спасибо за добрые слова. Я тогда сразу же села за письмо Вам, но закрутилась.

У нас беда. Свидетельства беды — в этом конверте. Достаточно подробно. Аналогичные пакеты направляем в несколько московских театров.

Очень нуждаюсь в *Вашем совете*, но сначала несколько слов о себе, о театре. Молодежный музыкально-поэтический театр-клуб имени Владимира Высоцкого (название громоздкое, но выражающее суть) — ровесник «Современника». Будущий сезон (если он состоится) — сороковой.

Я оказалась в Иванове случайно (после окончания МГУ приехала по распределению на лекторскую работу), полагая, отработав три года, вернуться в Москву. Но... начала создавать театральную студию и... увязла, так сказать, «сожгла мосты». А «виноват в том» Олег Ефремов. Именно он (вместе с Галей Волчек) приехал на просмотр первого спектакля (А. Галич — «Походный марш») и решил судьбу театра и мою судьбу тоже. К моменту его приезда не было ни помещения, ни одной штатной единицы, репетировали ночами после последнего киносеанса. Четырехчасовая беседа (я ученица), я переиграла свою жизнь. Оставила преподавание и продолжала строить этот театр. Позже окончила режиссерские курсы, получила ряд интересных приглашений в театры, в том числе московские, но бросить свое детище не смогла... И, говорят, театр выстроила. Говорят, уникальный,

¹⁸ Датировано по содержанию.

авторский. Как это всё удалось в городе первого в России общегородского Иваново-Вознесенского Совета рабочих депутатов — знал лишь господь Бог и те врачи, которые спасали меня перед каждой премьерой. И еще ВТО, направлявшее на каждую сдачу спасательную команду критиков. И еще журналисты центр[альных] газет тоже знают, как всё это удавалось. Идеологические ярлыки приклеивались к каждому спектаклю (к каждому!). Тем не менее, мы первые (за два года до Таганки) поставили Высоцкого (трилогию), первыми — Цветаеву (сначала «Настал черед», последняя премьера — «Лебединый стан»), до Таганки поставили Вознесенского («Параболу» и «Озу» оформлял Э. Неизвестный), позже — «Мозаику» (тоже по Вознесенскому), Окуджаву и т. д. Не концерты, а именно спектакли, со своеобразной драматургией, из стихов родившейся.

У нас всегда аншлаги, на каждом спектакле зрители из других городов, нас называют «Оазис». В общем, мы очень нужны людям. Особенно повторяю, в удушливой атмосфере дискотечно-видеосалонного и красноречивого града Советов.

Экономическая удавка затянулась еще до пожара.

Парадоксально, но факт. Пережили застой с провинциальными анекдотами, перенесли всевозможные идеологические экзекуции. И выжили все-таки. А сейчас... Сейчас ивановское руководство решило рассчитаться с нами за старые «грехи». Они и не скрывают, что театр этот им не нужен¹⁹ (нужен фестиваль «Играй гармонь»²⁰). Даже на чрезвычайную ситуацию, в которой оказался театр после пожара — не реагируют никак.

Потому что молодежный театр — не государственный.

О ситуации нашей несколько лет назад очень точно написала Алла Боссарт (в «Огоньке»²¹), фрагмент этой статьи высылаю.

Апеллировать к нашим большевикам — бессмысленно. Спасти театр может только вмешательство извне. Апеллировали в Фонд культуры (Михалков был в Иванове, ему передали письмо худсовета). Пока глухо.

¹⁹ Шесть слов вписано над строкой.

²⁰ Первый фестиваль состоялся в 1990 году, с 1994 — стал международным. Всего прошло XV фестивалей, последний — в 2018 году.

²¹ Боссарт А. Ивановский синдром // Огонёк. 1990. № 48.

Если бы Вы смогли сообщить мне координаты Фонда Сороса [см.: ИиМ. 2025. № 1. С. 158, сн. 26 — С. Т.], Фонда Ростроповича и еще каких-то фондов, о которых я не знаю — была бы Вам очень признательна.

Если московские театры откликнутся какой-то вещественной помощью (что нужно в первую очередь — в статье «Если есть — помоги, если нет — помоги» («Частник»²²) — будет очень здорово, но нужны ведь еще деньги. И немалые. И на восстановление хотя бы малой сцены (проект, оборудование), и на содержание театра. Восстановить то, что было, всё равно не удастся (для этого потребовалась бы как минимум еще одна жизнь), но какой-то скромный вариант. В Ивановские банки обращалась. Тщетно. К предпринимателям — тоже. И тоже тщетно. Что касается руководства (и главное — комитета по культуре), то они *активно не хотят* (и не скрывают этого), чтобы театр наш воскрес (см[отрите] фрагмент статьи Аллы Боссарт).

Очень жду Вашего совета куда, к кому еще обратиться, чтобы спасти театр. Моя фантазия, увы, иссякла.

С глубоким уважением и преклонением перед тем, что Вы делаете.

Регина Гринберг

Р. S. И все-таки, вопреки всему, не теряю надежды. Потому что живут еще на свете шестидесятники.

Р. Гринберг — О. Табакову

Копия письма 24.XI.96

Дорогой Олег Павлович!

Сердечно благодарю за «сосердцанье», за помощь. Откликнуться сразу не могла. Болею. Пламенный мотор барахлит.

У нас, к сожалению, всё в той же стадии. Даже хуже. Может ли быть еще хуже? Оказывается, может.

Непременно напишу Вам более подробно и внятно, но не сейчас. Вопреки всему, даже здравому смыслу, надеюсь на какой-то выход. Еще и еще раз спасибо.

Привет от погорельцев.

До свидания.

Регина Гринберг

²² «Частник» — ивановская газета, издававшаяся с 1992 года.

Р. Гринберг — О. Табакову
Черновик письма 1996 г.²³

Дорогой Олег Павлович!

Сердечно благодарю Вас за поддержку, за «сосердцанье» «в дни неслыханно болевые»...

У нас всё в той же стадии, но проявления человеческого участия (увы, редкие) держат на этой земле.

Надеюсь в ближайшее время приподняться (сейчас я больна) и написать Вам более подробно и внятно.

Еще раз благодарю за столь оперативный отклик.

Да хранит Вас господь!

Регина Гринберг

А. Володин²⁴

Р. Гринберг — А. Володину
Черновик письма июль 1993 г.²⁵

Дорогой Саша!

Премьера — завтра. С момента выхода статьи (репортажа с генеральной репетиции)²⁶ — многое изменилось в спектакле. Называется он не «Одноместный трамвай», а «Элегия» (монолог — исповедь). Это, во-первых. А про «во-вторых, третьих, четвертых» напишу сразу после премьеры. Пока боюсь. Сглазить боюсь...

А с театром пока всё то же. И всё то же «начальство с приостывшей кровью, сидит... печальной толпой»²⁷. Наш случай — уникален. Здесь не в общей ситуации дело (хотя и в ней тоже).

²³ Датировано по содержанию.

²⁴ А. Володин был любимым драматургом Р. Гринберг. Она несколько раз бралась за постановки его пьес («Назначение», «Ящерица»), но по разным причинам не доводила их до конца. Драматург посетил Иваново в 1981 году, встречался с коллективом, участвовал в репетициях «Ящерицы». В 1993 году в театре прошла премьера моноспектакля по произведениям А. Володина «Одноместный трамвай» («Элегия»).

²⁵ Датировано по содержанию.

²⁶ Полосина Т. Звук лопнувшей струны // Рабочий край. 1993. 22 мая.

²⁷ Фраза из стихотворения (без названия) А. Володина из цикла «Стихи разных лет» // Октябрь. 1999. № 1.

На занавесочках и [скатертях] салфетках в купе поезда Москва — Иваново апплицирован монумент с надписью: «Иваново — родина первого Совета». Он везде (по сей день!), на домах, на тротуарах, в парках и садах... А Ивановский университет величают так: «Ивановский государственный имени первого в России общегородского Совета народных депутатов»! Так вот...

Случай клинический, но для киношников потрясающе интересный.

Всё это имеет отношение к спектаклю, потому что «Элегия» — контрапункт всему этому бреду.

Пока не приглашаю, а в будущем сезоне — обязательно!

В вырезке из «Прямой речи» «Стучат топоры»²⁸ — обратите внимание на «изнанку» статьи. Там очень интересно про «шикарных девочек», которыми можно «полюбоваться издалека» или «насладиться в полной мере сидя за столиком...» (!?)

Вообще и статья эта, и «изнанка» ее дает представление об атмосфере...

Впрочем, судя по телерепортажам и публикациям — в Питере тоже красиво...

Высылаю несколько вырезок. «Звук лопнувшей струны» — это про «Элегию» («Одноместный трамвай»).

После премьеры позвоню и напишу.

Приветы близким.

Целую.

Регина.

Р. С. «Лебединый стан» и «Элегия» — (последние премьеры) — неопровержимое доказательство того, что жизнь после смерти все-таки существует!

Р. Гринберг — А. Володину

Черновик письма (первый вариант) август 1993 г.²⁹

Дорогой Саша!

Закончился наконец-то этот «выдающий» сезон. Много он «выдал» всякого. Но и я ему (мы ему) тоже навывадали.

²⁸ Ефремов А. Стучат топоры // Прямая речь. 1993. 2 марта.

²⁹ Датировано по содержанию.

Сто раз садились за стол, сто раз выводила «дорогой Саша» и сто раз [не могла] откладывала [в ожидании положительных эмоц[ий], лучшего настроения, что ли. Вот потому, что не могла обойтись без жалоб]. Ну вот никак — и всё тут. «Одноместный трамвай» — премьера *вопреки*. Всеми и всем вопреки, даже здравому смыслу. Не буду конкретизировать, посылаю вырезки (1/100 того, что в этом сезоне написано).

Саша, они пришли — «молодые стальные ребята». Они не только в ларьках и кабинетах, они всюду. Театр наш — какой-то «корабль чудаков», который вроде бы держится еще кое-как, но...

Ко всему еще, в Иванове, как нигде, тот самый «атмосферный столб» давящий, сплюсывающий всё живое. Так и живем — сплюсненные.

А премьера прошла успешно. Эта статья («Звук лопнувшей струны» — вышла еще до премьеры, сразу после сдачи). Была еще одна («Никогда не пейте с неприятными людьми»³⁰), тоже очень хвалебная, но, в отличие от первой — глупенькая. У меня пока один экземпляр, скопирую — пришлю.

Витя Глазунов³¹ на сцене впервые. Адская работа восьми месяцев. Сделано почти невозможное, но отнюдь не всё еще. Особенно в монологах, в прозе. А [кроме] музыкальные фрагменты, по-моему, прекрасны (Окуджава, песни Хочинского³², несколько песен [мелодий] на стихи Володина написал сам Витя).

[Репетировали два раза по две недели каждый месяц (Витя живет и работает в Москве)].

Вообще (плюю через левое плечо и стучу по дереву), Витя — явление нетипичное, «антирыночное». [Уже] В театре — 15 лет, из коих 7 — живет в Москве. Аспирантура — защита — докторантура — защита. В 35 — докторская. Все эти московские годы приезжал на каждый спектакль [в качестве] (гитарное сопровождение), а потом — взял за горло. Хочу играть — и всё тут. Предложила Есенина. Начали. Бросили. Потом Окуджаву. Начали,

³⁰ Быков А. Никогда не пейте с неприятными людьми. Рабочий край. 1993. 21 июля.

³¹ Актер молодежного театра.

³² Хочинский Александр Юрьевич (1944—1998) — советский и российский актер театра и кино, бард. Заслуженный артист РСФСР (1980).

отложили (в репертуаре уже есть Окуджава). И, наконец... опять же стуча по дереву и плюя через левое плечо, предложила Володина. С суеверным страхом. Потому что из «Назначения» выбыл Лямин³³, из «Ящерицы» — вскоре после премьеры — Похититель³⁴. [но не ставить в] Дальше — мистика. В конце ноября — инфаркт (малоочаговый). Была не в больнице, дома, вернее — в домашней больнице. Лечил — врач-доброволец. Вылечили (среди зрителей тоже есть «корабли чудаков»).

Когда инфаркт — [лезут всякие итоговые раз] вероятно, все предаются итоговым размышлениям. Что сделано, и что нет. В числе главных НЕТ — спектакль по Володину («Люблю тоскою аортовой свою не рожденную вещь...»³⁵). А он вынашивался годами — этот спектакль.

«Витя, — говорю — сегодня Володина надо ставить, а Окуджаву — завтра» (в театре было три спектакля по Окуджаве, и сейчас — в репертуаре). Включила сначала записи (авторские), потом выдала тексты (он Володина — поэта-эссеиста не знал), и... началось. Открытие: инфаркт надо лечить при помощи Володина, применять по 5—6 часов ежедневно³⁶. «Если жив я назло всем слухам, в том вина твоя и заслуга»³⁷. А[ндрей] В[ознесенский]. Витя оформился на полставки (профессорской) в строительный институт и дважды в месяц приезжал на лекции. Лекции укладывались в 2 дня, а сидел он в Иванове — по неделе в каждый приезд, т. е. две недели каждый месяц, и каждый день 5—6-часовая репетиция.

Второе открытие: лечить инфаркт нужно, [принимая] репетируя Володина по 5—6 часов ежедневно. Врач-доброволец поохал, поохал и... отстал. «Витя, — говорю, — хотелось бы, чтобы в спектакле рукописи на столе оживали: приподнимались, опускались, взлетали, в общем, жили». «Бу[дет] сде[лано]», — отвечает Витя, докторская которого как раз по роботам. Долго

³³ Актер молодежного театра.

³⁴ Актер театра Е. Орлов.

³⁵ Строка из стихотворения А. Вознесенского «Монолог актера» (1965).

³⁶ Фраза вписана над строкой.

³⁷ Строка из стихотворения А. Вознесенского «Знаешь, Зоя, теперь без треп...» (1964).

мучились, но фокус удался, правда, пока однообразно они приподнимаются — рукописи, корректируем за счет света. Но обещает что-то еще изобрести. А что дальше? А дальше Бог весть что (см[отрите] вырезки). На Бога — надеюсь.

Если в этом «выдающем» сезоне было аж две премьеры — значит, Бог есть. А больше надеяться не на кого. «Значит, время, время виновато...»³⁸

Ну, вот и весь сказ, «веселенький» сказ. С юмором — напряжение. Через неделю еду в Плёс. Дышать. В Иванове пространство безвоздушное — всесторонне. Живя в Иванове, на самом-то деле, продолжаю жить в Москве, Москвой. Там все. А не как женщина в пьесе³⁹. И вот впервые в жизни год (!) без Москвы.

Такие вот дела.

Будет желание ответить — рада буду.

[Если] Плес, Фурмановский р[ай]он. Дом творчества СТД. Буду там с 10/VIII 18 дней.

Р. Гринберг — А. Володину

Копия письма (второй вариант) август 1993 г.⁴⁰

Дорогой Саша!

Сто раз садилась за стол и сто раз выводила «Дорогой Саша». А дальше — ну вот никак, и всё тут... «Одноместный трамвай» — премьера — вопреки. Всему и всем вопреки. И здравому смыслу тоже. Не буду конкретизировать, посылаю вырезки. Это 1/10 публикаций сезона и 1/100 всех проблем...

Саша, ты пророк. Они пришли — «молодые стальные ребята», они не только в ларьках и кабинетах — всюду. Театр наш — какой-то «корабль чудаков», который, накренившись, держится еще как-то. Но... Премьера состоялась, значит, «кораблик не из газеты вчерашней»⁴¹. Статья та — «Звук лопнувшей струны» — вышла на деле открытой генеральной, и потом была еще одна

³⁸ Не удалось установить, кого цитирует Р. Гринберг.

³⁹ Шесть слов вписано над строкой. Предположительно, Р. Гринберг намекает на героинь пьесы А. П. Чехова «Три сестры».

⁴⁰ Датировано по содержанию предыдущего письма.

⁴¹ Фраза (без частицы «не») — из стихотворения Р. Рождественского «Кораблик». Песню на эти стихи исполнила Т. Доронина в фильме «Еще раз про любовь» (1967).

(«Никогда не пейте с неприятными людьми»), тоже хвалебная, но глупенькая. На днях сделаю ксерокопию и пришлю.

Витя Глазунов на сцене впервые. Начали в декабре, премьера — 7 июля. Сыграли всего два раза, если новый сезон откроется все-таки — будем еще много репетировать. [И] хоть принят спектакль на ура, я-то вижу, в прозаических эпизодах еще не всё как хотелось бы. А в музыкальных, по-моему, здорово.

Вообще, (плюю через левое плечо и стучу по дереву), Витя — явление не типичное, «антирыночник» что ли. В театре — 15 лет: из них 7 — живет в Москве (аспирантура — защита — докторантура — защита — работа в Московском НИИ, в 35 лет докторская). Все эти годы (даже в канун защиты) приезжал на каждый спектакль (гитарный аккомпанемент за сценой, на любительских началах, разумеется). Потом начали моносpectакль по Окуджаве. Отложили. В репертуаре сегодняшнем есть Окуджавский спектакль (а вообще-то было три). Отложили, и опять же, стуча по дереву и плюя через левое плечо, предложила моносpectакль по Володину. С суеверным страхом. Потому что из «Назначения» до премьеры выбыл Лямин, а из «Ящерицы» — Похититель (очень мало играли). Дальше — мистика. В конце ноября — инфаркт (правда, *малоочаговый*). Была не в больнице, дома, вернее устроил мне домашнюю больницу врач-доброволец, любитель (кандидат мед[ицинских] наук). Оказывается, и среди зрителей есть «корабли чудаков».

Когда инфаркт, очевидно, все предаются размышлениям на тему «итоги». Что свершилось, а что, наоборот, не свершилось. В чисто главных НЕ — спектакль по Володину, задуманный давным-давно («Люблю тоскою аортовой свою не рожденную вещь». А[ндрей] В[ознесенский]).

«Витя, — говорю — сегодня Володина будем ставить, а Окуджаву завтра». Витя не знал поэта, эссеиста, прозаика Володина. Включила авторские записи, и выдали много, много страниц. «А как же инфаркт?» — говорит Витя. «А что инфаркт, еще лучше, никто не будет мешать и отвлекать никто не будет».

А как же врач?

А врачу поначалу не скажем.

И началось. Открытие: лечить инфаркт нужно при помощи Володина, репетируя по 5—6 часов в день. «Если жив я назло всем слухам, в том вина твоя и заслуга» (Анд[рей] Воз[несенский]). Витя

оформился на полставки профессора в строительный институт (ивановский), чтобы приезжать регулярно (лекции укладывались в два дня, а сидел он в Иванове по неделе в каждый приезд, т. е. две недели в месяц. Да по 5—6 часов репетиции). Второе открытие: именно столько нужно для лечения инфаркта. Умница врач вскоре догадался, сначала протестовал, потом смирился (после очередной беседы о стихотерапии).

Художника, разумеется, не было. «Витя — говорю — хотелось бы, чтобы в спектакле рукописи оживали, подымались, взлетали, снова опускались, в общем, жили». «Бу[дет] сде[лано]», — отвечает Витя, докторская которого как раз по механике, по роботам. Долго мучились, тем не менее фокус удался. Рукописи динамичны. Движение их, правда, пока однообразно, корректируем за счет света. Но обещает что-то еще изобрести. А что дальше? А дальше⁴²

Р. Гринберг — А. Володину
Копия письма⁴³ август 1993 г.⁴⁴

...или *«насладиться в полной мере сидя за столиком»* (!?)

Вообще статья эта и изнанка ее — репортаж об атмосфере Ивановской. Впрочем, в Питере тоже красиво...

Будет желание, ответьте.

155515 Плес, Фурмановского р[айо]на Ивановской обл[асти].
Дом творчества СТД. Гринберг Регине. Буду там с 10/VIII по 28/VIII.

Ивановский адрес: 153022 Велижская д. 10 кв. 83.

И еще. Пришлите мне, пожалуйста, разрешение на инсценировку. Все мои сценарии охраняются, *в любом случае*, пусть охраняется и этот.

И, наконец, самое главное. Необходима комедия абсурда. Про сегодня. Про всё, про это. Трагикомедия. Володина, разумеется. Необходима не только мне, киношникам, «Современнику» (ровеснику, кстати, нашему), в конце концов, просто читателям.

Ждем.

Если будущий сезон откроется, конечно же, приглашу.
Целую.

Регина.

⁴² Текст на этом прерывается.

⁴³ Начальная часть текста письма отсутствует.

⁴⁴ Датировано по содержанию.

А. Володин — Р. Гринберг
Письмо 7 августа 1993 г.

Дорогая Регина!

Сердечный привет тебе. Мне трудно писать большие письма. У меня писчий⁴⁵ спазм. Привет всем твоим друзьям. Твои письма я получил. И очень рад им. Ты просишь разрешения на инсценировку. Разумеется, я тебе его даю.

Целую. Твой Саша.

Я, Володин Александр Моисеевич, разрешаю Гринберг Р[егине] М[ихайловне] инсценировку моего произведения «Одноместный трамвай»

(подпись)

Б. Окуджава⁴⁶

⁴⁵ Одна из форм дистонии, характеризующаяся избирательным расстройством моторики руки, вследствие чего затрудняется или становится невозможным письмо, часто затруднены и другие тонкие движения кистью и пальцами.

⁴⁶ Р. Гринберг стала активно интересоваться творчеством Б. Окуджавы в середине 1960-х гг., личное знакомство актеров и режиссера молодежного театра с ним состоялось в 1969 году, когда он прибыл в Ивановскую область в составе группы литераторов. Очень скоро в голову Р. Гринберг пришла идея поставить спектакль по произведениям Окуджавы, она же придумала ему и название — «Замок надежды». В июне 1971 года спектакль показали автору, вскоре состоялась премьера. Это был первый в стране спектакль, поставленный по произведениям Окуджавы. Окуджава приезжал в Иваново в 1973, 1974, 1975 годах. Все визиты сопровождались творческими встречами и, как правило, завершались дружеским застольем. Очередной визит Окуджавы состоялся в 1973 году. Опять были проведены две творческие встречи, как обычно, завершившиеся дружеским застольем. Надо оговориться, что трактовка количества и времени (по годам) посещений Окуджавой расходится; несомненно, этот вопрос требует дальнейшей проработки.

Взаимный интерес Б. Окуджавы и Ивановского молодежного театра в рамках творческого сотрудничества сохранялся еще довольно долго, хотя и не в таких масштабах, как в конце 60-х — первой половине 70-х. В сезоне 1976—77 годов в репертуаре театра было поэтическое представление «Памяти друга» по произведениям советских поэтов, в том числе Окуджавы. Позже, в 80-е годы, были поставлены еще несколько спектаклей по произведениям Окуджавы — «На ясный огонь», «Ах, поле, поле, поле,

Б. Окуджава — Р. Гринберг

Письмо 02.04.97 г.⁴⁷

Дорогая Регина!

Очень сожалею, но обстоятельства не позволили мне ознакомиться с письмом, присланным Вашими друзьями.

С опозданием, но сердечно поздравляю Вас с юбилеем и театром.

Очень надеюсь, что сложные обстоятельства не разрушат созданного Вами.

Желаю всего самого
лучшего

Театру низкий поклон,
Вас обнимаю

Б. Окуджава

Статья поступила в редакцию 20.10.2023; одобрена после рецензирования 16.11.2023; принята к публикации 29.11.2023.

The article was submitted 20.10.2023; approved after reviewing 16.11.2023; accepted for publication 29.11.2023.

Информация об авторе / Information about the author

С. В. Точенов — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, Россия.

S. V. Tochenov — Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian History, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia.

поле, поле чудес», «На любовь свое сердце настрою», радиоспектакль «По чертежам своей души». Плюсом — театрализованный концерт «Поколение», два «концерта советской поэзии», учебный спектакль-концерт «Первые шаги», где неизменно звучали стихи и песни Окуджавы. В 1984 и 1994 годах руководитель и актеры театра участвовали в праздновании 60- и 70-летних юбилеев поэта в Москве, оба раза выступая с поздравлениями на одной сцене с представителями высшей элиты творческой интеллигенции страны. После смерти поэта дважды, в 1998 и 2002 годах, коллектив театра участвовал в вечерах памяти в Москве в театре «Школа современной пьесы».

⁴⁷ Датировано по штемпелю на конверте.

ТВОРЧЕСТВО УЧЕНЫХ

CREATIVE WORK OF SCIENTISTS

К 50-ЛЕТИЮ

ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

TO THE 50TH ANNIVERSARY OF IVANOVO STATE UNIVERSITY

Интеллигенция и мир. 2025. № 2. С. 168—182.

Intelligentsia and the World. 2025. No. 2. P. 168—182.

Обзор

УДК 378.12

EDN <https://elibrary.ru/nyhuno>

DOI: 10.46725/IW.2025.2.8

Научная специальность ВАК

5.6.6. История науки и техники

5.9.1. Русская литература

и литература народов Российской Федерации

ПОЛЕТ МЫСЛИ И ИСКРЫ ЧУВСТВ. ЗАМЕТКИ О ПРОФЕССОРЕ АРКАДИИ СЕМЕНОВИЧЕ ЛИФШИЦЕ И ЕГО ТВОРЧЕСТВЕ

Виктор Владимирович Новиков

Ивановский государственный университет, Иваново, Россия,

novikov-ww@mail.ru, SPIN-код: 6689-3169,

<https://orcid.org/0000-0002-9036-3205>

Марина Геннадьевна Казачкова

директор ООО «Консалт-Премиум», Иваново, Россия,

mgk2811@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0007-2324-3637>

© Новиков В. В., Казачкова М. Г., 2025

Аннотация. Каждый научно-педагогический работник должен совершенствоваться как интеллигентный человек. При этом предел такого совершенствования отсутствует. Ведь интеллигентность есть сочетание правдивости сердца, благородства души и трудоспособности ума человека. Бесконечное повышение уровня интеллигентности и даже его сохранение требует не только продуктивных и доверительных отношений научно-педагогического работника с коллегами и студентами, но и развития чувственного познания. Одним из средств чувственного познания является поэтическое творчество. Данная статья посвящена успешному синтезу научно-педагогической и поэтической деятельности профессора кафедры менеджмента ИвГУ Аркадия Семеновича Лифшица. Авторы статьи не только раскрывают ключевые вехи трудовой биографии профессора, но и наглядно демонстрируют, как свойства ученого и педагога трансформируются в яркие и содержательные стихи. В стихах А. С. Лифшица четко прослеживается сочетание рациональности и эмоциональности, создающее у читателя впечатление единства полета мысли и искр чувств. В своих стихах А. С. Лифшиц реализует исследовательский и конструктивный подход к окружающему и внутреннему миру.

Ключевые слова: Аркадий Семенович Лифшиц, интеллигентность, менеджмент, профессор, рациональность, эмоциональность, наука, педагогический процесс, исследовательский подход, конструктивный подход

Для цитирования: Новиков В. В., Казачкова М. Г. Полет мысли и искры чувств. Заметки о профессоре Аркадии Семеновиче Лифшице // Интеллигенция и мир. 2025. № 2. С. 168—182.

Review

FLIGHT OF THOUGHT AND SPARKLES OF FEELINGS. NOTES ON PROFESSOR ARKADIY SEMENOVICH LIFSHITS AND HIS WORK

Viktor V. Novikov

Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, novikov-ww@mail.ru,
SPIN: 6689-3169, <https://orcid.org/0000-0002-9036-3205>

Marina G. Kazachkova

Director of Consult-Premium LLC, Ivanovo, Russia,
mgk2811@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0007-2324-3637>

Abstract. Each scientific and pedagogical worker should develop as an intelligent person. At the same time, there is no limit to such improvement. After all, intelligence is a combination of truthfulness of the heart, nobility of the soul and the ability of the human mind to work. The endless increase in the level of intelligence and even its preservation requires not only productive and trusting relationships of the scientific and pedagogical worker with colleagues and students, but also the development of sensory cognition. One of the means of sensory cognition is poetic creativity. This article is devoted to the successful synthesis of scientific, pedagogical and poetic activities of Professor of the Department of Management of IvSU Arkadiy Semenovich Lifshits. The authors of the article not only reveal the key milestones of the professor's career, but also clearly demonstrate how the qualities of a scientist and teacher are transformed into bright and meaningful poems. In the poems by A. S. Lifshits, a combination of rationality and emotionality is clearly traced, creating in the reader the impression of the unity of the flight of thought and sparks of feelings. In his poems, A. S. Lifshits implements a research and constructive approach to the surrounding and inner world.

Keywords: Arkadiy Semenovich Lifshits, intelligence, management, professor, rationality, emotionality, science, pedagogical process, research approach, constructive approach

For citation: Novikov, V. V. and Kazachkova, M. G. (2025), 'Flight of Thought and Sparkles of Feelings. Notes on Professor Arkadiy Semenovich Lifshits and his Work', *Intelligentsia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 2: 168—182 (in Russ.).

Человеческая природа не терпит пустоты. Разносторонность личности имеет непосредственный прагматический смысл. Она помогает справляться со стрессами и сложными жизненными ситуациями, поддерживает работоспособность. Ведь смена деятельности — эффективная форма отдыха. Наши реакции на окружающий мир — эмоционально-чувственно-осмысленные в силу того, что человек не может быть сведен только к разумному живому существу. Оценивая жизненный путь профессора кафедры менеджмента Ивановского государственного университета, доктора экономических наук Аркадия Семеновича Лифшица, понимаешь, что поэтическое творчество является для него подлинной потребностью.

Основная часть жизни Аркадия Семеновича Лифшица связана с Ивановским государственным университетом. В 1979 г.

он поступил на 1-й курс экономического факультета (специальность «Экономика труда»), а в 1984 г. окончил обучение, получив диплом с отличием. Ключевую роль в выборе профессии сыграла мама — Мара Аврамовна Вортман, которая сумела доступно и убедительно показать юноше перспективы экономической работы и, по существу, сформировала соответствующие профессиональные склонности и первоначальные навыки и умения системного изучения научной литературы, привила любовь к экономическим расчетам.

В 1984—1987 гг. А. С. Лифшиц обучался в аспирантуре профессора Евгения Григорьевича Гинзбурга при кафедре управления производством, а 24 декабря 1987 г. успешно защитил в диссертационном совете по экономическим наукам при ИвГУ кандидатскую диссертацию на тему «Система целей коллектива предприятия и усиление материальной заинтересованности линейных руководителей в высоких конечных результатах (на примере текстильной промышленности)».

Проработав несколько лет на кафедре организации и планирования производства Ивановского текстильного института, Аркадий Семенович в 1992 г. вернулся в родной ИвГУ. В 1992—1997 гг. он трудится на должностях старшего преподавателя и доцента кафедры социологии и психологии труда. Руководителем кафедры социологии и психологии труда был доктор психологических наук Роальд Борисович Гительмахер. Для него были характерны не только высокая работоспособность и требовательность к себе и сотрудникам, но и оптимизм, и чувство юмора. По-видимому, часто встречающиеся в стихотворном творчестве Аркадия Семеновича нотки юмора имеют истоки в годах, проведенных на кафедре социологии и психологии труда.

В 1998 г. А. С. Лифшиц начинает активно работать над докторской диссертацией, тема которой — «Оценка и развитие потенциала управленческого персонала промышленных предприятий». В ней показано превращение профессиональных и человеческих качеств менеджеров и управленческих групп в потенциальные возможности и конечные результаты их деятельности. 5 февраля 2004 г. Аркадий Семенович успешно защищает докторскую диссертацию во ВНИИ труда

и социального страхования Министерства труда и социального развития РФ.

С 2004 г. А. С. Лифшиц работает в должности профессора кафедры менеджмента ИвГУ, ведя аудиторные занятия по широкому кругу учебных дисциплин, среди которых особое место занимают авторские курсы «Управленческие решения», «Основы управления человеческими ресурсами», «Управленческая экономика», «Стратегия и тактика развития персонала».

А. С. Лифшиц подготовил и опубликовал несколько монографий по проблемам менеджмента, развития управленческого потенциала и другим смежным вопросам (см., напр.: [Лифшиц, 1999; Его же, 2003; Его же, 2006; Блинов, Лифшиц, 2008; Лифшиц, Ибрагимова, Новиков..., 2017; Лифшиц, Ибрагимова, 2023]. Кроме того, он регулярно выступает с научными статьями по актуальным экономическим темам в авторитетных периодических изданиях России. А. С. Лифшицем опубликован также ряд учебных пособий [Лифшиц, 2009; Его же, 2016; Его же, 2018]. В этих научных и учебно-методических трудах Аркадий Семенович проявил как логику и аналитический подход, так и творческое воображение (например, при проектировании решения деловых проблемных ситуаций промышленных предприятий).

Студенты ценят содержательные и зажигательные лекции Аркадия Семеновича, его стремление передать знания и опыт педагога, жизненную мудрость и позитивное отношение к жизни. Эти качества подпитываются и поэтическим творчеством профессора. А. С. Лифшиц хорошо известен в России в целом и в Иванове не только как активный участник множества международных и всероссийских конференций, межрегиональных круглых столов, но и как член Российского профессорского собрания, Российской ассоциации статистики, а также литературного творческого клуба «Вдохновение». Во всех видах деятельности ему присущи инициативность и ответственность.

Аркадий Семенович — автор 178 опубликованных стихотворений, им издано 2 сборника своих поэтических творений [Лифшиц, 2017; Его же, 2019]. В ближайших планах А. С. Лифшица

подготовка и издание сборника стихотворений, в который войдет большинство произведений поэта¹.

Аркадий Семенович награжден пятью медалями Российского союза писателей по итогам Всероссийского конкурса «Поэт года»: медалью Анны Ахматовой (2019), медалью Федора Достоевского (2021), медалью Марины Цветаевой (2022), медалью Александра Блока (2024) и, по совокупности поэтических произведений, — медалью «Святая Русь» (2024).

Представляется возможным установить взаимосвязи между наукой и поэзией: наука поэзии — как создавать стихи; поэзия науки — популяризация научного процесса и научных достижений в поэтической форме; поэзия в науке — поэтические приемы (например, оксюморон) содействуют созданию нового научного знания; наука в поэзии — наполнение стихов научным содержанием. Эти аспекты взаимосвязи науки и поэзии в разной степени, но ярко представлены в поэтическом творчестве А. С. Лифшица.

Пример представления профессора и поэта о науке поэзии можно найти в стихотворении «О поэзии (мини-лекция для студентов):

*Поэзия летит быстрее птицы,
Она фундаментальней, чем гранит,
Она не просто освещает лица,
Она рождает благородный вид!*

Поэзия науки присутствует в ряде стихотворений, в частности в стихотворении «О науке»:

*Наука нам дана затем,
Чтоб мы могли узнать,
Куда идти и почему,
И как преуспевать!
Как видеть истины ростки,
Как воспитать талант,
Как убеждения свои достойно защищать...*

Для Аркадия Семеновича научный и образовательный процессы представляют собой единое целое. Это хорошо видно в стихотворении «Большое сердце педагога»:

¹ Интервью с А. С. Лифшицем (архив авторов).

*Большое сердце педагога,
Его светлейшие мозги,
И одаренность есть от Бога,
И всё не мерит на рубли!
А как ему подвластно слово,
А по-простому так речист,
А как он подает основы —
Да настоящий ведь артист!*

Примеры поэзии в науке следует искать уже не в поэтическом, а научном творчестве Аркадия Семеновича. Так, в литературе хорошо известны такие приемы, как оксюморон и стилевые комбинации. Оксюморон дает возможность увидеть неожиданные и парадоксальные явления и процессы, сочетание внешне несочетаемого. Стилевые комбинации отражают состояние объекта, в т. ч. в результате определенной динамики процессов. Оксюморон можно найти и в поэзии А. С. Лифшица: «будь осторожен и разумом смел» (стихотворение «Если»). Пример стилевой комбинации — «самоотверженная Вортман и справедливая притом» (ода «Экономическому факультету Ивановского государственного факультета в честь его сорокалетия»).

В своей докторской диссертации при разработке профилей требований к деловым и личностным качествам эффективных руководителей А. С. Лифшиц, исследовал, в частности, явление трансформации. Трансформация — переход позитивного качества в негативное. Так, инноваторство может превращаться в нигилизм по отношению к традиционному, инициативность — в назойливость, оперативность в принятии управленческих решений — в недоучет ситуации, последствий и шанса решения быть реализованным, решительность — в грубость и опрометчивость, самостоятельность — в негативное отношение к кооперации, умение убеждать — в склонность к манипулированию, умение строить отношения с людьми — в конформизм. То есть оксюморон может проявлять себя в реальном управлении организацией до момента победы одной противоположности над другой. Менеджеры по персоналу с учетом стадии жизненного цикла организации и особенностей организационной культуры качества трансформации подразделяют на противопоказания и допустимые недостатки.

Элементы внедрения науки в поэзию видны в стихотворении А. С. Лифшица «Экономическому факультету Ивановского государственного факультета в честь его сорокалетия», где, в частности, дается характеристика образовательным программам экономического факультета:

*Экономист ведет расчет
И выявляет недочет,
И роста прибыли резерв,
И спрос, и ценовой маневр!
А менеджер, как рулевой,
Ведет свою команду в бой,
Он инноватор и стратег,
Он лидер среди своих коллег.
А информатик там силен,
Где кибернетики закон,
Соединяет разум свой
С компьютерною головой.*

Стихи А. С. Лифшица разноплановы, посвящены и радостным, и печальным событиям. По словам Аркадия Семеновича, «они и рождались по-разному, несмотря на то, что я пишу их быстро, преимущественно с утра. Одни стихи представляют собой живую реакцию на ожидаемые и неожиданные события. Другие отражают процесс осмысления не одного факта, а значимых периодов собственной биографии. Третьи несут в себе философский заряд отношения к жизни»².

На наш взгляд, стихи можно разделить и сортировать по нескольким группам: отношение к близким людям; отношение к стране; в память об ушедших; о времени; о ценностях; деятельностный оптимизм; наука и педагогический процесс; любовь; поздравления; отношение к поэзии. Во многих поэтических текстах А. С. Лифшица удачно сочетаются содержание и форма, полет мысли и искры чувств.

В стихотворении «О взаимной радости» ясно обозначена потребность и общественное значение взаимной радости взаимодействующих друг с другом людей.

² Там же.

*Когда тебе рады, то дышится легче,
И голос становится громче и крепче,
И хочется жить, и творить, и работать,
И до седьмого и более пота!*

В стихотворении «Сердце и голова» содержится протест против ненужных страданий, в т. ч. из-за непоправимых ошибок, пожелание в поэтической форме умственного и физического здоровья и развития.

*Сердцу не должно быть плохо
От тревожных ожиданий,
От забот с тяжелым вздохом
И ненужности страданий.*

Патриотический пафос («Нам есть что любить и нам есть что беречь!») также свойствен ряду стихотворений А. С. Лифшица. При чем стихотворение «Малый город» ярко показывает, что Россия жива не только большими городами, что малые города огромной страны – самоценны.

*Ты и не мал, и не велик,
Но всенародный,
И горд собой, и многолик
С душой природной!*

.....
*Ты не Москва и не Париж,
Мадрид и Лондон,
Но не забыть,
Как ты возник
И как ты помнишь!
И ведь не о масштабе речь,
А то, что мило,
Что надо что есть сил беречь,
Собрав все силы!*

Особенно дорого автору стихотворение «Памяти мамы», поскольку посвящено безвременно ушедшей маме, сыгравшей большую роль в его становлении и развитии. Аркадий Семенович говорит об это так: «Маме я посвящал немало стихов. Но с ее уходом пожелания, содержащиеся в них, обесценились. Как известно, окончательную оценку людям, как правило, дают после их ухода.

И это стихотворение представляет собой концентрированное восприятие ее неповторимых человеческих качеств»³.

*Была Ты человечной от природы,
Была мудрой, видела вперед,
Была щедрой и громоотводом,
И, как герой, ушла в тяжелый год!*

Поэтическое произведение «Памяти Владимира Семеновича Высоцкого» создано через сорок один год после смерти поэта, певца и актера. Особенностью стихотворения является интенсивное, логичное и уместное использование фрагментов из песен В. С. Высоцкого для объемной характеристики его личности.

*Нет, он не был физически слабым,
Не причислишь к душевнобольным,
В лучшей жизни он видел отраду,
Как отдушину, женщин любил!*

...
*Его трудно в масштабах измерить,
Как поэт, воспарил высоко,
Как в Россию, в него можно верить
И душою понять так легко!*

Два стихотворения («О звонках» и «Нормальный мужик») раскрывают отношения человека и времени. В первом прослеживается оптимистическая мысль о возможности управления временем за счет активной, интересной и полноценной жизни.

*Бег времени никто не остановит,
И то, что было, так оно пройдет,
Миг настоящего неуловим в природе,
А будущее кто же знает наперед?!
(О звонках)*

В стихотворении «Нормальный мужик» оригинально и с юмором показаны возможности мирного становления настоящего мужчины из представителя мужского пола.

*Ты можешь быть и некрасивым,
Когда родился мужиком,
Не быть Гермесом суетливым
И не входить в Романов Дом!*

³ Там же

*Когда Ты сам в своей тарелке,
И видишь цельно мир кругом,
И не гигант, но и не мелкий,
Ты — состоялся мужчиной!*

Чувство юмора присуще не только данному стихотворению, но и другим произведениям автора: «Любовь к себе», «Не только деньги», «Любите, женщины, мужчин», «Заповедь настоящей женщины», «Связь времен». Однако, наряду с юмором, в каждом своем произведении Аркадий Семенович поднимает разноплановые проблемы нашей жизни. В то же время этот смех нельзя назвать «смехом сквозь слезы». Поэт стремится сохранить оптимизм в самых сложных обстоятельствах, оставаясь реалистичным романтиком.

Аркадий Семенович стремится снизить риски поэтического творчества. К таким рискам, по его мнению, относятся следующие: риск несерьезного отношения к поэзии в целом и к конкретному поэту; риск излишне серьезного отношения к поэтическому юмору; риск неверного понимания и толкования стихотворения; риск проецирования каждого стихотворения на эпизоды жизни поэта; риск отношения к стихам как к «обнажению души поэта во всех подробностях»; риск трактовки стихов поэта как пафосных.

Риски несерьезного и сверхсерьезного отношения к своей поэзии А. С. Лифшиц преодолевает за счет смелого раскрытия разнообразных аспектов деловой и личной жизни. Неверное понимание стихов минимизируется путем четкости слов и ясности поэтических образов.

Риск проецирования каждого стихотворения на эпизоды жизни поэта и риск отношения к стихам как к «обнажению души поэта во всех подробностях» теснейшим образом связаны между собой. Очевидно, что события и перипетии жизни любого поэта оказывают влияние на его творчество. У каждого искреннего поэта творчество является продолжением минувших дней, а возможно, и предвестием новой жизни. Однако поэт находится в сложной ситуации: он должен пройти, подобно Одиссею, между Сциллой замкнутости и Харибдой чрезмерной откровенности. При этом Харибда чрезмерной откровенности появляется, когда поэт погружает читателя (может быть, и на радость последнему) в интимные подробности своей жизни. Ведь стихотворное

произведение обладает наибольшей силой воздействия при наличии в нем тайны и обобщения. Тем не менее бывают особые жизненные ситуации, когда поэт раскрывает их и свое отношение к ним в поэтической форме.

В свете сказанного интересной представляется заочная дискуссия с лермонтовским «Не верь себе» (где преобладает горестная отчужденность поэта от аудитории) в стихотворении «Поэт и читатель».

*Вы не считайте, что поэт
Купается в души стриптизе,
Поэты — не интима цех,
Они возвышенной и выше!
Находит он и смысл, и ритм,
Движенье мыслей вдохновенно,
Не ждет от публики он нег,
Коль слово будет вдохновенно!
Он ждет признанья от людей,
Но разве только ради славы?!
Есть у поэта суперцель —
Услышать искреннее «браво»!*
[Лифшиц, 2024]

Обвинение в пафосе может понизить значимость поэта в глазах читателей. Антипафосный настрой возникает при ложности и отсутствии реализма в высказываниях, в т. ч. в поэтической форме. Возникает противоречие: читатель хочет от поэта или прозаика искренности — однако демонстративное выражение чувств кажется чем-то неискренним и безвкусным. Устранить это противоречие могут эмоциональная жизненная образность, близкая каждому читателю, и чтение поэтических лекций на встречах с читателями. Читатель должен увидеть: для поэта любовь к человеку равноценна художественному творчеству. «Пафос» в переводе с древнегреческого означает страсть. Поэт имеет право на страсть, избегая лжи и лести. Он должен, используя свое мастерство, давать шанс читателю на возвышение мыслей и чувств.

А. С. Лифшиц не отрицает негативных сторон жизни, но в большей степени акцентирует внимание читателя на том, каким быть желательно, а каким нежелательно, что необходимо делать, а чего необходимо избегать. В целом поэзия А. С. Лифшица является жизнеутверждающей, насыщенной идеями, энергичной

и ритмичной, и поэтому вдохновляющей. Хочется пожелать автору ярких произведений, дальнейшего поэтического роста, а также издания новых научных и учебно-методических трудов во благо Ивановского государственного университета и всего российского высшего образования!

От главного редактора журнала «Интеллигенция и мир»

В следующем номере журнал опубликует подборку поэтических произведений профессора А. С. Лифшица. Хочется надеяться, что читатели оценят заложенные в них смыслы, ритм, звучание, широту поднимаемых жизненных вопросов, явно видимые черты мыслителя, преподавателя, поэта и интеллигента. А данная статья будет в полной мере этому способствовать.

Список источников

- Блинов А. О., Лифшиц А. С.* Оценка эффективности управленческих решений в системе менеджмента развития промышленных предприятий: монография. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2008. 88 с.
- Лифшиц А. С.* Оценка и развитие управленческого персонала: монография. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1999. 188 с.
- Лифшиц А. С.* Концепция развития потенциала управленческого персонала промышленных предприятий: монография. М.: Наука, 2003. 234 с.
- Лифшиц А. С.* Развитие фирмы: ресурсно-целевой подход: монография. Иваново: ОАО «Издательство “Иваново”», 2006. 112 с.
- Лифшиц А. С.* Управленческие решения: учеб. пособие. М.: КНОРУС, 2009. 248 с.
- Лифшиц А. С.* Управленческая экономика: учеб. пособие. М.: РИОР; ИНФРА-М, 2016. 121 с.
- Лифшиц А. С.* Избранные стихи: сб. М.: РИОР, 2017. 34 с.
- Лифшиц А. С.* Управление человеческими ресурсами. Теория и практика: учеб. пособие. М.: РИОР; ИНФРА-М, 2018. 266 с.
- Лифшиц А. С.* Избранные стихи: сб. 2-е изд., доп. М.: РИОР, 2019. 52 с.
- Лифшиц А. С., Ибрагимова Р. С.* Факторы и инструментарий обеспечения устойчивого развития предприятий машиностроения монография. М.: РИОР; ИНФРА-М, 2023. 200 с.
- Лифшиц А. С., Ибрагимова Р. С., Новиков В. А., Куликов В. И.* Промышленная политика и антикризисное управление предприятиями: монография. М.: РИОР; ИНФРА-М, 2017. 246 с.

References

- Blinov, A. O. and Lifshits, A. S. (2008), *Otsenka effektivnosti upravlencheskikh reshenii v sisteme menedzhmenta razvitiia promyshlennykh predpriatii: monografiia* [Evaluation of the effectiveness of management decisions in the system of industrial enterprise development management: monograph], Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo, Russia.
- Lifshits, A. S. (1999), *Otsenka i razvitie upravlencheskogo personala: monografiia* [Evaluation and development of management personnel: monograph], Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo, Russia.
- Lifshits, A. S. (2003), *Kontseptsii razvitiia potentsiala upravlencheskogo personala promyshlennykh predpriatii: monografiia* [Concept of Developing the Potential of Management Personnel of Industrial Enterprises: monograph], Nauka, Moscow, Russia.
- Lifshits, A. S. (2006), *Razvitie firmy: resursno-tselevoi podkhod: monografiia* [Firm Development: Resource-Targeted Approach: monograph], OAO «Izdatel'stvo "Ivanovo"», Ivanovo, Russia.
- Lifshits, A. S. (2009), *Upravlencheskie resheniia: uchebnoe posobie* [Management Decisions: study guide], KNORUS, Moscow, Russia.
- Lifshits, A. S. (2016), *Upravlencheskaia ekonomika: uchebnoe posobie* [Managerial Economics: study guide], RIOR; INFRA-M, Moscow, Russia.
- Lifshits, A. S. (2017), *Izbrannye stikhi: sbornik* [Selected poems: collection], RIOR, Moscow, Russia.
- Lifshits, A. S. (2018), *Upravlenie chelovecheskimi resursami. Teoriia i praktika: uchebnoe posobie* [Human Resource Management. Theory and Practice: study guide], RIOR; INFRA-M, Moscow, Russia.
- Lifshits, A. S. (2019), *Izbrannye stikhi: sbornik* [Selected Poems: collection], 2nd Edition, Supplemented, RIOR, Moscow, Russia.
- Lifshits, A. S. and Ibragimova, R. S. (2023), *Faktory i instrumentarii obespecheniia ustoichivogo razvitiia predpriatii mashinostroeniia monografiia* [Factors and tools for ensuring sustainable development of mechanical engineering enterprises monograph], RIOR; INFRA-M, Moscow, Russia.
- Lifshits, A. S., Ibragimova, R. S., Novikov, V. A. and Kulikov, V. I. (2017), *Promyshlennaia politika i antikrizisnoe upravlenie predpriatiiami: monografiia* [Industrial Policy and Anti-Crisis Management of Enterprises: a monograph], RIOR; INFRA-M, Moscow, Russia.

Статья поступила в редакцию 13.11.2024; одобрена после рецензирования 10.12.2024; принята к публикации 25.12.2024.

The article was submitted 13.11.2024; approved after reviewing 10.12.2024; accepted for publication 25.12.2024.

Информация об авторах / Information about the authors

Новиков В. В. — кандидат технических наук, доцент, заместитель директора Института математики, информационных технологий и естественных наук по научно-исследовательской деятельности, доцент кафедры фундаментальной физики и нанотехнологий, Ивановский государственный университет, Иваново, Россия.

Казачкова М. Г. — директор ООО «Консалт-Премиум», действительный член Института профессиональных бухгалтеров России, филолог, поэт, номинант национальной литературной премии «Наследие — 2024», Иваново, Россия.

Novikov V. V. — Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Deputy Director of the Institute of Mathematics, Information Technology and Natural Sciences for Research Activities, Associate Professor of the Department of Fundamental Physics and Nanotechnology, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia.

Kazachkova M. G. — Director of Consult-Premium LLC, Full Member of the Institute of Professional Accountants of Russia, philologist, poet, nominee for the national literary award “Heritage — 2024”, Ivanovo, Russia.

ПО СЛЕДАМ ПРОЧИТАННОГО READING AND DISCUSSION

Интеллигенция и мир. 2025. № 2. С. 183—196.

Intelligentsia and the World. 2025. No. 2. P. 183—196.

Обзор

УДК 930:32.019.5

EDN <https://elibrary.ru/pwdpmn>

DOI: 10.46725/IW.2025.2.9

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

**ДОСТИЖЕНИЯ СССР В НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОМ
ПРЕДСТАВЛЕНИИ. Рец. на кн.: Комиссаров В. В.
Отечественная интеллигенция и научная популя-
ризация в 1945—1985 гг. Иваново: Верхневолжский
государственный агробиотехнологический
университет, 2024. 216 с.**

Михаил Вячеславович Жульков

Ивановский государственный университет, Иваново, Россия,
mzh1@mail.ru, SPIN-код: 3322-1435,
<https://orcid.org/0000-0003-3541-7159>

Аннотация. В рецензии рассматривается монография В. В. Комиссарова «Отечественная интеллигенция и научная популяризация в 1945—1985 гг.». Владимир Вячеславович Комиссаров — доктор исторических наук, автор более ста двадцати научных публикаций, профессор кафедры общеобразовательных дисциплин Ивановской государственной сельскохозяйственной академии имени Д. К. Беляева. Рецензируемая монография является завершением серии публикаций, посвященных различным проблемам научной популяризации в СССР в послевоенные годы.

Научная популяризация рассматривается в книге с различных сторон, в результате получается целостная картина развития этого важного для страны жанра в период 1945—1985 гг. Восемь глав охватывают различные аспекты исследуемой тематики: научно-популярные книжные серии; идеологический контроль научной популяризации; проблема цензуры; противодействие паранауке; научная популяризация для детей и юношества; советские космические достижения; проблемы сельского хозяйства; мистификации в научно-популярной литературе. В Приложении представлен архивный документ, пример советской научно-технической пропаганды: план освещения в печати полета орбитальной станции «Салют». Автор вписывает научную популяризацию в исторический контекст, показывает, какое значительное место занимала она в истории нашей страны, а также в жизни интеллигенции, для которой научная популяризация была одной из форм самовыражения. Автор использовал ряд источников: материалы Государственного архива РФ, Российского архива социально-политической истории. Большой объем информации представлен научно-популярными журналами «Техника — молодежи», «Знание — сила», «Вокруг света», «Юный техник», «Наука и жизнь», книжными научно-популярными сериями, такими как «Эврика», «Жизнь замечательных идей», «Библиотека “Знание”». Книга содержит ряд иллюстраций, стиль изложения ясный и четкий, что расширяет круг читателей. Ее также органично дополняет список источников и литературы. Востребованность рецензируемой монографии не вызывает сомнения. Значение книги возрастает в условиях борьбы России за экономический и промышленный суверенитет, что требует дальнейшего развития науки и техники, научно-популярного освещения текущих достижений и проблем.

Ключевые слова: советская интеллигенция, научная популяризация, научно-популярные книжные серии, идеологический контроль, космические достижения СССР, цензура, В. В. Комиссаров

Для цитирования: Жульков М. В. Достижения СССР в научно-популярном представлении. Рец. на кн.: Комиссаров В. В. Отечественная интеллигенция и научная популяризация в 1945—1985 гг. Иваново: Верхневолжский государственный агробиотехнологический университет, 2024. 216 с. // Интеллигенция и мир. 2025. № 2. С. 183—196.

ACHIEVEMENTS OF THE USSR IN POPULAR SCIENCE REPRESENTATION.

**Review of the book: Komissarov, v. V. (2024),
Domestic intelligentsia and scientific popularization in
1945—1985, Verkhnevolzhskii gosudarstvennyi
agrobiotekhnologicheskii universitet, Ivanovo, Russia**

Mikhail V. Zhulkov

Ivanovo State University, Ivanovo, Russia
mzh1@mail.ru, SPIN-код: 3322-1435,
<https://orcid.org/0000-0003-3541-7159>

Abstract. The review examines V. V. Komissarov's monograph “Domestic Intelligentsia and scientific popularization in 1945—1985”. Vladimir V. Komissarov is a doctor of historical Sciences, author of more than one hundred and twenty scientific publications, professor of the Department of General Education Disciplines of the Ivanovo State Agricultural Academy named after D. K. Belyaev. The reviewed monograph is the completion of a series of publications devoted to various problems of scientific popularization in the USSR in the post-war years. Scientific popularization is considered in the book from various sides, as a result, a holistic picture of the development of this important genre for the country in the period 1945—1985 is obtained. Eight chapters cover various aspects of the subject under study: popular science book series; ideological control of scientific popularization; the problem of censorship; opposition to para-science; scientific popularization for children and youth; Soviet space achievements; problems of agriculture; hoaxes in popular science literature. The Appendix contains an archival document, an example of planning Soviet scientific and technical propaganda — press coverage of the flight of the Salyut orbital station. The author puts scientific popularization in a historical context, shows what a significant place scientific popularization has occupied in the history of our country, as well as in the life of the intelligentsia. The author used a number of sources: materials from the State Archive of the Russian Federation, the Russian Archive of Socio-Political History. A large amount of information is presented by popular science magazines “Technology for Youth”, “Knowledge is power”, “Around the World”, “Young Technician”, “Science and Life”, popular science book series such as “Eureka”, “Life of wonderful Ideas”, “Library ‘Knowledge’”. The book contains a number of

illustrations, the style of presentation is clear and precise, which expands the circle of readers. It is also organically complemented by a list of sources and literature. The relevance of the reviewed monograph is beyond doubt. The importance of the book is increasing in the context of Russia's struggle for economic and industrial sovereignty, which requires further development of science and technology, popular scientific coverage of current achievements and problems.

Keywords: Soviet intelligentsia, scientific popularization, popular science book series, ideological control, space achievements of the USSR, censorship, V. V. Komissarov

For citation: Zhulkov, M. V. (2023), 'Achievements of the USSR in the popular scientific representation. Review on the book: Komissarov, V. V. (2024) Domestic intelligentsia and scientific popularization in 1945—1985, Verkhnevolzhskii gosudarstvennyi agrobiotekhnologicheskii universitet, Ivanovo, Russia', *Intelligentsia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 2: 183—196 (in Russ.).

Книга доктора исторических наук Владимира Вячеславовича Комиссарова «Отечественная интеллигенция и научная популяризация в 1945—1985 гг.», посвященная анализу места и роли советской интеллигенции в популяризации научных и технических достижений в период 1945—1985 гг., опубликована в 2024 году в Иванове [Комиссаров, 2024]. Книга является результатом многолетних исследований автора, в списке литературы приведены некоторые публикации последних лет [Его же, 2018a, 2018b, 2019, 2023a, 2023b].

Научно-популярная литература, которая исследуется В. В. Комиссаровым, рассматривается с различных сторон. В результате получается многогранная картина развития этого важного для страны жанра в послевоенный период. Восемь глав охватывают различные аспекты исследуемой тематики: научно-популярные книжные серии; идеологический контроль научной популяризации; проблема цензуры; противодействие паранауке; научная популяризация для детей и юношества; пропаганда советских космических достижений; проблемы сельского хозяйства; мистификации в научно-популярной литературе. Книга содержит также Приложение, в которой приведен пример архивного документа, освещающего приемы советской научно-технической

пропаганды, а именно: план освещения в печати полета орбитальной станции «Салют».

Во введении автор отмечает, что научно-популярная литература (научно-популярное кино, телепередачи) занимала особое место в жизни общества. «Научно-популярная литература наряду с научной фантастикой наиболее полно соответствовала эстетике периода индустриализма, или “эпохе фабричных труб”, по определению Э. Тоффлера» [Его же, 2024: 5]. Краткий очерк научной популяризации начиная с периода 1920-х годов показывает ее масштаб и социальный запрос на знания и образование. Сама научная популяризация — детище советской интеллигенции, которым, безусловно, можно гордиться и которое необходимо исследовать. Исследовать, чтобы лучше понимать наше недавнее прошлое: опора на него придает уверенность двигаться вперед. Напомним, что современная Россия вернулась к популяризации науки — на новом уровне, но используя советский опыт. Научная популяризация «заняла важное место в жизни общества, играла заметную роль в деятельности отечественной интеллигенции» [Там же: 10]. В научно-популярных произведениях отражены «основные проблемы общественной жизни, проблемы, фобии, треволения, терзавшие советскую интеллигенцию того времени, особенности повседневной жизни, идеи, теории и ценностные установки» [Там же].

Автор использует разнообразные источники, включая архивные материалы Государственного архива РФ, Российского архива социально-политической истории. Большой объем информации представлен научно-популярными журналами «Техника — молодежи», «Знание — сила», «Вокруг света», «Юный техник», «Наука и жизнь», а также книжными научно-популярными сериями, такими как «Эврика», «Жизнь замечательных идей», «Библиотека “Знание”» и др.

В первой главе — *«Советская интеллигенция и создание научно-популярных книжных серий»* — дается обзор разнообразия научно-популярных книжных серий. Автор выбрал серию «Эврика» издательства «Молодая гвардия», поскольку она имеет определенные характерные черты научной популяризации. Выходила серия с середины 1960-х годов и была разделена на четыре вида. Первая содержала научно-художественные книги,

вторая — беседы ученых на заданную тему, третья — многотомные энциклопедии, такие как «Мир животных», «Мир растений», «Мир океана» и др. Четвертая серия — это сборники, такие как «Эврика», «Формула творчества», «Спутник молодого рабочего». В. В. Комиссаров проанализировал данные 86 авторов серии «Эврика», напечатанных в период 1965—1976 гг., эти данные собраны в несколько таблиц. Большая часть авторов серии были в наиболее продуктивном возрасте 36—55 лет, получили образование в МГУ и других вузах Москвы, многие имели научные степени, часть авторов были журналистами или членами Союза писателей. Некоторые авторы проявили себя не только в научной популяризации, но и в научной фантастике. Как отмечает автор, больше всего публикаций в серии «Эврика» — на биологическую тематику, а не на темы физики, техники, которые делят второе место с психологией.

Кроме серии «Эврика», издавались серия «Знание», «Жизнь замечательных идей», «Планета Земля и Вселенная», «Наука и технический прогресс», «Ученые — школьнику» и ряд других. Подводя итог главы, В. В. Комиссаров отмечает общие черты научно-популярных книжных серий. «Они создавались интеллигенцией, преимущественно журналистами или учеными, имели целью пропаганду научно-технических достижений, прежде всего, отечественных, и ориентировались на достаточно образованных читателей из среды самой интеллигенции, специалистов со средним специальным образованием, студентов и старших школьников» [Там же: 35].

Три последующих главы (вторая, третья, четвертая) посвящены проблемам цензуры, ее организации, видам, официальным органам (Главлит) и партийно-идеологическому контролю со стороны партийных органов.

Вторая глава — «*Научная популяризация и идеологический контроль*» — посвящена, как следует из названия, идеологическому контролю научной популяризации со стороны государственных и партийных органов. Автор отмечает, что расцвет научной популяризации в 1960—1980 годы был бы невозможен без поддержки властей. В период научно-технической революции научно-популярная литература, кино, телевидение, радио приобщали широкие слои населения к научным и техническим достижениям

страны. Поддержка со стороны государства предполагала цензуру и идеологический контроль. Цензура часто имела политический характер. «Характер запретов, наличие фактов и фигур умолчания определялись существующим политическим моментом и трансформациями официальной пропаганды» [Там же: 53]. Помимо задач распространения научных знаний, научная популяризация выполняла роль общественно-политической публицистики, в которой ставились «острые вопросы» и «злободневные проблемы» [Там же: 54]. На основании рассмотренного материала автор приходит к выводу «универсального характера о неэффективности цензуры во всех ее вариантах» [Там же].

Третья глава — *«Цензура на страже интересов системы»* — рассматривает особенности официальной цензуры. «На протяжении всего советского периода цензурой в СССР занималось ведомство, сокращенно именовавшееся Главлит», с августа 1966 года данное ведомство называлось Главное управление по охране государственных и военных тайн в печати при Совете Министров СССР [Там же: 55]. Главлит имел сеть республиканских, краевых, областных структур, а также смежных — военную цензуру Министерства обороны и пограничных войск КГБ. Главлит занимался контролем периодических изданий и книжных публикаций, цензурой зарубежной литературы, проверкой книжных фондов библиотек и магазинов. Основным документом в работе цензуры был Перечень Главлита — запрещенных к опубликованию тем в открытой печати, на радио и телевидении. Объем информации, подлежащей цензуре, постоянно разрастался, появились различные «Указатели» и «Списки» по видам деятельности. В главе приведены конкретные сведения и примеры работы Главлита. Помимо политической цензуры, Главлит занимался и охраной гостайны. В. В. Комиссаров пишет: «Анализ по цензорскому контролю научно-популярной публицистики показывает, что в значительном количестве эпизодов цензоры исходили из соображений охраны государственной тайны, по крайней мере, так, как она понималась в тот период» [Там же: 67]. Порой под видом соображений секретности выдвигались идеологические претензии.

Четвертая глава — *«Главлит против “летающих тарелок”»: опыт противодействия паранауке»* — посвящена паранаучным и ненаучным публикациям и противодействию паранауке.

К паранаучным можно отнести «новую хронологию» истории, проблему реликтового гоминида или «снежного человека», «космических пришельцев» и «летающих тарелок» (НЛО — неопознанных летающих объектов), Бермудского треугольника, альтернативные теории в физике, химии, биологии и ряд других. Основной формой противодействия паранаучным публикациям были цензурные запреты Главлита и его структурных подразделений. В то же время ряд приведенных автором примеров показывает, «как может быть зыбка грань между заблуждением, истиной и преднамеренным искажением в условиях интенсивного научного поиска» [Там же: 89].

Другим способом противодействия паранауке была контрпропаганда в научно-популярной печати. «Например, почти каждая публикация по нетрадиционным исследованиям на страницах “Техники — молодежи” дополнялась критическими комментариями специалистов» [Там же: 93]. Однако, как отмечает автор, такие комментарии и критические статьи часто имели противоположный результат — они подогревали интерес к паранаучным исследованиям. Эти факты доказывают неэффективность запретительных мер, хотя они отсекали от читателей и зрителей откровенно шарлатанские материалы.

Последующие три главы дают сведения о научной популяризации для детей и юношества, рассказывают о советских космических достижениях, о проблемах советского сельского хозяйства. Вместе с первой главой они представляют широкую панораму советской научной популяризации, ее разнообразных тем и успехов.

В пятой главе — «*Научная популяризация для детей и юношества*» — исследуется интересная тема научно-популярных изданий для школьников и студентов. Подробно описывается история публикаций Детской энциклопедии, предназначенной помочь школьникам в овладении знаниями, которых не доставало в учебниках. Автор дает сведения о том, как менялось содержание энциклопедий в послесталинский период. «Для читающей аудитории, в первую очередь, для школьников и молодежи еще больше приоткрылись двери в мир, появилась возможность сравнения и сопоставления, расширения кругозора и формирования критического мышления» [Там же: 108]. Начало 1960-х гг. стало началом расцвета научной популяризации для детей и юношества. Для

младших школьников был выпущен двухтомник «Что такое? Кто такой?»; с 1957 года начал выпускаться ежегодник «Хочу все знать»; возобновлен выпуск детского познавательного альманаха «Глобус». Издавались познавательные книжные серии, такие как «Ученые — школьнику», Научно-популярная библиотека школьника», «Горизонты познания». Научная популяризация для детей, школьников, молодежи в целом способствовала подготовке кадров для дальнейшего развития научно-технического прогресса. Советская интеллигенция творчески выполняла задачу донесения знаний до детской аудитории.

В шестой главе — «*Пропаганда советских космических достижений*» — подчеркивается, что космическая тема с 1960-х годов стала одной из выигрышных для научно-технической пропаганды. «Приоритет Советского Союза в деле освоения космоса позволял наглядно показать преимущества отечественной промышленности и достижения советских технических наук» [Там же: 113]. Главлит при подготовке материалов к печати часто руководствовался политико-идеологическими соображениями, о чем свидетельствуют примеры, приведенные автором в начале главы. Космическую тему освещали целый ряд периодических изданий: «Наука и жизнь», «Техника — молодежи», «Знание — сила», «Юный техник», «Моделист-конструктор», «Химия и жизнь». Эти журналы печатали материалы для всех возрастных категорий, включая возрастной диапазон 11—16 лет. Автор делит публикации на два вида: самостоятельные и централизованной пропаганды (В Приложении как раз и рассказывается о планировании освещения в СМИ одного из значимых событий советской космической программы.) Текст главы показывает сложный характер цензуры публикаций по космической тематике, что приводило к отсутствию в печати дискуссий, а также к тому, что часть материалов печаталась с большим опозданием. Средства массовой информации выполняли функцию пропаганды, при этом данная функция приводила к определенным ограничениям в освещении космической тематики.

Седьмая глава — «*Проблемы советского сельского хозяйства на страницах научно-популярных изданий*» — дает представление об особенностях развития аграрного сектора и его освещения в научно-популярной печати. Эта тема приобрела важное значение

после избрания Н. С. Хрущева руководителем государства. Направленность советского (а, может быть, и общероссийского менталитета) в будущее, его футуристичность выразилась в идее электропахоты. Эксперименты такой пахоты начались еще в 1920-х годах, продолжались после 1945 года. Однако к 1960-м гг. данные эксперименты прекратились из-за отсутствия преимущества перед тракторами с двигателями внутреннего сгорания. Со второй половины 1960-х годов подход правительства к аграрному сектору начал меняться, внедрялись экономические и финансовые меры по развитию сельского хозяйства. Это нашло отражение в научно-популярной литературе, в кино и на телевидении. В книжной серии «Эврика» вышло три сборника по проблемам советского сельского хозяйства. Кроме сборников, издавались и авторские книги, посвященные данным проблемам, подробно рассказывается о работах Ю. Ф. Новикова. Автор отмечает, что переход к агроиндустрии тормозился в виду опасений безработицы, переизбытка сельского населения, необходимости создания новых рабочих мест в городе.

Восьмая глава — «*“Сон разума”*: мистификации и фальшивки в научно-популярной печати» — закрывает последнюю тему, необходимую для исторического освещения научной популяризации в советские времена. Отмечены два типа мистификаций: первая — не имеет цели преднамеренного обмана. Это либо шутки ученых, либо доказательства от противного. Отметим, что мистификации всегда оказывали влияние на массовое сознание, поскольку до сих пор велико доверие к печатному слову, а также внушаемость, в силу коллективного характера человеческого сознания. В журнале «Наука и жизнь» в 1981 году появилась рубрика «Из архива Кифы Васильевича», где печатались различные научные курьезы. При этом «общая эрудиция интеллигенции позволяла печатать такие материалы без опасения быть неверно понятыми» [Там же: 153]. Вторая категория имеет целью намеренное введение людей в заблуждение. В качестве примера автор приводит историю с «пилтдаунским человеком» (начало XX века) — обман вскрылся только в 1950-х гг. Научно-популярная литература оказывалась воротами, через которые фальшивки входили в общественное сознание. Мистификации в 1940—1950-х гг. имели целью доказать приоритет российской / советской науки в ряде открытий, носили характер политического заказа.

В. В. Комиссаров приводит ряд мистификаций этого периода, подробно разбирает поиски пропавшего самолета С. А. Леваневского, в его попытке третьего трансполярного перелета из СССР в Канаду. Автор отмечает, что мистификации имеют шансы на успех, когда их появление совпадает с ожиданиями массового сознания, то есть связаны с социальным заказом.

В Приложении 1 — *«Приемы советской научно-технической пропаганды через призму архивного документа»* — вниманию читателей представлен документ из Государственного архива Российской Федерации, фонда Главлита. Документ содержит план освещения в печати полета орбитальной станции «Салют». Автор отмечает, «что “Салют” стал важной вехой в истории отечественных космических исследований. Запуск и эксплуатация станции явились достойным ответом американской лунной программе. Помимо этого, с “Салюта”, несомненно, начался новый этап в развитии как советской, так и мировой космонавтики, связанный с созданием долговременных орбитальных станций» [Там же: 197—198]. Орбитальная станция «Салют», запущенная 19 апреля 1971 года, явилась предшественницей станции «Мир», запущенной в 1986 году. Как отмечает автор далее, представителями Академии Наук СССР и Министерства общего машиностроения советская пресса воспринималась как «органы пропаганды». План подробно расписывает формы освещения полета в органах печати, пресс-конференциях, телевидении, кинофильмах. С одной стороны, документ показывает методы контроля и цензуры научно-технической информации и публикаций со стороны органов власти. Но, с другой, как отмечает В. В. Комиссаров, «подобный централизованный характер советской научно-технической пропаганды нес в себе положительные моменты. Тщательная и многоуровневая процедура допуска и визирования открытых публикаций позволяла избежать искажения информации, откровенной профанации проблем, появления в массовой печати дешевых сенсаций, что мы часто наблюдаем в современном медийном пространстве» [Там же: 203].

В *Заключении* автор подводит итоги исследования. Научная популяризация заняла важное место в жизни советского общества, явилась плодом деятельности советской интеллигенции (наряду с научной фантастикой, авторской песней, походным

туризмом). Одновременно именно интеллигенция стала главным потребителем научно-популярных произведений. «Здесь, прежде всего, речь идет о таких отрядах, как старшие школьники, студенты, молодые специалисты, для которых потребление научно-популярной литературы стало одним из видов досуга» [Там же: 180].

Значение научно-технической и научно-популярной литературы трудно переоценить. Такие публикации являются источником информации для широких слоев населения, а также и для самих ученых и интеллигенции. Ученым трудно следить за большим количеством научных направлений, а статьи в научно-популярных журналах расскажут об основных достижениях и решаемых в настоящее время проблемах как в области, в которой работает ученый, так и в смежных и других областях научного знания.

Советская наука и промышленность нарабатывали громадный потенциал развития нации, явились фундаментом современной российской науки и техники. Не следует забывать, что мировой уровень в ряде областей современной российской науки и техники имеет источник в советском периоде, когда страна гигантскими усилиями стала сверхдержавой. Эти наработки использует современная Россия, особенно после начавшейся в 2022 году реиндустриализации, когда принято публиковать истории об успехах современной российской науки и промышленности в области импортозамещения, утверждения суверенитета страны в основных отраслях промышленности. Сегодня, в сложный для нашей страны период, знания истории пробуждают уверенность в успехе развития страны.

Монография В. В. Комиссарова, помимо научного интереса, пробуждает также интерес к реальным успехам советской эпохи в различных областях науки и техники, позволяет почувствовать исторические особенности советского послевоенного периода.

Список источников

Комиссаров В. В. «Сон разума»: научные мистификации в советской научно-популярной литературе // Современное состояние: проблемы и перспективы развития АПК России: сб. материалов Всеросс. науч.-практич. конф. Иваново, 29—30 апр. 2022 г. Иваново: Иван. гос. сельскохоз. академия им. акад. Д. К. Беляева, 2022. С. 365—368.

- Комиссаров В. В.* Главлит и научно-популярная публицистика в СССР во второй половине 1960-х начале 1970-х годов // *Российская история*. 2018а. № 5. С. 116—127.
- Комиссаров В. В.* Научно-популярная книжная серия «Эврика» как источник по истории советской интеллигенции 1965—1976 годов // *Интеллигенция и мир*. 2018b. № 1. С. 30—45.
- Комиссаров В. В.* Проблемы советского агропромышленного комплекса на страницах научно-популярной печати в 1960—1970-е гг. // *Аграрный вестник Верхневолжья*. 2019. № 1 (26). С. 138—144.
- Комиссаров В. В.* Приемы советской научно-технической пропаганды на примере плана освещения в СМИ полета орбитальной станции «Салют» // *Вопросы истории естествознания и техники*. 2021. Т. 42, № 3. С. 533—543.
- Комиссаров В. В.* Пропаганда советских космических достижений в 1960—1970-х гг.: формы, способы, ограничения // *Российская история*. 2023а. № 1. С. 170—177.
- Комиссаров В. В.* Приемы и методы противодействия паранаучным публикациям в СССР в 1960 — начале 1980-х гг. // *Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2023b. № 1. С. 86—97.
- Комиссаров В. В.* Отечественная интеллигенция и научная популяризация в 1945—1985 гг. Иваново: Верхневолжский государственный агробиотехнологический университет, 2024. 216 с.

References

- Komissarov, V. V. (2018a), 'Glavlit and popular science journalism in the USSR in the second half of the 1960s and early 1970s', *Rossiiskaia istoriia* [Russian History], no. 5: 116—127.
- Komissarov, V. V. (2018b), 'Popular science book series "Eureka" as a source on the history of the Soviet intelligentsia of 1965—1976', *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 1: 30—45.
- Komissarov, V. V. (2019), 'Problems of the Soviet agro-industrial complex on the pages of popular science press in the 1960—1970s', *Agrarnyi vestnik Verkhnevolzh'ia* [Agrarian Journal of Upper Volga Region], no. 1 (26): 138—144.
- Komissarov, V. V. (2021), 'Techniques of Soviet scientific and technical propaganda using the example of a plan for media coverage of the flight of the Salyut orbital station', *Voprosy istorii estestvoznaniia i tekhniki* [Studies in the History of Science and Technology], vol. 42, no. 3: 533—543.

- Komissarov, V. V. (2022), ‘“The Dream of Reason”: scientific hoaxes in Soviet popular science literature’, in *Sovremennoe sostoianie: problemy i perspektivy razvitiia APK Rossii: sbornik materialov Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Current state: problems and prospects for the development of the Russian agro-industrial complex: collection of materials from the All-Russian Scientific and Practical Conference], Ivanovo, Russia, 29—30 April 2022, Federal'noe gosudarstvennoe biudzhetnoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego professional'nogo obrazovaniia Ivanovskaia gosudarstvennaia sel'skokhoziaistvennaia akademiia imeni akademika D. K. Beliaeva, Ivanovo, Russia: 365—368.
- Komissarov, V. V. (2023a), ‘Propaganda of Soviet space achievements in the 1960—1970s: forms, methods, limitations’, *Rossiiskaia istoriia* [Russian History], no. 1: 170—177.
- Komissarov, V. V. (2023b), ‘Techniques and methods of countering parascientific publications in the USSR in the 1960s — early 1980s’, *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Ivanovo State University, Series: Humanities], no. 1: 86—97.
- Komissarov, V. V. (2024), *Otechestvennaia intelligentsiia i nauchnaia popularizatsiia v 1945—1985 gody* [Domestic intelligentsia and scientific popularization in 1945—1985], Verkhnevolzhskii gosudarstvennyi agrobiotekhnologicheskii universitet, Ivanovo, Russia.

Статья поступила в редакцию 07.10.2024; одобрена после рецензирования 01.11.2024; принята к публикации 27.11.2024.

The article was submitted to the editorial office on 07.10.2024; approved after reviewing on 01.11.2024; accepted for publication on 27.11.2024.

Информация об авторе / Information about the author

М. В. Жульков — кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Ивановский государственный университет, Иваново, Россия.

M. V. Zhulkov — Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor of the Department of Philosophy, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia.

Информация для авторов

Information for authors

Редколлегия междисциплинарного журнала социально-гуманитарных наук «Интеллигенция и мир» приглашает к сотрудничеству ведущих специалистов и начинающих исследователей, работающих в различных сферах гуманитарного знания. С 2010 года наш журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата исторических наук. Материалы журнала размещены в Научной электронной библиотеке (e-library.ru) и Восточно-европейской электронной библиотеке (www.cceol.com).

Реквизиты журнала ISSN 1993-3959

Подписной индекс в каталоге «Пресса России» 41533

Мы будем рады видеть на страницах журнала «Интеллигенция и мир» Ваши публикации по следующим актуальным проблемам:

- ***Актуальные проблемы современного интеллигентоведения***
- ***Генезис, становление, развитие и деятельность интеллигенции***
- ***Роль интеллигенции в развитии государственности и культуры России и зарубежных стран***
- ***Интеллигенция и общество в современных условиях***
- ***Роль личности в мировой и отечественной культуре и истории***
- ***Международные отношения и личность***
- ***Роль религии в развитии мировой культуры***
- ***Учебно-методические проблемы преподавания интеллигентоведения и других дисциплин социально-гуманитарного цикла***
- ***Рецензии на научные издания и диссертации, хроника научной жизни***
- ***Из архивных фондов: публикация исторических источников***

Требования к оформлению статей

К публикации принимаются научные статьи, обзорные статьи, редакционные статьи, дискуссионные статьи, персоналии, редакторские заметки, рецензии на книгу, рецензии на статью, спектакль и т. п. Рекомендуемый объем статьи и обзоров 30—40 тыс. знаков (до 1 авторского листа), в исключительных случаях до 45 тыс. знаков. Объем сообщения примерно 20 тыс. знаков (0,5 авторского листа), редакторские заметки и рецензии 10—15 тыс. знаков. Материалы представляются в электронном виде в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman, кегль 14, через 1,5 интервала.

Требования к оформлению статей смотрите на сайте журнала «Интеллигенция и мир», раздел «Правила публикации» (<https://intelligentsia.ivanovo.ac.ru>).

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР
Российский междисциплинарный журнал
социально-гуманитарных наук
2025. № 2

[12+]

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редактор *Д. Л. Лакербай*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Е. Е. Андреяновой*

Дата выхода в свет 27.06.2025.

Формат 60 × 84¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская.

Усл. печ. л. 11,63. Уч.-изд. л. 9,9.

Тираж 100 экз. Заказ № 27695. Цена свободная

Адрес редакции: 153025 Ивановская обл., г. Иваново, ул. Тимирязева, 5

Факс: +7(920) 672-03-68. E-mail: int_i_mir@mail.ru

Издательство «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Ивановская обл., г. Иваново, ул. Ермака, 39

☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

Отпечатано в АО «Ивановский издательский дом»

✉ 153025 Ивановская обл., г. Иваново, ул. Степанова, 5, литер А, А1-А7

☎ (4932) 30-32-37. E-mail: 301411@rambler.ru

Генезис

Формирование

**Представлены
основные направления
интеллигентоведения**

Деятельность

Типология

**Роль
в современном
обществе**

**Сущностные
черты**

Журнал адресован
научным сотрудникам,
преподавателям, студентам вузов

*Основан в 2001 году
Выходит 4 раза в год*

*Распространяется по подписке
и предварительным заявкам*

Междисциплинарный журнал,
не имеющий аналогов в России

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР